

РОБЕРТ
БРЫНДЗА

НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР

ТЕМНЫЕ ВОДЫ

ОНА НЕ ТВОЯ,
ОНА — МОЯ...

18+

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «ДЕВУШКА ВО ЛЬДУ»

Annotation

В рамках расследования дела о наркоторговле старший инспектор Эрика Фостер вместе с командой водолазов обследует заброшенный карьер на окраине Лондона, где был затоплен контейнер с наркотиками на четыре миллиона фунтов стерлингов. Контейнер достали, но это не единственная находка. Вместе с ним со дна поднимают сверток с останками семилетней Джессики Коллинз, пропавшей без вести двадцать шесть лет назад. Эрика Фостер берется за расследование гибели девочки.

Сопоставляя новые факты с теми, что были выявлены в ходе предыдущего расследования, Эрика выясняет массу подробностей о разрушенной семье Коллинз и следователе Аманде Бейкер, которая в свое время не смогла найти Джессику. Вскоре Эрика понимает, что это одно из самых сложных и запутанных дел в ее профессиональной карьере.

- [Роберт Брындза Темные воды](#)

-
-
-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)

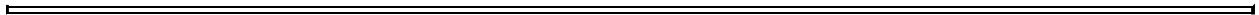
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)

- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)
- [Глава 62](#)
- [Глава 63](#)
- [Глава 64](#)
- [Глава 65](#)
- [Глава 66](#)
- [Глава 67](#)
- [Глава 68](#)
- [Глава 69](#)
- [Глава 70](#)
- [Глава 71](#)
- [Глава 72](#)
- [Глава 73](#)
- [Глава 74](#)
- [Глава 75](#)
- [Глава 76](#)
- [Глава 77](#)
- [Глава 78](#)
- [Глава 79](#)
- [Глава 80](#)
- [Эпилог](#)
- [К читателю](#)
- [От автора](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)

- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

Роберт Брындза Темные воды

Robert Bryndza
DARK WATER

Серия «Новый мировой триллер»

Печатается с разрешения Lorella Belli Literary Agency and Synopsis
Literary Agency

© Robert Bryndza, 2017
© Новоселецкая И., перевод, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Посвящается Марте

*О господи, она давно без жизни!
Всё кончено! Как на поле мороз,
Смерть пеленой лежит на этом теле!*

У. Шекспир. «Ромео и Джульетта»[\[1\]](#)

Пролог

Осень 1990 года

Однажды холодной ночью поздней осенью они сбросили труп в заброшенный карьер. Они знали, что место это уединенное и очень глубокое. Не знали они, что за ними наблюдают.

Они прибыли туда под покровом темноты в начале четвертого утра – отъехав от домов на окраине поселка, миновали пустынный участок с гравийным покрытием, где пешие туристы оставляли свой транспорт, и покатали по обширной пустоши. Машина, двигаясь с выключенными фарами, подпрыгивала и кренилась на ухабах. От пустоши тянулась тропинка, которую вскоре с обеих сторон обступил густой лес. В плотный вязкий мрак свет проникал лишь сверху, из-за макушек деревьев.

Не сказать, что они старались ехать скрытно: мотор ревел, подвеска скрипела от тряски. Наконец деревья расступились, показался наполненный водой карьер, и они, замедлив ход, остановились.

Не знали они, что рядом с карьером жил отшельником старик, самовольно поселившийся в старой заброшенной хижине, которую почти поглотил подлесок. Он был у хижины, смотрел на небо, любясь его красотой, когда машина, перевалившись через гребень, затормозила. Насторожившись, он зашел за кусты и стал наблюдать. Сюда часто ночами являлись местная детвора, наркоманы и парочки, искавшие острых ощущений, и ему удавалось пугать их, так чтобы они больше не возвращались.

Из-за облаков ненадолго выглянула луна. Два человека, выйдя из машины, вытащили из багажника что-то большое и со своим грузом направились к стоявшей у воды лодке. Один залез в нее, второй передал ему длинный сверток, который как-то странно изогнулся и плюхнулся на дно. Старик с ужасом догадался, что это труп.

Послышался тихий плеск от весел. Старик прижал ко рту ладонь. Он понимал, что ему лучше уйти, но словно прирос к земле. Лодка доплыла до середины карьера, и плеск прекратился. Ломтик луны, снова показавшейся в просвете между облаками, озарил рябь на воде, расходившуюся от лодки.

Старик затаил дыхание. Двое в лодке что-то увлеченно обсуждали; над водой разносился тихий ритмичный гомон их голосов. Потом наступила тишина. Они встали в лодке во весь рост, та накренилась, и один из них

едва не опрокинулся за борт. Приняв устойчивое положение, они взяли сверток и сбросили его в воду. Раздался всплеск, бряцанье цепей. Луна выплыла из-за облака, ярко осветив лодку и круги на воде, разбегавшиеся от того места, куда бултыхнулся сверток.

Теперь старик ясно видел тех двоих в лодке и их лица.

Он, доселе наблюдавший за происходящим не дыша, протяжно выдохнул. Руки у него дрожали. Неприятности ему были не нужны; всю жизнь он старался их избегать, но они, казалось, всегда его находили. Холодный ветерок всколыхнул сухую листву у его ног. Он почувствовал, как в носу резко защекотало и, не сдержавшись, чихнул. Его чих эхом огласил карьер. Двое в лодке вскинули головы, стали озираться по сторонам, взглядами прочесывая берега. А потом заметили его. Он повернулся, бросился бежать, но споткнулся о корень дерева и со всего размаху грохнулся на землю, так что из груди чуть весь дух не вышибло.

Под водой заброшенного карьера было тихо, холодно и очень темно. Отягощенное грузом тело быстро тонуло, погружаясь все глубже и глубже, пока наконец не ударилось о дно и не осело в рыхлом стылом иле.

Никем не тревожимое, оно пролежит там много лет – почти в полном покое. Но над ним, на суше, кошмар только начинался.

Глава 1

28 октября 2016 года, пятница

Старший инспектор Эрика Фостер обняла себя, пытаясь согреться на ледяном ветру. На ней был громоздкий спасательный жилет, и она жалела, что не оделась теплее. Небольшое надувное судно речной службы Столичной полиции вспенивало воды Хейзского карьера, таща за собой компактный эхолот, который сканировал дно глубокого водоема. Зброшенный карьер находился в самом центре природного парка Хейз, состоявшего из лесов и вересковых пустошей, что раскинулись на участке площадью 225 акров близ поселка Хейз на южной окраине Лондона.

– Глубина воды – двадцать три и семь десятых метра, – доложила сержант Лорна Крозье, возглавлявшая команду водолазов. Она сидела в носовой части судна, сгорбившись над монитором, на котором высвечивались результаты сканирования – чернильно-фиолетовые разводы, расплывающиеся на экране, как синяк.

– Значит, трудно будет поднять то, что мы ищем? – спросила Эрика, обратив внимание на ее тон.

Лорна кивнула.

– Все, что лежит глубже тридцати метров, доставать трудно. Мои водолазы не могут долго оставаться под водой. Глубина стандартного пруда или канала – обычно метра два. Глубина Темзы даже во время прилива составляет от десяти до двадцати метров.

– Да там внизу может быть что угодно, – заметил констебль Джон Макгорри, съездившись на небольшом пластиковом сиденье подле Эрики. Она проследила за взглядом своего молодого коллеги, всматривавшегося в покрытую рябью поверхность воды. Вглубь было видно всего на пару футов; дальше – колышущаяся чернота.

– Вы пытаетесь усесться мне на колени? – вспылила Эрика, когда он перегнулся через нее, чтобы заглянуть за борт.

– Простите, босс. – Улыбнувшись, Макгорри отодвинулся от нее. – Я смотрел одну передачу по каналу «Дискавери». Вам известно, что закартировано всего пять процентов дна Мирового океана? А Мировой океан, между прочим, занимает семьдесят процентов земной поверхности. Значит, шестьдесят пять процентов Земли, не считая суши, не исследованы...

На удалении двадцати метров, у кромки воды, покачивались на ветру пожухлые камыши. На поросшем травой берегу стоял большой фургон службы технической поддержки, рядом несколько человек готовили водолазное снаряжение. Только их оранжевые спасательные жилеты и расцветивали унылый осенний день. За ними простирался серо-бурый ковер из утесника и вереска, и вдалеке маячили купы голых деревьев. Лодка достигла конца карьера и замедлила ход.

– Разворачиваемся, – предупредил констебль Баркер, молодой сотрудник полиции, сидевший у рулевого управления подвесного мотора. Он резко повернул, и они поплыли назад, уже по шестому разу объезжая карьер.

– Как по-вашему, здесь какая-нибудь рыба или угри могли бы вырасти до суперкрупных размеров? – обратился Джон к Лорне; его глаза все еще горели энтузиазмом.

– Во время погружения я видела довольно крупных речных раков. Хотя карьер этот с другими водоемами не сообщается, поэтому все, что в нем есть, попало в него сверху, – ответила Лорна, одним глазом следя за монитором.

– Я вырос здесь неподалеку, в Сент-Мэри-Крей. Рядом с нами был зоомагазин, где продавали – представляете? – маленьких крокодилчиков... – Джон осекся, увидев, что Эрика недовольно вскинула брови.

Он никогда не унывал и был болтлив; это она с трудом, но могла пережить. А вот если придется дежурить с ним в утреннюю смену – это кошмар.

– Мы ищем не крокодила, Джон, а десять килограммов героина, упакованного в водонепроницаемый контейнер.

– Простите, босс, – кивнул Джон, посмотрев на нее.

Эрика глянула на часы: почти тридцать.

– Сколько стоит на черном рынке десять кило? – любопытствовал констебль Баркер со своего места у руля.

– Четыре миллиона фунтов стерлингов, – ответила Эрика, вновь обратив взор на меняющееся изображение на дисплее сонара.

Он присвистнул.

– Надо полагать, контейнер сбросили сюда намеренно?

Эрика кивнула.

– Джейсон Тайлер, тот тип, что сидит у нас под стражей, ждал, пока шум уляжется, чтобы потом вернуться за ним...

Она не добавила, что срок задержания подозреваемого истекает в

полночь.

– Он и впрямь рассчитывал, что сумеет забрать свой груз? – хмыкнула Лорна. – Мы – команда опытных водолазов – выловим его контейнер непременно, как бы туго ни пришлось.

– Когда речь идет о четырех миллионах? Да, думаю, он собирался вернуться за ним, – ответила Эрика. – Мы надеемся обнаружить его отпечатки на целлофановой упаковке внутри контейнера.

– Как вы узнали, что он скинул его здесь? – спросил констебль Баркер.

– От жены, – ответил Джон.

Баркер бросил на него многозначительный взгляд, который мог бы понять только мужчина, и присвистнул.

– Стоп. Кажется, что-то есть. Глуши мотор, – велела Лорна, склоняясь к крошечному экрану.

В фиолетовых завихрениях на дисплее проступили черные очертания какого-то небольшого предмета. Баркер заглушил подвесной мотор, и наступила звенящая тишина, в которую врезался свистящий шум воды, рассекаемой замедлившим ход судном. Он встал и подошел к Лорне.

– Мы сканируем участок площадью четыре метра с каждой стороны от лодки, – сказала она, маленькой рукой проведя по черному пятну на экране.

– По размеру подходит, – согласился Баркер.

– Думаете, это контейнер? – спросила Эрика, чувствуя, как в груди всколыхнулась надежда.

– Возможно, – ответила Лорна. – А может, и старый холодильник. Пока не спустимся туда, точно не узнаем.

– Вы сегодня будете погружаться? – осведомилась Эрика, стараясь сохранять позитивный настрой.

– Сегодня я работаю на суше. Вчера ныряла, а нам полагается делать перерыв, – объяснила Лорна.

– А где вы работали вчера? – поинтересовался Джон.

– В Роттерхите. Доставали самоубийцу из озера на территории заповедника.

– Не слабо. Наверно, вообще страсть, когда ищешь под водой труп?

Лорна кивнула.

– И я его нашла. На глубине десяти футов. Работала в условиях нулевой видимости, и вдруг мои руки обхватили лодыжки. Я стала ощупывать находку – оказалось, что это ноги. Он стоял на дне.

– Ни фига себе. Стоял, под водой? – изумился Джон.

– Так бывает. Это как-то связано с уровнем газов в теле в сочетании с определенной степенью разложения.

– Должно быть, это потрясающе. Я служу в полиции несколько лет. С водолазами работаю впервые, – признался Джон.

– Мы находим тонны всякой жути. Самый ужас, когда поднимаешь из воды мешок со щенятами, – добавил констебль Баркер.

– Вот нелюди. Я в полиции уже четверть века и каждый божий день узнаю что-то новое о зверствах людей. – Эрика заметила, как все, кто был в лодке, посмотрели на нее. Она видела, что мысленно они пытаются прикинуть, сколько ей может быть лет. – Так что с этой аномалией? Когда вы за ней полезете? – спросила она, переключая их внимание на дисплей сонара.

– Думаю, сейчас пометим место буйком и еще раз пройдемся по нему. – Лорна передвинулась к борту и приготовила небольшой оранжевый маркерный буй на шнуре с грузилом. Она бросила грузило за борт, и оно быстро исчезло в глубине темных вод, разматывая тонкую веревку. Буй закачался на воде, а констебль Баркер завел подвесной мотор, и судно снова заскользило по воде.

* * *

Через час с небольшим, идентифицировав три возможные аномалии, они закончили объезжать карьер. Эрика с Джоном вышли на берег погреться. День на исходе октября угасал. Притулившись у фургона с пластиковыми стаканами чая, они наблюдали за работой водолазов.

Лорна стояла на берегу, держа один конец утяжеленной веревки, называемой леерным шнуром, который уходил в воду, шел по дну и поднимался на поверхность в двадцати футах от берега. Судном, стоявшим на якоре у первого маркерного буйка, управлял констебль Баркер. Он держал второй конец туго натянутого леерного шнура. Миновало десять минут с тех пор, как два водолаза ушли под воду. Они начали поиски от противоположных концов шнура и, обследуя дно карьера, шли навстречу друг другу, намереваясь встретиться на середине. Рядом с Лорной сидел на корточках, склонившись над приемником размером с кожаный чемоданчик, еще один член водолазной команды. До Эрики доносились голоса водолазов, переговаривающихся по рациям, вмонтированным в их подводные маски.

– Видимость нулевая, пока ничего... Должно быть, мы близки к середине... – звучал из рации металлический голос.

Эрика нервно затянулась электронной сигаретой, на кончике которой

краснел светодиодный огонек, и выдохнула белый пар.

В отделение полиции Бромли ее перевели три месяца назад, и она все еще пыталась освоиться на новом месте, притиралась к своей новой команде. Всего несколько миль от ее прежнего места службы в Луишеме в южной части Лондона, но какая ж огромная разница между столичными предместьями и окраиной графства Кент, где пахло провинцией. Хотя она уже начинала к этому привыкать.

Эрика взглянула на Джона. Тот, стоя шагах в двадцати от нее, беседовал по телефону и при этом лыбился во весь рот. Джон при всяком удобном случае звонил своей подружке. Мгновением позже он закончил разговор и, вернувшись к ней, спросил:

– Водолазы все еще ищут?

Эрика кивнула.

– Отсутствие новостей – хорошие новости... Но если я правильно понимаю, этот гаденыш...

Гаденышем, о котором шла речь, был Джейсон Тайлер – наркодилер мелкого пошиба, который стремительно выбился в авторитеты, стал контролировать сеть наркоторговцев, что опутала весь Южный Лондон до самых границ Кента.

– Натягивай трос, я провисаю... – раздался из рации голос одного из водолазов.

– Босс? – смущенно обратился к ней Джон.

– Да?

– Я сейчас с девушкой своей говорил, с Моникой, по телефону... Она... мы хотели пригласить вас на ужин.

Эрика посмотрела на него, краем глаза по-прежнему наблюдая за Лорной. Та, упершись ногами в берег, немного смотала шнур.

– Что? – отозвалась Эрика.

– Я много рассказывал о вас Монике... Только хорошее, разумеется. Я столькому научился с тех пор, как вы здесь. Благодаря вам работать стало гораздо интереснее. И мне хочется работать лучше... В общем, она хотела бы угостить вас лазаньей. У нее это блюдо очень вкусно получается. И я это говорю не только потому, что она моя девушка. Правда вкусно... – Его голос постепенно стих.

Эрика смотрела на двадцатифутовый промежуток между Лорной на берегу и судном на воде. Быстро смеркалось. Она подумала, что водолазы вот-вот должны встретиться на середине, и если они встретились, значит, ничего не нашли.

– Так что скажете, босс?

– Джон, мы на пороге раскрытия серьезного преступления, – вскипела она.

– Но я же не говорю, что прямо сегодня. В какой-нибудь другой день? Моника будет рада с вами познакомиться. И если есть кто-то, кого бы вы хотели пригласить, это было бы здорово. Вы замужем?

Эрика повернулась к нему. Последние года два она только и слышала, как коллеги перемывают ей кости, и ее удивило, что Джон пребывает в неведении. Она собралась было ему ответить, но раздался крик одного из членов вспомогательной команды у кромки воды.

Они подскочили к Лорне и водолазу, что горбился над приемником, и услышали, как один из водолазов под водой говорит:

– В иле какой-то сверток... Один я не достану, мне нужна помощь... Сколько у меня времени? – К металлическому голосу, прорезавшему холодный воздух, примешивались какие-то помехи. Эрика сообразила, что это выходят пузырьки из трубки водолаза на глубине тридцать футов, которому отвечал сотрудник полиции из катера.

Лорна повернулась к Эрике.

– Кажется, нашли. Должно быть, то самое.

Глава 2

Сумерки сгустились, и температура у воды резко понизилась. Эрика и Джон вышагивали в дуге света, отбрасываемой фарами машин технических служб. Деревья за ними растворялись в темноте, которая, казалось, придавливала их.

На крутой стене карьера наконец-то появился один из водолазов. Гидрокостюм на нем лоснился, в руке он нес нечто похожее на большой чемодан из формованного пластика, весь измазанный в иле. Эрика и Джон вместе с остальными членами водолазной команды помогли ему выбраться на берег. У Джона была с собой маленькая цифровая видеокамера, и он стал снимать водолаза с контейнером, который положили на пленку, расстеленную на траве. Все отошли назад, Джон сделал несколько фотоснимков контейнера в том виде, в каком его подняли со дна.

– О'кей, босс, – произнес он. – Я снимаю.

Эрика уже натянула пару латексных перчаток и теперь держала в руке болторез. Опустившись на колени перед контейнером, она принялась его осматривать.

– С каждой стороны от ручки защелки, запертые на висячие замки, есть клапан выравнивания давления. – Она показала на покрытую грязью заглушку под ручкой и срезала оба замка болторезами. Джон снимал ее действия на видеокамеру. Команда водолазов, озаряемая лучом света, исходящим от цифровой видеокамеры, наблюдала за ней, стоя чуть поодаль.

Эрика осторожно повернула клапан, послышалось шипение. Она открыла обе защелки и подняла крышку контейнера. Луч видеокамеры запрыгал по рядам аккуратно уложенных пакетов с розовато-серым порошком.

У Эрики радостно екнуло в груди.

– Героин стоимостью четыре миллиона фунтов стерлингов по ценам наркоторговцев, – провозгласила она.

– Это ужасно, но я не могу отвести взгляд, – пробормотал Джон, склоняясь над контейнером, чтобы заснять его содержимое крупным планом.

– Всем спасибо, – сказала Эрика, повернувшись к застывшим в молчании водолазам, которые стояли полукругом. Их усталые лица озарили улыбки.

Послышался треск эфирных помех. Их по рации вызывал один из водолазов, все еще находившийся под водой. Лорна отошла к приемнику и стала беседовать с ним по рации.

Эрика осторожно опустила крышку контейнера.

– Так, Джон, звони диспетчеру. Это нужно безопасно транспортировать в отделение. И скажи суперинтенданту Йелю, пусть распорядится насчет дактилоскопистов, чтобы они сразу исследовали пакеты на пальчики, как только мы вернемся. Мы глаз не спустим с героина, пока его надежно не запрут, это ясно?

– Да, босс.

– И принеси из машины один из больших пакетов для вещественных доказательств.

Джон удалился, а Эрика выпрямилась, глядя сверху вниз на чемодан.

– Все, ты мой, Джейсон Тайлер, – пробормотала она. – Прищучила я тебя, теперь получишь по полной.

– Старший инспектор Фостер, – обратилась к ней Лорна, поговорив по рации. – Один из наших водолазов, обследуя дно, обнаружил кое-что еще.

* * *

Пятнадцать минут спустя Эрика убрала в пакет пластиковый контейнер с героином, а Джон снова включил цифровую видеокамеру, снимая второго водолаза, выходящего из воды. Тот нес на руках что-то темное и бесформенное, направляясь к чистой целлофановой пленке, что расстелили на траве. Грязный сверток обвивали тонкие ржавые цепи, к которым был подвешен груз – нечто похожее на гантели. В длину сверток не превышал пяти футов и складывался сам по себе. Целлофан был старый, хрупкий и как будто обесцветившийся.

– Это нашли в четырех футах от контейнера. Сверток частично утопал в грунте на дне карьера, – сообщила Лорна.

– Не тяжелый. Внутри что-то маленькое, ерзает, – добавил водолаз.

Он положил свою находку на пленку. Все затихли. В безмолвие вторгся только треск сучьев стоявших вдалеке деревьев, в которых гулял ветер.

Эрика похолодела от дурного предчувствия.

– Дайте мне болторез, – нарушила она тишину, шагнув вперед.

Зажав инструмент под мышкой, она вытащила новую пару латексных перчаток, затем подступила к свертку и принялась за работу, осторожно

перекусывая ржавые цепи, тонкие, но многократного плетения. Целлофан, хрупкий и оттого негибкий, стал ломаться, когда она начала разматывать цепи и на траву из свертка полилась вода.

Эрика осознала, что, несмотря на холод, она покрывается испариной. Пленка была намотана в несколько слоев, и, разворачивая ее, она подумала, что в свертке лежит что-то небольшое. От него исходил только запах прудовой воды, застоялый и немного неприятный, что ее насторожило.

Добравшись до последнего слоя, Эрика увидела, что вся команда вокруг нее замерла. Она и сама затаила дыхание. Сделав глубокий вдох, Эрика отвернула последний слой хрупкого целлофана.

Луч видеокамеры осветил содержимое свертка. Это был небольшой скелет: грудa костей в слое дисперсного ила. От одежды осталось немного – несколько клочков коричневой ткани, прилипшей к грудной клетке; маленький тонкий ремешок с ржавой пряжкой, болтавшийся на позвоночнике, который все еще соединялся с почечной лоханкой. Череп отвалился, угнездившись во впадинах реберных дуг. На макушке еще виднелось несколько темных прядей волос.

– О боже, – выдохнула Лорна.

– Очень маленький... Похож на скелет ребенка, – тихо проронила Эрика.

Внезапно их накрыла темнота, потому что Джон вместе со своей видеокамерой метнулся на край берега, где рухнул на колени, и его стошнило в воду.

Глава 3

Эрика села за руль своего автомобиля. Шел сильный дождь, барабанивший по крыше; на ветровом стекле виднелись капли в свете синих огней патрульных машин и фургона водолазов.

Первым от карьера отъехал микроавтобус патологоанатома. Черный мешок с останками казался таким маленьким, когда его грузили в машину. Несмотря на долгие годы службы в полиции, Эрика была потрясена. Перед ее глазами всплывал крошечный череп с клочьями волос и пустыми глазницами. *Кому понадобилось сбрасывать в карьер труп ребенка? Какой-нибудь банде? Но ведь Хейз – зажиточный район, и уровень преступности здесь относительно низкий.* Эти вопросы не давали ей покоя.

Она провела ладонями по мокрым волосам и повернулась к Джону.

– Вы как, пришли в себя?

– Простите, босс. Сам не понимаю, почему... Я ведь немало трупов перевидал... А здесь даже крови не было.

– За это не переживайте, Джон.

Эрика завела мотор. От карьера отъехали автомобиль с контейнером и две машины сопровождения. Она тронулась с места и покатила следом. Они молча ехали; безрадостный свет многочисленных фар освещал густой лес, перекатывавшийся по обеим сторонам гравийной дороги. Эрику кольнуло острое сожаление: плохо, что она больше не работает в отделе по расследованию убийств в Луишем-Роу. Теперь она в отделе специальных расследований, боровшемся с организованной преступностью. Какой-то другой сотрудник полиции будет выяснять, как маленький скелет оказался под водой на глубине тридцати футов, в ледяном мраке.

– Контейнер мы нашли. Именно там, где сказала жена Джейсона Тайлера, – произнес Джон, стараясь придать уверенность своему тону.

– Нужно, чтоб совпали его отпечатки; без них у нас ничего нет, – охладила его пыл Эрика.

Они покинули территорию парка и покатили через Хейз. Ярко светились окна супермаркета, дешевого кафе и газетного киоска, где висели в ряд дряблые резиновые маски для Хеллоуина – все с дырками вместо глаз и крючковатыми носами.

Да, контейнер с героином они нашли, но заставить себя радоваться и ликовать Эрика не могла. Все ее мысли занимал тот крошечный скелет. За время службы в полиции она несколько лет возглавляла отделы по борьбе с

наркоторговлей. Их названия видоизменялись – Центральное подразделение по борьбе с наркотиками, отдел по борьбе с наркотиками и организованной преступностью, теперь вот отдел специальных расследований, – а война с наркоторговлей все продолжалась, и победить в ней не представлялось возможным. Стоило убрать одного поставщика, наготове уже был другой, жаждавший занять его место, и он заполнял образовавшуюся пустоту, действуя еще более ловко и хитро. В свое время Джейсон Тайлер заполнил пустоту, а вскоре кто-то еще займет его место. В общем, каждый раз начинай сначала...

А вот убийцы – другое дело. Их можно поймать и посадить за решетку.

Ехавшие впереди патрульные машины остановились на светофоре у железнодорожной станции Хейз. Сошедшие с электрички пассажиры, прячась от непогоды под зонтами, переходили дорогу.

Дождь колошматил по крыше автомобиля. Эрика на мгновение закрыла глаза и вспомнила маленький скелет, лежавший на берегу карьера. Сзади засигналила машина. Вздогнув, она разжала веки.

– Зеленый, босс, – тихо сказал Джон.

Они медленно ползли вперед: на кольцевой транспортной развязке все еще был затор. Эрика смотрела на спешащих мимо людей, пытливо вглядываясь в их лица.

Кто это сделал? Кто совершил это преступление? – думала она. – Я должна тебя найти. И найду. Найду и посажу в тюрьму на веки вечные...

Катившая за ней машина дважды просигналила. Эрика увидела, что пробка рассосалась, и поехала по кольцу.

– Вы недавно спрашивали, замужем ли я, – произнесла она.

– Просто хотел узнать, может, вы хотите прийти на ужин не одна...

– Мой муж служил в полиции. Два с половиной года назад он погиб во время операции по захвату нарколаборатории.

– Черт. Я не знал. Иначе ничего такого не сказал бы... Простите.

– Ничего. Я думала, все уже знают.

– Я не любитель сплетен. Но вы все равно приходите к нам на ужин. Правда. Моника очень вкусно готовит лазанью.

– Спасибо, – улыбнулась Эрика. – Вот закончим это дело, тогда может быть.

Джон кивнул и спросил тихо:

– Тот скелет... это ведь скелет ребенка, да?

Эрика кивнула. На съезде с кольцевой развязки микроавтобус патологоанатома отделился от них и повернул направо. Они смотрели, как он удаляется, исчезая среди домов. Полицейские автомобили, что везли

героин, свернули налево, и Эрика неохотно поехала следом за ними.

* * *

Отделение полиции Бромли размещалось в современном трехэтажном кирпичном здании в конце Бромли-Хай-стрит, напротив железнодорожной станции. Часы показывали начало восьмого, и пассажиры, сошедшие с электрички, торопливо шли под навесом на станции Бромли-Саут, подгоняемые проливным дождем и близостью выходных. Первые группы любителей пятничных вечерних гулянок двигались в обратном направлении. Девушки держали над головами расправленные короткие курточки, стараясь не замочить свои еще более короткие платья; парни, в рубашках и модных брюках, укрывались от дождя бесплатной газетой «Ивнинг Стандарт».

Эрика миновала железнодорожную станцию и, следуя за двумя патрульными машинами с включенными мигалками, что сопровождали автомобиль с контейнером, свернула на подъездную дорогу, которая вела к подземной парковке отделения полиции.

Первый этаж полицейского участка Бромли занимала патрульная служба. В коридоре толпились полицейские, заступавшие в ночную смену. Лица у всех были задумчиво-угрюмые: никого не радовала перспектива всю ночь разбираться с пьяными подростками. Эрику, Джона и шестерых полицейских, сопровождавших контейнер до центральной лестницы, что вела в Управление по расследованию уголовных дел, встретил ее начальник, суперинтендант Йель. Вместе с ними он поднялся наверх. Лицо у него было красное, на голове – копна жестких рыжих волос, и он всегда выглядел так, будто его втиснули в форму, которая была на размер мала для его грузной фигуры.

– Отлично, Эрика, – похвалил Йель, с улыбкой кивая на пакет с контейнером. – Дактилоскописты уже ждут наверху.

– Сэр, помимо контейнера мы нашли... – начала Эрика.

– Да, бранные останки, – нахмурился Йель. – Об этом потом.

– Сэр. Скелет был завернут в целлофан. Это скелет ребенка...

– Эрика, расследование по делу о наркотиках вступило в решающую фазу. Не разбрасывайтесь.

Они дошли до кабинета, где ждал сотрудник полиции в штатском. Глаза его загорелись, когда он увидел в руке патрульного контейнер.

– Вот, держите. Давайте попробуем снять отпечатки и прижать

Джейсона Тайлера! – сказал суперинтендант Йель. Он оттянул рукав мундира и посмотрел на часы, прятаясь в поросли его волосатого запястья. – Нужно управиться до восьми тридцати завтрашнего утра. Времени впрыток, прохлаждаться некогда.

Глава 4

В час ночи пришли результаты экспертизы отпечатков пальцев, обнаруженных на одном из пакетиков с героином, коими был набит контейнер. Они совпали с отпечатками Джейсона Тайлера. Эта новость была встречена всеобщим ликованием и вздохами облегчения.

Команда Эрики трудилась все выходные. В понедельник утром Тайлер предстал перед судом, где ему предъявили обвинение, просьба о залоге была отклонена.

В понедельник после обеда Эрика постучалась в кабинет Йеля. Тот как раз надевал пальто, собираясь уходить.

– Идем выпьем, Эрика? Вы это заслужили. Сначала я угощаю, – заулыбался он.

– Я только что ознакомилась с заявлением для прессы по поводу Джейсона Тайлера, сэр, – сказала она. – Вы не упомянули про найденные останки.

– Не хочу, чтобы это отвлекало внимание от нашего расследования по делу Тайлера, и, судя по тому, что вы нашли, это дела давно минувших дней. К нему не имеет отношения. Слава богу, что теперь это не наша проблема. Останками поручили заниматься одному из отделов по расследованию убийств.

Он надел пальто, подошел к картотечному шкафу, на котором клейкой лентой было прилеплено маленькое ручное зеркальце, и посмотрев в отражение, расческой провел по своей непослушной рыжей шевелюре.

Эрика понимала, что с его стороны это не равнодушие и не жестокость; он просто был реалистом.

– Ну что, пить пойдем? – спросил Йель, поворачиваясь к ней.

– Нет, спасибо. Что-то я устала. Пожалуй, поеду домой, – отказалась она.

– Как вам угодно. Вы – молодец. – Он потрепал Эрику по плечу, вместе с ней выходя за дверь.

Эрика вернулась в свою квартиру в Форест-Хилл и приняла душ. Обернувшись в полотенце, она вышла из ванной и бросила взгляд в окно: на улице было серо и мрачно, ее маленький садик заволокло туманом. Эрика задвинула шторы, включила телевизор и устроилась на диване.

Следующие несколько часов она думала об останках маленькой девочки, снова и снова вспоминая, как отворачивала последний слой

полиэтилена и увидела череп с остатками длинных волос... тонкий ремешок, опоясывающий позвоночный столб...

Разбудил ее телефонный звонок.

– Эрика, привет. Это Айзек, – прозвучал в трубке мягкий мужской голос. – Ты занята?

В Лондон она переехала два с половиной года назад, и за это время судмедэксперт Айзек Стронг стал ей близким другом и коллегой, которому она всецело доверяла.

– Нет, телик смотрю. – Она потерла глаза, изображение на экране обрело четкость. – Сара Джессика Паркер и Бетт Мидлер на метлах, за ними – еще одна ведьма на пылесосе.

– А-а, «Фокус-покус». Даже не верится, что уже снова Хеллоуин.

– Мой первый Хеллоуин в Форест-Хилл. А я ведь живу на первом этаже, так что наверняка ряженые замучают. – Свободной рукой Эрика стянула с головы полотенце. Волосы почти высохли.

– Вообще-то, я не просто так звоню, – помолчав, сказал Айзек. – Я по поводу останков, что вы выудили в пятницу из Хейзского карьера.

Эрика застыла с полотенцем в руке.

– И что же?

– В субботу утром меня вызвали на работу. Нужно было срочно произвести вскрытие трупа. А когда закончил, увидел эти останки и твое имя в документах. Ну, и посмотрел.

– Но ведь это дело передали в один из отделов по расследованию убийств?

– Так и есть. И я с ними работаю. Но сейчас никто не отвечает на мои звонки. Я подумал, что ты-то ответишь и тебя заинтересует то, что я обнаружил.

– Заинтересует. И что же это?

– Я сейчас в морге в Пендже. Когда ты сможешь сюда приехать? – спросил Айзек.

– Уже еду. – Эрика бросила полотенце и побежала одеваться.

Глава 5

Шаги Эрики по каменному полу гулким эхом разносились по длинному коридору морга, ведущему к секционной. Она остановилась у последней двери; видеокамера высоко на стене, застрекотав, повернулась, словно приветствуя ее. Толстая железная дверь зажужжала и со щелчком отворилась. Эрика вошла.

В помещении было холодно, естественное освещение отсутствовало. У одной стены стояли в ряд холодильники из нержавеющей стали, в центре блестели под флуоресцентными лампами четыре секционных стола. Самый ближний к двери был накрыт голубой простыней, и на ней лежал маленький темно-коричневый скелет – целый, сложенный косточка к косточке.

Доктор Айзек Стронг стоял спиной к Эрике. Услышав, как она вошла, он выпрямился и повернулся к ней. Высокий, худощавый, он был в синей униформе, с белой маской на лице и в голубой шапочке, плотно сидевшей на его голове. На скамейке за металлическим секционным столом со скелетом лежали пакетики с пробами и образцами, с которыми работала спокойно, аккуратно обращаясь с останками, ассистентка Стронга, молодая китаянка. Ее латексные перчатки характерно заскрипели, когда она взяла небольшой пакетик с волосами и сверила надпись на ярлыке со своим списком.

– Привет, Эрика, – поздоровался Айзек.

– Спасибо, что позвонил, – поблагодарила она, глядя мимо него на скелет.

В секционной витал неприятный запах затхлой воды в сочетании со смрадом гнили и мясного духа костного мозга. Эрика обратила взгляд на бледное усталое лицо Айзека. Он снял белую маску и, вскинув свои безукоризненно ухоженные брови, улыбнулся – тепло и радостно, хотя они находились в морге. По ее губам скользнула ответная улыбка. Они не виделись несколько недель, их связывала крепкая дружба, но перед лицом смерти, в этой служебной обстановке, они должны были соблюдать нормы профессионального поведения. Кивнув друг другу, они вернулись к своим ролям судмедэксперта и старшего инспектора.

– Как и требует процедура, я позвонил руководителям отделов по расследованию убийств и нераскрытых преступлений в Скотленд-Ярде, но я подумал, что ты захочешь узнать о моих изысканиях.

– Ты связался с отделом по расследованию нераскрытых

преступлений? Значит, останки идентифицированы? – спросила Эрика.

Айзек вскинул ладонь.

– Позволь начать с самого начала, – урезонил он ее. Они подошли вплотную к секционному столу. Поскольку аккуратно скомпонованный скелет лежал на стерильно чистой простыне, въевшаяся грязь на костях особенно бросалась в глаза. – Это Лань, мой новый ассистент, – представил он элегантную молодую женщину. Та повернулась и кивнула. Все ее лицо, за исключением глаз, скрывала маска.

– Итак. Череп, как видишь, в целости и сохранности – ни проломов, ни царапин. – Айзек осторожно приподнял и отвел в сторону тусклый завиток жестких бурых волос, обнажив гладкую кость черепа. – Один зуб – передний резец сверху слева – отсутствует. – Свою руку в перчатке он сдвинул до уровня верхнего ряда коричнево-желтых зубов. – Три верхних ребра слева, у самого сердца, сломаны. – Его рука переместилась еще ниже, к сложенным обломкам трех ребер. – Тело было туго замотано в полиэтилен, поэтому почти весь скелет хорошо сохранился. Обычно в водоемах – озерах, карьерах – водятся щуки, пресноводные раки, угри, всякие бактерии и микробы, которые бы обглодали и разрушили труп. Полиэтилен защитил скелет от всего, кроме мельчайших микробов, которые и съели тело.

Айзек пододвинул маленький металлический столик на колесах. На нем лежали частички личных вещей, помещенных в целлофановые пакеты.

– Мы нашли несколько клочков шерстяной одежды и комплект одинаковых пуговиц, – вероятно, с жакета. – Айзек поднял один из пакетов, показывая кусочки истончившейся коричневой ткани, составленные в некую конфигурацию неопределенной формы. Потом положил его и взял другой пакет. – А также ремешок из смеси пластиков на основе синтетических смол. Как видишь, он обесцветился, но пряжка осталась застегнутой. – Эрика отметила про себя, что талия, которую некогда обвивал этот ремешок, наверно, была очень тонкой. – И еще клочок нейлона на волосах; думаю, это была лента... – Его голос сошел на нет. Он взял самый маленький пакет, в котором лежала прядь жестких бурых волос, перевязанных тонкой полоской ткани.

Эрика помедлила, скользнув взглядом по находкам. Скелет, маленький и беззащитный, смотрел на нее пустыми глазницами.

– Когда мне было восемь лет, у меня был точно такой же ремешок. Значит, это вещи маленькой девочки? – спросила Эрика, показывая на пакет с ремешком.

– Да, – тихо подтвердил Айзек.

– Про возраст что-нибудь можно сказать? – Эрика посмотрела на него, ожидая, что он, как обычно, в резкой форме, заявит, что пока рано говорить о чем-то наверняка.

– Полагаю, это скелет семилетней девочки по имени Джессика Коллинз.

Эрика в немом изумлении переводила взгляд с Айзека на Лань.

– Что-о? Как вы узнали?

– По скелету пол трудно определить, особенно если смерть случилась до пубертатного периода. Узнав, что сохранились клочки одежды, руководитель следственной группы на всякий случай запросил информацию о пропавших без вести девочках в возрасте от шести до десяти лет за последние четверть века. Мы сосредоточились на заявлениях о детях, пропавших в южной части Лондона и в районе границы Кента. Да, конечно, дети пропадают ежедневно, но большинство из них, слава богу, находятся. Когда пришел список, были запрошены стоматологические карты этих детей, которые внимательно изучил стоматолог-криминалист. Зубы скелета соответствуют стоматологическому статусу девочки, пропавшей в августе тысяча девятьсот девяностого года. Ее звали Джессика Коллинз.

Лань прошла к скамейке и вернулась с папкой. Айзек взял ее, вытащил рентгеновский снимок и поднял его к свету.

– Этот снимок прислали с документами от судебного стоматолога. Светового короба у меня больше нет; старый вышел из строя, жду новые лампы, – с сожалением произнес он. – Один из недостатков цифровой рентгенографии... Снимок был сделан в июле восьмидеят девятого года. Джессика Коллинз играла в саду в крокет, и мяч угодил ей в челюсть. Ей было шесть лет. Здесь, если видишь, ничего не сломано, но снимок показал, что передние зубы вдавлены и чуть искривлены; нижние тоже неровные. Совпадение по всем параметрам.

Они посмотрели на скелет: верхние зубы коричневые и искривленные; рядом аккуратно приставлена челюстная кость, выдающая секреты личности скелета.

– Во время вскрытия мне удалось извлечь небольшое количество костного мозга, и скоро я отправлю его в лабораторию, – но это только для того, чтобы подстраховаться со всех сторон. Уже сейчас могу подтвердить, что это Джессика Коллинз. – Айзек замолчал.

Эрика провела рукой по волосам.

– Есть мысли по поводу причины смерти?

– Мы имеем три сломанных ребра в левой части грудной клетки, все

три с полным нарушением целостности костей, что указывает на травму от удара тупым предметом в область сердца или легких. На костях отметин или царапин нет, а значит, нож или какой-то другой острый предмет не использовались. Мы также имеем отсутствие переднего левого резца, но зуб не был сломан – выпал полностью. Однако я не могу сказать, каким образом он был утрачен. В принципе, у семилетних детей выпадают молочные зубы...

– Значит, зуб тут ни при чем?

– Совершенно верно. Но учитывая, что тело было завернуто в пленку и сброшено в воду с грузом, нельзя исключать убийство.

– Разумеется.

– Когда ты приехала в Великобританию, в каком году? – спросил Айзек.

– В сентябре девяностого, – ответила Эрика.

– Помнишь дело Джессики Коллинз?

Эрика задумалась, роясь в воспоминаниях о том времени, когда она приехала в Англию из Словакии. Ей тогда было восемнадцать, она устроилась домработницей в семью с двумя детьми, проживавшую в Манчестере.

– Не знаю. Я плохо говорила по-английски и вообще была растеряна – культурный шок. Первые несколько месяцев работала у них в доме, в свободное время сидела в своей комнате, без телевизора... – Эрика резко замолчала, заметив, что ассистентка Айзека пытливо смотрит на нее. – Нет, не помню.

– Джессика Коллинз исчезла седьмого августа девяностого года во второй половине дня. Отправилась из родительского дома на день рождения подруги, жившей на соседней улице, куда так и не дошла. Пропала без вести. Как будто в воздухе растворилась. Об этом писали все газеты, – просветил ее Айзек.

Он вытащил из папки еще один документ. Это была фотография белокурой девочки в нарядном розовом платье с тоненьким ремешком в тон, синем жакете и белых сандалиях с красочным цветочным узором. Широко улыбаясь, она позировала перед темной деревянной дверью – очевидно, гостиной.

Чем-то ее улыбка во весь рот с неровными нижними зубами напоминала челюстную кость, что лежала на секционном столе. Эрика даже охнула.

– Да, вспомнила, – тихо проронила она, узнав фотографию. – Этот снимок помещали в каждой статье про пропавшую девочку.

– И теперь только мы трое на всем белом свете знаем, что с ней случилось, – впервые подала голос Лань.

Глава 6

Домой из морга в Пендже Эрика возвращалась в сгущающихся сумерках. Машин на дороге оказалось немного. Стемнело, низко стелился туман, образуя навес между домами и магазинами по обеим сторонам дороги. На душе было погано. За годы службы в полиции она расследовала множество преступлений, но всегда находилось особое дело, что задевало ее за живое. Джессике исполнилось всего семь лет, когда ее настигла смерть.

В конце 2008 года Эрика забеременела, совершенно случайно. Она повздорила с мужем, Марком: он просил, чтобы она оставила ребенка, но Эрика не захотела и прервала беременность. Марк не дал ей своего благословения и сказал, что примет любое ее решение. Аборт она сделала на ранней стадии беременности, но Эрика была уверена, что зачала девочку. Если б она сохранила ребенка, ее дочери теперь было бы семь лет.

Мимо ускользали грязные серые дороги, а по щекам Эрики струились слезы. После она целый год мучилась, раздираемая чувствами облегчения и отвращения. Ругала себя, корила Марка за то, что не настоял. Ребенок многое изменил бы в ее жизни. Марк намеревался сам сидеть с ребенком. Если бы муж оставил службу, он не принял бы участия в той роковой операции, во время которой его застрелили.

Она всхлипывала, глотая слезы. И только убрала с руля руку, чтобы отереть глаза, из-за машин, припаркованных вдоль обочины, на дорогу внезапно выскочила женщина с ребенком. Эрика резко нажала на тормоза, и ее автомобиль с визгом остановился.

Женщина – молодая, в приталенной теплой розовой куртке – махнула ей, извиняясь, и, крепче схватив за руку малыша, по случаю Хеллоуина одетого в маскарадный костюм скелета, потащила его с дороги. Он повернул маленькую головку, и в ярком свете фар Эрика увидела обращенное к ней крошечное лицо скелета. Она закрыла глаза, и, когда их вновь открыла, женщина с ребенком уже исчезли.

* * *

По прибытии домой Эрика включила центральное отопление, не снимая куртки, сварила себе большую чашку кофе и затем села на диван с

ноутбуком. Сразу вывела Google и в поисковой строке набрала: «Джессика Коллинз, пропала без вести». Программа выдала целую страницу результатов. Она открыла первый сайт: статью «Википедии».

«Джессика Мари Коллинз (род. 11 апреля 1983 г.) пропала без вести 7 августа 1990 г., вскоре после того, как вышла из родительского дома на Эйвондейл-роуд (Хейз, графство Кент), отправившись на день рождения одной из школьных подруг.

7 августа в 13.45 пополудни Джессика вышла из дома № 7 по Эйвондейл-роуд, одна, и отправилась в соседний дом, № 27, по этой же улице, где отмечали день рождения ее подруги. Там она так и не появилась. Ее хватились только в 16.30, когда родители девочки, Мартин и Марианна Коллинз, пришли за ней. Они-то и забили тревогу.

Исчезновение Джессики Коллинз получило широкое освещение в английской прессе.

25 августа 1990 г. полиция задержала и допросила 33-летнего Тревора Марксмэна. Через четыре дня его отпустили без предъявления обвинения. Полиция продолжала поиски на протяжении 1991 и 1992 гг. С конца 1993 г. следствие по делу о пропавшей девочке уже велось не столь активно.

Новые аресты не производились, следствие по делу не завершено. Тело Джессики Коллинз обнаружено не было, преступление остается нераскрытым».

По карте «Google Планета Земля» Эрика проверила местоположение Хейзского карьера. Он находился менее чем в двух милях от Эйвондейл-роуд, где пропала Джессика.

– Карьер ведь наверняка должны были обыскать? – рассуждала она сама с собой. Эрика задала в Google поиск изображений и нашла снимок с пресс-конференции в августе 1990 года, на которой Столичная полиция выступила с обращением к гражданам. На заднем плане за столом сидели бледные и осунувшиеся родители Джессики, по обе стороны от них – сотрудники Столичной полиции.

– Двадцать шесть лет, – промолвила Эрика. Она закрыла глаза, и перед ней мгновенно возник детский скелет. Череп и пустые глазницы, челюсть и обнаженные зубы.

Она встала, чтобы сварить себе еще кофе. Засигналил ее мобильный телефон. Звонил суперинтендант Йель.

– Простите, что нарушаю покой вашего вечера, Эрика, но у меня только что состоялся интересный разговор с адвокатом Джейсона Тайлера. Тайлер согласился назвать четырех своих подельников, а также передать нам переписку по электронной почте и документы банковских перечислений.

– Вы так говорите, будто он дом у нас покупает!

– Эрика, вы же понимаете. Мы передадим дело в уголовный суд со спокойным сердцем, зная наверняка, что получим желаемый результат: его скорей всего осудят. Таким результатом можно гордиться.

– Спасибо, сэр. Но я совершенно не испытываю гордости, ведь Тайлер получит меньший срок.

– Но все же его посадят в тюрьму.

– А потом, когда он выйдет на свободу, чем, по-вашему, он станет заниматься? Организует свечной бизнес? Нет, он примется за старое, будет торговать наркотиками.

– Эрика, откуда такие настроения? Мы добились того, чего хотели. Он вне игры; мы доберемся до его подельников, перекроем каналы поставки дури.

– А что будет с его женой и детьми?

– Они дадут показания, скорей всего, по видеоканалу и получат новые имена.

– У его жены престарелая мать и две пожилые тети.

– И это очень печально, Эрика, но она же наверняка понимала, на что идет, связываясь с Джейсоном Тайлером. Или она думала, что деньги в их роскошный дом поступают от свечного бизнеса?

– Вы правы. Простите, сэр.

– Ничего.

Эрика помолчала, пролистывая статью «Википедии», которую она недавно читала.

– Кстати, тот скелет, что мы нашли в Хейзском карьере... Его идентифицировали. Это семилетняя девочка по имени Джессика Коллинз. Пропала в тысяча девятьсот девяностом году.

Йель присвистнул.

– Боже, так вот, значит, кого вы нашли?

– Да. Я знакома с судебным патологоанатомом; это он мне сообщил.

– И кто тот бедняга, которому передали дело?

– Не знаю, но я хотела бы сама возглавить это расследование. – С языка Эрики это сорвалось само собой.

Ответом ей было молчание.

– Эрика, о чем вы говорите? – наконец проговорил Йель. – Вас направили ко мне для работы в составе целевой бригады – по линии отдела нераскрытых преступлений, борьбы с организованной преступностью и экономическими преступлениями.

– Но, сэр, останки обнаружила я. На нашей территории. И следствие по делу о пропавшей девочке изначально велось в нашем районе...

– Эрика, с девяностых годов многое изменилось. Вы прекрасно знаете, что мы не занимаемся похищениями и убийствами. Наша специализация – наемные убийцы, крупные наркоторговцы, преступные группировки широкого профиля, в том числе этнические банды и незаконная торговля оружием в больших масштабах...

– И когда я пришла в вашу команду, вы сказали, что меня навязали вам как тетку, которую никто не желает видеть у себя на Рождество!

– Допустим, я не совсем так сказал, Эрика, однако теперь вы – *ценный* сотрудник моей команды.

– Сэр, я могу раскрыть это дело. Вы же знаете, что на моем счету много успешно раскрытых сложных дел. Я обладаю уникальными способностями, которые пригодились бы при расследовании давнего убийства...

– Тем не менее, несмотря на ваш многолетний успешный опыт, вы все еще старший инспектор. Никогда не задумывались почему?

Эрика молчала в трубку.

– Я неправильно выразился, простите, – извинился Йель. – Но все равно мой ответ – нет.

Глава 7

Около девяти часов вечера Эрика припарковалась напротив дома командера Марша и перешла через дорогу. Марш жил недалеко от Эрики, но в престижном дорогом районе в южной части Лондона, близ парка Хилли-Филдс. Его дом, из которого открывался вид на Лондон, сиял в темноте. По улице прогуливались вместе с родителями небольшие группы детей в маскарадных костюмах, до Эрики долетали их гомон и смех. Она отворила калитку палисадника перед домом Марша и тяжелым железным молоточком постучала в дверь. Еще два месяца назад Эрика работала в отделении Луишем-Роу, где Пол Марш был ее непосредственным начальником; она ушла оттуда со скандалом. Пытаясь придумать, что она скажет Маршу, Эрика увидела его жену Марси. Та появилась в воротах вместе со своими двойняшками Ребеккой и Софией. На девочках были одинаковые костюмы сказочных принцесс, и каждая несла в руке пластиковую тыковку. Сама Марси была одета в черные легинсы и черную облегающую куртку; на голове у нее торчали острые уши, лицо было разрисовано под кошку. У Эрики ее наряд невольно вызвал раздражение.

– Эрика, что привело тебя сюда? – спросила Марси. Обе темноволосые девочки уставились на гостью. Сколько им: пять лет или шесть? Эрика не могла вспомнить.

– Извини, Марси. Тебе, я знаю, не нравится, когда я заявляюсь к вам домой, но у меня очень важное дело. Мне необходимо переговорить с Полом. Он не берет трубку.

– А в отделение ему звонила? – спросила Марси, протискиваясь мимо нее к двери. Эрика посторонилась.

– Там он тоже не отвечает.

– Что ж, здесь его нет.

– Жизнь или кошелек?! – крикнула одна малышка, поднимая свою тыковку.

– Жизнь или кошелек?! Сегодня нам можно не ложиться спать допоздна! – крикнула другая, своей тыковкой отталкивая первую. Марси открыла дверь и посмотрела на дочерей.

– Ой, вот беда. У меня нет с собой гостинцев, – сказала Эрика, роясь в карманах. – Зато есть то, на что вы купите себе еще сладостей! – Она достала две пятифунтовые купюры и по одной положила в каждую тыковку. Девочки переводили взгляды с Эрики на мать, не зная, можно ли

им взять деньги.

– Ого! Вон какая добрая тетя Эрика! Поблагодарите ее, девочки! – воскликнула Марси. Правда, в лице ее не отразилось того воодушевления, что она вложила в свои слова.

– Спасибо, Эрика, – пискнули девочки. Они были очень милы, и Эрика улыбнулась им.

– Только не забудьте почистить зубы после сладостей.

Малышки кивнули с серьезным видом. Эрика снова переключила внимание на Марси:

– Извини. Мне действительно нужно поговорить с Полом. Тебе известно, где он?

– Подожди... – Марси завела в дом своих крошечных принцесс, сказав, чтобы они шли и готовились ко сну. Те помахали Эрике, и Марси прикрыла дверь.

– Разве он тебе не сказал?

– Что? – удивилась Эрика.

– Мы расстались. Он ушел три недели назад. – Марси сложила на груди руки. Эрика заметила, что сзади к ее легинсам прицеплен длинный черный хвост, раскачивающийся на ветру.

– Нет, не говорил. Мне очень жаль. Я правда не знала... Я же с ним больше не работаю.

– Где ты теперь?

– В Бромли.

– Он мне никогда ничего не рассказывает.

– Так где он?

– Переселился в квартиру на Фоксберри-роуд, пока мы не разберемся...

С минуту они молчали, глядя друг на друга. Эрике было трудно воспринимать Марси в костюме кошки. Из-за угла дома на них налетел порыв холодного ветра. Девочки наверху взвизгнули.

– Мне нужно идти, Эрика.

– Мне очень жаль, Марси.

– Прямо-таки жаль? – язвительно отозвалась та.

– Конечно.

– Ладно, пока, – попрощалась Марси. Взмахнув хвостом, она вошла в дом и закрыла за собой дверь.

Вернувшись к машине, Эрика посмотрела на красивый дом. В окнах верхнего этажа горел свет.

– Ну ты и дурак, Пол. Ну и дурак! – пробормотала она себе под нос,

усаживаясь за руль.

Глава 8

Эрика затормозила у дома № 85 по Фоксберри-роуд, замыкавшего длинный ряд стандартных домиков, тянувшихся от железнодорожной станции Брокли. Трехэтажное здание грозно высилось над ней.

Она глянула на окно верхнего этажа. Два года назад Эрика сняла ту квартиру у Марша и прожила в ней долгую холодную зиму. Мало того что ей пришлось привыкать к шокирующему новому городу и мириться с одиночеством в скудно обставленной квартире, так еще однажды к ней ворвался незваный гость в маске и чуть ее не убил^[2].

– Ты мог бы избавить себя от лишних хлопот, если б отвечал на телефонные звонки, – сказала Эрика, когда Марш открыл дверь, встречая ее в теплых клетчатых пижамных брюках и застиранной футболке с изображением Гомера Симпсона. Выглядел он изнуренным, его рыжеватые волосы на макушке, казалось, поредели.

– И тебе не хворать, – отозвался он. – По работе или бутылку принесла?

– На первый вопрос – да, на второй – нет.

Он повел глазами.

– Что ж, заходи.

* * *

В крошечной квартирке, с тех пор как Эрика освободила ее полтора года назад, мало что изменилось. Та же типовая мебель из *ИКЕА*, создающая эффект элегантно-безликой. Идя по коридору в гостиную, она старалась не смотреть в открытую ванную. Именно оттуда незваный гость в маске проник в квартиру: вскарабкался по стене дома, выбил вентиляционную решетку и открыл окно. В ту ночь, когда его пальцы сомкнулись на ее шее, Эрика почти распрощалась с жизнью. Спасла ее коллега, инспектор Мосс. Эрика подумала про Мосс. Ей очень не хватало ее и остальных сослуживцев из отдела по расследованию убийств в отделении полиции Луишем-Роу.

Это воспоминание укрепило ее решимость. Марш жестом предложил ей присесть на небольшой диван, а сам включил телефон, прошел к раковине, где громоздилась грязная посуда, и вымыл две чашки.

– В пятницу вечером я выудила со дна Хейзского карьера ценный трофей – героин на четыре миллиона фунтов стерлингов. По нашим сведениям, его туда спрятал...

– Джейсон Тайлер. Да, я видел. Всего пару месяцев на новом месте – и такой результат. Молодчина.

– Спасибо. А еще водолазы нашли на дне карьера, в грунте, останки человека. К делу Тайлера они не имеют отношения... – Эрика коротко рассказала Маршу все, что знала.

– Боже. Вы нашли Джессику Коллинз? – уточнил он. Эрика кивнула. – Ага, чует мое сердце, ты уже готова пуститься по следу, – добавил он, открывая маленький холодильник и доставая пакет молока.

– Да. И мне нужна твоя помощь. Я хочу возглавить расследование по делу Джессики Коллинз.

Марш помедлил с молоком в руке, потом не торопясь вскрыл пакет и плеснул из него в две чашки.

– Со своим суперинтендантом говорила?

– Да.

– И он, очевидно, отказал, так?

Эрика кивнула.

– Пол, ты бы видел ее... скелет. Такой маленький, беззащитный. Три ребра сломаны. Ее завернули в пленку и утопили. Мы даже не знаем, дышала ли она еще, когда уходила под воду. А ее убийца все еще на свободе.

Марш налил кипяток в небольшой заварочный чайник.

– Я знаю, что дело передали одному из отделов по расследованию убийств, но следствие еще толком не началось. Это мой район.

– Учитывая, что идут сокращения, твой суперинтендант наверняка и так не знает, за что хвататься.

– Во всех отделениях Столичной полиции работы выше крыши, но ведь это дело все равно кто-то должен расследовать. У нас в Бромли есть и люди, и ресурсы. Труп обнаружила я, и поскольку я – старший офицер, это было бы вполне логично. Ты теперь командер. Можешь посодействовать.

Марш убрал пакет с молоком в холодильник.

– Тебе известно, что помощник комиссара Оукли только что досрочно вышел на пенсию? Я еще не навел мосты с его преемником.

– И кто теперь вместо него? – спросила Эрика.

– Официально объявят завтра утром.

– Но мне-то ты можешь сказать. Я же не собираюсь подстергать его у дома... – Марш вскинул брови. – Обещаю.

– Не его, а ее. Новый помощник комиссара – Камилла Брейс-Козуорси. – Марш взболтал чай в чайнике и затем разлил его по чашкам, добавив: – Эрика, твое лицо само все за тебя сказало.

– Дай угадаю. Училась в Оксфорде?

– В Кембридже. Пришла в полицию на условиях ускоренного продвижения по службе.

– То есть у нее фактически нет опыта службы в полиции?

– Теперь это не главное.

– Как это? В полиции полно сотрудников, которые каждый день несут службу, разгребая дерьмо и решая проблемы, а начальником опять назначают человека, который ни черта не знает о жизни за пределами крошечного мирка частных школ и светских тусовок в Лондоне и прилегающих графствах.

– Ты несправедлива. Ты ведь ее не знаешь. – Марш дал ей чашку с чаем, добавив: – Это в тебе обида говорит.

– И что дальше?

– И мне нравятся твои пламенные речи. Очень даже забавно их слушать, когда они направлены не на меня. – Он улыбнулся.

– Послушай, Пол. Я знаю, что иногда веду себя как идиотка. Не будь я временами полной дурой, давно бы дослужилась до суперинтенданта, а то и до старшего суперинтенданта...

– Но-но, полегче.

– Урок усвоен. Прошу тебя, замолви словечко кому надо, пусть меня назначат руководителем следственной группы по делу Джессики Коллинз. Помоги, пожалуйста. Я уверена, что сумею поймать эту сволочь. Преступник – он или она – до сих пор на свободе и думает, что раз его за столько лет не вычислили, ему это сошло с рук. Но я его достану.

Марш сел на небольшой диван подле Эрики и глотнул чаю.

– Слышала, что случилось с руководителем следственной группы, работавшей по делу о пропавшей девочке? Со старшим инспектором Амандой Бейкер? Ее отстранили от этого дела.

– Меня трижды отстраняли от резонансных дел, но я добивалась возвращения и успешно их раскрывала.

– Аманда – не ты. Нет-нет, ее считали блестящим профи, только вот здесь, – Марш постучал по лбу, – у нее не все было в порядке. Она первой из женщин в Столичной полиции дослужилась до чина старшего инспектора и первой возглавила следствие по столь громкому делу. Ей с лихвой доставалось и от коллег, и от начальства, и от прессы. Женщина – и вдруг руководитель следственной группы... подозрительно.

– Ну и как ей удалось получить это назначение?

– Высокое начальство стремилось спасти репутацию полиции. В первые дни после исчезновения Джессики было допущено слишком много ошибок, у общественности к полиции возникла масса вопросов. Решение назначить женщину руководителем следственной группы был умный ход, призванный отвлечь внимание от промахов полиции, выставить ее в благоприятном свете.

– Но высокое начальство верило, что она способна раскрыть это преступление?

– Да, только они не знали, что последние месяцы перед назначением она посещала психотерапевта.

– Почему?

– Тогда, в конце восьмидесятых, преступления, связанные с изнасилованием, как правило, поручали расследовать женщинам. Аманда снимала свидетельские показания и оказывала поддержку пострадавшим на протяжении всего этого ужасного процесса. Ее единственная проблема состояла в том, что она не умела дистанцироваться, отделять себя от работы. Она поддерживала связь с жертвами еще многие недели, месяцы и даже годы после происшествия. Не одну женщину увела от края пропасти. Это отнимало у нее массу душевных сил, а о ней самой никто не заботился. Аманда собиралась уволиться по болезни, и тут ей позвонили и сказали, что она будет вести следствие по делу Джессики Коллинз. Расследование становилось все сложнее, версии и улики таяли на глазах. Джессика Коллинз как будто испарилась. В конце концов Аманда не выдержала давления. Это отравленная чаша, Эрика. Поверь, лучше тебе ее не пить.

– Ты же меня знаешь. Я выдержу любое давление, – тихо произнесла Эрика. – Скорее, сломаюсь, если еще несколько лет буду кружить на карусели, сажая наркоторговцев, место которых тут же будут занимать другие.

С минуту они молча пили чай.

– Пол, прошу тебя. Речь идет о семилетней девочке, ее похитили прямо на улице. Одному богу известно, что с ней случилось, что с ней сделали. А потом похоронили на дне карьера на целых двадцать шесть лет. Представь, если бы это была София или Ребекка...

– Не смей! Эрика, *не смей* трогать моих дочерей! – предупредил Марш.

– Джессика тоже была чьей-то дочерью... Ты наделен властью. Помоги.

Марш потер глаза, встал и отошел к окну.

– Я замолвлю словечко, но это все. Обещать ничего не обещаю.

– Спасибо, – поблагодарила Эрика. – Что касается суперинтенданта Йеля, я к тебе не приходила, с тобой не говорила.

– Про Марси спросить не хочешь? – промолвил он, помолчав.

– Нет. Я подумала, ты бы сам рассказал, если б хотел.

Марш, с выражением муки на лице, прислонился к стене.

– Спасибо. Мы пытаемся разобраться в себе, в наших отношениях.

Взяли паузу. – Эрика вскинула брови. – Это ее слова – не мои. Она решила «взять паузу», пока не поймет... – Его голос сорвался. – В общем, она встретила другого.

– Так это она тебе изменила? – удивилась Эрика.

– Да. С каким-то типом, который посещает вместе с ней занятия по искусству. Ему двадцать девять лет. Ходит в тренажерный зал. Разве могу я?..

– Пол, Марси тебя любит. Не торопись, не дай ей забыть, что ты тоже любишь ее.

– А ты подумала, что это я ей изменил? – вдруг спросил он. – Что это я завел интрижку?

– Да. – Он принял обиженный вид. – Брось, Пол. Ты же понимаешь, о чем я. Ты занимаешь высокое положение. В отделении полно молоденьких сотрудниц, а власть, какой наделен ты, – мощный афродизиак.

– В самом деле? – Он взглянул на нее.

– На некоторых женщин власть действует... как афродизиак. Неужели не знал?

Марш кивнул.

– Еще чаю или что-нибудь покрепче?

– Нет. Я, пожалуй, пойду.

– Оставайся, если хочешь, – тихо предложил он.

– Что? Да мне ехать всего ничего...

– Просто уже поздно и...

– Нет, Пол. Я не останусь. – Эрика встала и со спинки дивана схватила свою куртку.

– Могла бы быть и повежливей!

– У тебя двое маленьких детей. И если Марси вздумалось поколобродить, это не значит, что ты должен следовать ее примеру.

Марш покраснел, рассердился.

– Я совсем не это имел в виду! Я предлагал тебе переночевать на диване.

– Я знаю, что ты мне предлагал. Этот диван в длину не более четырех

футов, а спальня в твоей квартире одна...

– Черт возьми! – заорал Марш. – Это было дружеское предложение...

– Я не дура, Пол.

– Дура. Еще какая! Вот объясни, как можно быть гением на службе и полной тупицей – в обычной жизни?

Эрика бросилась вон из его квартиры... Она бегом спустилась вниз по общей лестнице и, выйдя из подъезда, хлопнула за собой дверь. Подскочив к машине, стала копошиться в кармане, так как ключи зацепились за подкладку.

– Черт! – выругалась она, дергая за ключи. – Черт, черт, черт! – Наконец, порвав подкладку, Эрика вытащила ключи из кармана, отперла автомобиль и села за руль. Ударив ладонью по рулевому колесу, она откинулась в кресле и пробормотала:

– Можно было бы отреагировать гораздо дипломатичнее. Должно быть, я и впрямь дура.

Глава 9

Во вторник рано утром по прибытии в отделение полиции Бромли Эрика на первом этаже столкнулась с суперинтендантом Йелем. Он выходил из мужского туалета с номером «Обсервера» под мышкой.

– Эрика, можно вас на два слова? – спросил он.

Она кивнула и проследовала за ним в его кабинет. Он закрыл дверь, одергивая рубашку на своем выпирающем животе, подошел к столу и жестом пригласил ее сесть. Затем, побарабанив пальцами по столу, поправил фотографию в рамке, на которой были запечатлены его супруга и двое маленький сыновей. Его жена была миниатюрной блондинкой, но оба сына унаследовали от отца непослушные рыжие волосы, курчавившиеся у них на головах, как у сиротки Энни^[3].

– Мне только что звонила наш новый помощник комиссара, – помолчав, сообщил Йель.

– Камилла Брейс-Козуорси? – спросила Эрика, силясь не выдать своего волнения.

– Да. Я думал, она позвонила, чтобы представиться, но нет...

– И зачем же она звонила?

– Она хочет познакомиться с вами.

– Со мной? В самом деле? – Эрика была в затруднении. Как реагировать? Изобразить потрясение? До какой степени? Все знали, что она не склонна к театральной демонстрации своих чувств. В итоге она приняла удивленный вид, вытаращив глаза.

– Да. В самом деле. Я ей ничего про вас не говорил. Она в должности всего один день, но уже пожелала видеть вас по поводу дела Джессики Коллинз... Вам известно что-то такое, о чем не знаю я? Не старайтесь, никто не присудит вам «Оскар» за вашу реакцию.

– Нет, сэр, – ответила Эрика, сознавая, что отчасти он прав.

– Эрика, я – ваш начальник, и мы с вами это обсуждали! Я объяснил, что у нас нет ни ресурсов, ни времени расследовать дела давно минувших дней, тем более таких резонансных, как это. Мой ответ, очевидно, вас не удовлетворил, и теперь мне ни с того ни с сего звонит помощник комиссара. – Йель гневался, и его лицо, само по себе красное, теперь и вовсе побагровело.

– Я к ней не обращалась.

– А к кому вы обращались?

– Ни к кому.

Йель откинулся в кресле.

– У вас как будто девять жизней, Эрика. Коммандер Марш очень меня просил, умолял найти вам место в моей команде, из чего я заключил, что вас с ним связывают некие *особые* отношения.

Эрика тоже откинулась на спинку стула, стараясь сохранять спокойствие.

– Мы вместе проходили подготовку для службы в полиции, в одно и то же время были патрульными; он дружил с моим покойным мужем. И он женат.

– Ну так вот. Коммандер Марш тоже приглашен на эту встречу. Вы в курсе?

– Нет, сэр. И надеюсь, вы понимаете, что я очень благодарна вам за предоставленную возможность.

Йель кивнул, всем своим видом выражая сомнение.

– Вас ждут в одиннадцать. У нее в кабинете в Скотленд-Ярде. – Не дожидаясь от Эрики ответа, он уткнулся носом в компьютер. Она поняла, что разговор окончен.

– Спасибо, сэр.

– К концу дня итоговый отчет по делу Джейсона Тайлера должен лежать на моем столе.

– Непременно. Спасибо, сэр. – Эрика встала, собираясь уходить.

– Эрика, даже кошки рано или поздно умирают. Постарайтесь мудро распорядиться теми жизнями, что у вас остались, – напутствовал ее Йель, на мгновение отвлекшись от работы, и снова уткнулся в компьютер.

Глава 10

Помощник комиссара Камилла Брейс-Козуорси сидела за столом, прямо держа спину, всем своим видом показывая, что она готова приступить к делу. Элегантная женщина пятидесяти пяти лет, несмотря на возраст, выглядела она великолепно. На ней была форма чиновника Столичной полиции: юбка, белая блузка, клетчатый шейный платок. Белокурые волосы до плеч безупречно уложены, на лице – безукоризненный макияж, словно она собиралась позировать перед кинокамерой.

– Входите, Эрика. Присаживайтесь, прошу вас, – пригласила она, аристократичной интонацией выделив последние два слова. – С командером Маршем вы, разумеется, знакомы, – добавила она, указав в его сторону – он сидел рядом – рукой с ухоженными ногтями, покрытыми красным лаком.

– Да, здравствуйте, сэр. – Эрика заняла стул, что стоял перед столом. – Поздравляю вас с новым назначением, мэм.

Не отвечая на ее любезность, Камилла надела большие очки в модной черной оправе.

– Время покажет, удастся ли мне оправдать ожидания, – сказала она, глядя на Эрику сквозь линзы очков, увеличивавшие ее глаза. – Итак, дело Джессики Коллинз. В пятницу вы обнаружили ее останки и их официально идентифицировали?

– Да, мэм.

Эрика увидела, что Камилла просматривает какую-то папку с документами, лежавшую перед ней на столе.

– Вы работали в составе нескольких отделов по расследованию убийств – как в Лондоне, так и в Манчестере?

– Да, мэм.

Камилла закрыла папку, сняла очки и в задумчивости дужкой очков постучала по зубам.

– Ваш перевод в Бромли иначе как понижением в должности не назовешь. С чем это было связано?

– Эрика сочла, что ее недооценивают, – объяснил Марш.

– Была возможность повысить меня до суперинтенданта, но должность я не получила – на мой взгляд, несправедливо, – поправила его Эрика. – По указанию вашего предшественника, мэм. Это произошло в то время, когда я

поймала Ночного Охотника^[4], который...

– Да! Много бед натворил, – воскликнула Камилла в ужасе или в восхищении, Эрика затруднялась определить.

– Узнав, что мне отказали в повышении, я потребовала объяснения у командера Марша – в ту пору он был моим непосредственным начальником, – пригрозила, что уйду. Он дал согласие на мой перевод.

Эрика посмотрела на Марша. Тот хмурился. Она сообщила, что выставляет себя не в лучшем свете.

– Но именно командер Марш настаивает, чтобы вас назначили руководителем следственной группы, которая будет заниматься делом Джессики Коллинз, – заметила Камилла.

– Я считаю, что Эрика обладает большими способностями... – начал Марш.

Камилла вновь надела очки и заглянула в досье.

– Я смотрю, Эрика, карьера ваша по-разному складывалась. Помимо Ночного Охотника, вы вычислили и задержали убийцу Барри Патона, лишившего жизни несколько человек...

– Йоркского Душителя, мэм.

– Да, в досье все это есть. Йоркский Душитель убил восьмерых школьников, и вы совершили невозможное, установив его личность по отражению в витрине магазина напротив банкомата, попавшей в зону обзора камеры видеонаблюдения.

– Да, и он до сих пор благодарит меня каждое Рождество и в день рождения.

Марш улыбнулся, но Камилла даже бровью не повела.

– С другими делами вам повезло меньше. Вас на два года отстранили от работы, пока велось внутреннее расследование.

– Но в итоге меня оправдали, мэм...

– Позвольте мне закончить. Вас на два года отстранили от работы, пока велось внутреннее расследование. Вы возглавили операцию по захвату нарколаборатории в Большом Манчестере, которая завершилась гибелью пяти офицеров, в том числе вашего мужа.

Эрика кивнула.

– Как вы это пережили? – спросила Камилла, внимательно наблюдая за ней.

– Посещала психолога. Едва не потеряла себя, сомневаясь, что хочу служить в полиции. Но в итоге я вернулась, и результаты моего возвращения в досье, что лежит перед вами.

– Мне нужен надежный человек, который мог бы разобраться в

материалах дела и возобновить расследование. Почему вы считаете, что подходите для этой работы?

– Я не карьеристка. Всю себя отдаю работе. Речь идет о несчастной семилетней девочке, которую похитили, а потом сбросили в карьер, как мешок с мусором. Я должна найти того, кто это сделал. Хочу, чтобы свершилось правосудие ради Джессики. Хочу, чтобы родные смогли оплакать ее и жить дальше.

Обливаясь потом, Эрика откинулась на спинку стула.

– Правосудие ради Джессики. Мы могли бы это использовать, – заметил Марш.

– Нет. – Камилла бросила на него испепеляющий взгляд. – Эрика, подождите за дверью, пожалуйста. Спасибо.

* * *

Эрика вышла в приемную и села. Сколько раз она думала, что ее карьере конец, и вот она снова стоит на пороге чего-то волнующего. *Что это будет – шаг вверх или падение в пропасть?* Спустя несколько минут зазвонил телефон на столе секретаря, и ее снова пригласили в кабинет.

* * *

Камилла надевала форменный пиджак и поправляла прическу. Марш терпеливо ждал, стоя у стола.

– Эрика, рада вам сообщить, что я поручаю вам возглавить следствие по делу Джессики Коллинз, – сказала она.

– Спасибо, мэм. Вы не пожалеете о своем решении.

Камилла аккуратно приладила на голове форменную фуражку.

– Надеюсь. – Она обошла стол и протянула Эрике руку. – Боже. Ну вы и дылда. Не трудно подбирать по росту брюки?

Эрика на мгновение опешила.

– Э... вообще-то, трудно, но интернет-магазины облегчают задачу...

– И то верно. – Камилла взяла руку Эрики в обе свои ладони и сердечно ее пожала. – Ладно. Мне нужно бежать на встречу с комиссаром. Коммандер Марш подробно вас проинструктирует.

– Пожалуйста, передайте мое почтение сэру Брайану, – попросил Марш.

Камилла кивнула и проводила их к выходу.

* * *

Эрика с Маршем спускались на лифте в молчании.

– Уж больно легко все получилось, – наконец произнесла она.

– Этим делом никто не хочет заниматься, – отвечал Марш. – Отдел по расследованию убийств, которому его изначально передали, был рад избавиться от него. Ваш оперативный отдел будет находиться в Бромли; я буду курировать следствие, отчитываться будете передо мной.

– А суперинтендант Йель?

– У него что, своих забот мало?

– Он думает, что я действовала за его спиной.

– Так и было.

– Но не потому, что я что-то имею против него лично.

– Эрика, все, что касается вашей деятельности, всегда приобретает личный характер.

– Что вы имеете в виду?

Марш надул щеки.

– Я никогда не знаю, о чем вы думаете. Вы прямолинейны до неприличия. Мало кому доверяете.

– И что?

– С вами трудно работать.

– Будь я старшим инспектором мужского пола, сейчас мы с вами вели бы этот разговор в лифте? Вы спрашивали бы меня, о чем я думаю?

Сердито насупившись, Марш отвел глаза.

– Что вообще происходит? Это из-за того вечера?

На несколько секунд Марш приклеился взглядом к полу, потом снова посмотрел на нее.

– Вам придется постараться, Эрика, как следует постараться.

– Слушаюсь, сэр.

– Я распоряжусь, чтобы в Бромли прислали все материалы двух предыдущих расследований, – сказал Марш, теперь уже деловым тоном. – Наладьте работу оперативного отдела, завтра в три часа дня я проведу инструктаж вашей команды.

– Так кто будет вести следствие: вы или я?

– Вы. Но докладывать о его ходе вы обязаны мне, а я в свою очередь буду держать ответ перед помощником комиссара. Вам также необходимо

тесно взаимодействовать с суперинтендантом Йелем, поскольку вы используете его ресурсы.

– Я вправе сама подобрать свою команду?

– В пределах разумного.

– Хорошо. Мне нужны инспекторы Мосс и Питерсон. Они оба толковые следователи.

Марш кивнул. Лифт как раз опустился на первый этаж, и его двери раздвинулись. Они вышли в просторный вестибюль.

– Эрика, в предыдущие разы были допущены вопиющие ошибки. Один из подозреваемых подал в суд на полицию и отсудил компенсацию в размере трехсот тысяч... Мы чудом избежали официального расследования.

– Да, я знаю, как это бывает.

– Не подведите, Эрика. Выясните, что случилось с Джессикой Коллинз. С чего намерены начать?

– Первым делом я должна сообщить семейству Коллинз, что мы нашли Джессику, – ответила Эрика, чувствуя, как у нее сжалось сердце.

Глава 11

Марианна Коллинз отперла входную дверь и с продуктовыми пакетами и маленьким черным чехлом для одежды прошаркала в прихожую. Поставив сумки на темно-красный ковер у большой деревянной лестницы, она на мгновение остановилась, чтобы перевести дух. День выдался тусклый и сумеречный. Уходя, она оставила лампы включенными, но по возвращении ярко освещенная передняя встретила ее глухой тишиной, которую разбавляло лишь тиканье часов, доносившееся из гостиной. Огромный дом, казалось, обволакивал ее холодным унынием.

Марианна повесила чехол на вешалку у двери и осторожно растегнула на нем молнию. Ткань чехла зашуршала, выпуская синтетический запах. С благоговением она перевесила маленькое красное пальтишко на белые плечики. Некогда оно имело густой алый цвет, но со временем поблекло, подвергаясь химической чистке по несколько раз за год.

Марианна посмотрела на фото в рамке, висевшее на стене между вешалкой и зеркалом во весь рост. Снимок был сделан 11 апреля 1990 года: Джессика сидит на качелях в местном парке, ее длинные белокурые волосы сияют на солнце; на ней это самое красное пальтишко, надетое поверх джинсов и джемпера с «Заботливыми мишками»^[5]. Аккуратно расправив пальто на вешалке, Марианна провела пальцами по пуговицам, не утратившим свой алый блеск, и затем, шагнув ближе, зарылась лицом в красную ткань. Пальто подарили Джессике на ее седьмой день рождения – последний день рождения, который они отмечали.

Прошло двадцать шесть лет, и как она ни старалась, память о дочери тускнела. Наверху в комодке она хранила в вакуумной упаковке одну из футболок Джессики, но за долгие годы вещь потеряла свежесть и пропахла ароматом крема для рук, которым пользовалась Марианна. Казалось, время задалось целью стереть все, кроме ее собственных воспоминаний.

Она отстранилась от пальто, на глаза навернулись слезы. Марианна вытерла их и сняла нарядные черные туфли, которые она всегда надевала, когда шла в супермаркет. Поймала в зеркале свое отражение: длинные седые волосы, разделенные пробором, туго стянуты на затылке, как будто с обеих сторон оттягивая вниз изборожденное глубокими морщинами лицо. Марианна сняла с себя куртку и повесила ее подле детского красного пальто. За ее спиной висела тоже отражавшаяся в зеркале большая картина

с изображением святой Девы Марии. Марианна сунула руку в карман и, нащупав четки, намотала их на свои узловатые пальцы. Губы сами собой зашевелились в молитве, но тут ее взгляд упал на мороженое в пакете, которое следовало убрать в морозильник.

Перекрестившись, Марианна взяла сумки с продуктами и отнесла их на кухню, где налила воду в чайник и положила чайный пакетик в свою любимую белую кружку. За минувшие двадцать шесть лет в кухне мало что изменилось: время от времени ее освежали краской и дополняли чем-нибудь из новой техники. Например, сейчас здесь стоял уже третий холодильник. На его дверце висел большой лист белой бумаги, покрытый цветными пятнами – рисунок пальцами, сделанный Джессикой в детском саду, когда ей было четыре года.

Марианна открыла холодильник и убрала в него ветчину, сыр и мороженое. Захлопнув дверцу, она помедлила, разглядывая рисунок – отпечатки маленьких ладошек желтого, красного и зеленого цветов. Каждую ладошку перечеркивали белые линии и бороздки, в которые не проникла краска. Оригинал, завернутый в папиросную бумагу, убрали в ящик комода. Через несколько лет, к ужасу и смятению Марианны, краска начала тускнеть, и ей пришлось отсканировать рисунок. Но даже скан оригинала перепечатывался несколько раз. Марианна провела пальцем по рисунку, отметив, что края листа начали закручиваться.

Горе срослось с ней, стало частью ее существа. Она по-прежнему плакала, но научилась жить со своей болью, ставшей ее постоянной спутницей. Идя мимо своей спальни в ванную, она скользила взглядом по пальто, по рисунку, по фотографиям Джессики – все это было частью ее повседневного бытия, как и боль.

Чайник закипел, она налила кипятка в кружку, поболтала в нем чайным пакетиком, который затем положила на раковину. Только хотела плеснуть молока, как дом огласила трель дверного звонка. Марианна глянула на часы: начало пятого.

Она никого не ждала, да и теперь редко кто к ней приходил без предупреждения.

Глава 12

Эрика нервно переминалась с ноги на ногу перед солидной деревянной входной дверью дома № 7 по Эйвондейл-роуд. С ней были Джон и констебль в отставке Нэнси Грин – невысокая темпераментная женщина с коротко стриженными седыми волосами. Оставив машину на дороге, они пешком прошли по длинной отлогой подъездной аллее, которая привела их в маленький двор, заставленный большими терракотовыми горшками. В каждом шелестела на ветру гортензия, теперь побуревшая и высохшая. От дороги дом отгораживали кусты, посаженные по краю палисадника. В голых сучьях живой изгороди мерцали уличные огни.

– Как рано стало темнеть, – нарушила молчание Нэнси, добавив: – Дома кто-то есть; в окно видно, что в глубине горит свет.

Только она второй раз нажала на кнопку звонка, дверь отворилась.

– Здравствуйте, Марианна. – Нэнси слабо улыбнулась.

Эрика никогда еще не видела столь бледной изможденной женщины. Ее задубелая кожа имела нездоровый цвет; серые глаза утопали в темных кругах; седые волосы с голубоватым отливом, опускавшиеся до самого пояса, были разделены на пробор и зачесаны назад, прикрывая уши. Она была в серой водолазке с длинным рукавом, черном шерстяном кардигане и черной юбке-трапеции. На груди у нее висело большое деревянное распятие. Она перевела взгляд с Нэнси на Эрику, потом на Джона.

– Марианна, познакомьтесь: старший инспектор Эрика Фостер и констебль Джон, – представила своих спутников Нэнси.

Джон с Эрикой показали свои удостоверения. Марианна едва взглянула на них.

– Нэнси? Зачем вы пришли? Что-то с Лорой или Тоби?.. С ними что-то случилось? – Голос у нее был резкий, в речи слышался слабый ирландский акцент.

– Нет-нет, все хорошо, – поспешила успокоить женщину Нэнси. – Только...

– Миссис Коллинз, вы позволите нам войти? – спросила Эрика. – Нам необходимо побеседовать с вами наедине. Это очень важно. Констебль Грин... Нэнси любезно согласилась сопровождать нас, поскольку она как сотрудник полиции занималась вашей семьей... когда исчезла ваша дочь...

– В чем дело? Вы объясните? – допытывалась Марианна, протягивая руку Нэнси.

– Марианна, пожалуйста, позвольте нам войти, – сказала Нэнси, пожимая протянутую руку.

Женщина кивнула и отступила на шаг, пропуская их в дом. Она провела их в большую гостиную, элегантную, но неуютную, с мебелью из темного дерева, темно-красными обоями и плотными шторами темно-зеленого цвета, гармонировавшими с обстановкой.

– Присаживайтесь, прошу вас. Хотите чаю? Я только что себе заварила, – предложила Марианна наигранно оживленным, беспечным тоном.

– Нет, спасибо, – поблагодарила Нэнси.

Они опустились на большой диван, что стоял у окна. Эрика обратила внимание на большую картину с изображением Девы Марии, висевшую над резным деревянным камином, и, обведя взглядом комнату, насчитала на стенах четыре распятия разных размеров. На всех поверхностях стояли фотографии Джессики в золоченых рамках: на журнальных столиках, расставленных тут и там, на подоконнике, на кабинетном рояле в углу, где снимков было особенно много. В остальном комната имела нежилой вид. Ни журналов, ни телевизора, ни книг. Марианна стояла, перебирая пальцами четки.

– Мы пытались дозвониться до ваших родных, но нам это не удалось, – сказала Нэнси.

– Они все в Испании. Тоби и Лора поехали навестить отца и его новую... она ему не жена...

– Нам нужно с ними поговорить... – начала Нэнси.

Пальцы Марианны, перебиравшие четки, задвигались быстрее, бусинки застучали; свисавший с них маленький серебряный крестик раскачивался у ее юбки. Нижняя губа женщины задрожала, глаза наполнились слезами.

– Я налью вам чаю. Хотите чаю?

– Марианна, сядьте, прошу вас, – сказала Нэнси.

– Не указывайте! Я у себя дома и буду делать что захочу! – внезапно заорала она.

– Разумеется. Марианна, успокойтесь, прошу вас. Выслушайте меня. – Нэнси встала с дивана и взяла Марианну за руки.

– Нет! Нет! НЕТ!

– Старший инспектор Фостер позвонила мне сегодня, потому что я была здесь с вами, когда...

– Нет!

– Когда Джессика...

– Нет. Не смейте произносить ее имя. Вы не имеете права!

Эрика посмотрела на Джона. Тот побелел, едва сдерживая волнение.

– Когда Джессика пропала, – мягко закончила Нэнси.

– Нет. Нет...

Нэнси оглянулась и кивнула, предлагая Эрике продолжить.

– Миссис Коллинз, в пятницу вечером мы с констеблем Макгорри в рамках одной операции производили поиски в Хейзском карьере и нашли останки человека. Скелет.

Марианна молчала. Взгляд ее вытаращенных глаз остекленел. Качая головой, она попятилась, пока спиной не уперлась в стену. Нэнси не отходила от нее.

– Этот скелет принадлежит... это скелет Джессики, – тихо произнесла Эрика.

Марианна качала головой; по ее щекам катились слезы.

– Не может быть. Вы ошиблись. Она вернется, ее найдут. Она жива. Наверно, просто не помнит, где ее настоящая семья. Я только сегодня забрала из химчистки ее пальто...

Эрика и Джон не поднимались с дивана.

– Мне очень жаль, Марианна. Это ее останки. – В глазах Нэнси тоже стояли слезы. – Ее опознали по стоматологическим рентгеновским снимкам.

Марианна все качала головой, по лицу ее ручьем лились безмолвные слезы.

– Миссис Коллинз, – тихо продолжала Эрика. – Мы должны поставить в известность вашего мужа, вашу дочь, Лору, и вашего сына, Тоби. Они все сейчас в Испании, верно? Вы могли бы дать нам телефон, по которому можно с ними связаться? Мы хотели бы поставить в известность всю семью до того, как сделаем заявление для прессы.

– Да, – тихо отозвалась Марианна с неверием в широко раскрытых глазах.

– Марианна, чем я могу вам помочь? – спросила Нэнси.

Марианна повернула голову к Нэнси, а затем вдруг размахнулась и кулаком ударила ее в лицо. Из носа Нэнси полилась кровь. Она пошатнулась, отпрянула и рухнула на журнальный столик.

– Вон из моего дома! Все! – завизжала Марианна. – Вон! УБИРАЙТЕСЬ!

Джон с Эрикой подскочили к Нэнси. У той лицо превратилось в кровавое месиво. Продолжая вопить, Марианна сползла по стене на пол.

Через эркерное окно с улицы донесся рокот подъезжающих машин, по

комнате забегали отсветы фар. Журналисты, прослышав новость, снова слетались к дому.

Глава 13

На удалении десяти миль, в небольшом типовом домике на тихой жилой улице в Балэме на юго-востоке Лондона, в углу неприбранной гостиной гудел и мерцал телевизор. Небо, затянутое низкими серыми облаками, темнело, день угасал, а Аманда Бейкер, старший инспектор полиции в отставке, сидела развалившись в продавленном кресле и, свесив голову на грудь, спала. Свет в комнате не горел, и отблески телеэкрана прыгали по ее дряблему лицу с двойным подбородком; аудитория в телестудии хохотала, но Аманда не просыпалась. На журнальном столике под ее рукой стояли пепельница с окурками и наполненный наполовину бокал белого вина – все, что осталось от второй бутылки, которую она открыла. Первую Аманда откупорила в половине десятого утра, когда посуда из-под завтрака была свалена в раковину, а трясучка вкупе с чрезмерным потоотделением стали невыносимы.

Некогда ее дом отличала щеголеватость. Обставленный в сдержанно-изысканном стиле, он поражал элегантностью, как и его хозяйка, а теперь, подобно ей, был жалким и убогим. В камине буйствовали красно-оранжевые языки ненастоящего огня, на собачьей корзине, что стояла подле него, лежал толстый слой пыли.

В холле, перекрывая шум телевизора, пронзительно засигналил телефон. Трезвон продолжался, пока не включился автоответчик. Тогда-то Аманда и проснулась.

– Что такое? – растерянно произнесла она.

Услышав лай, она потеряла лицо, неуклюже поднялась с кресла и потащила на кухню. Голова была ватная, глаза заволакивала мутная пелена. Минут пять она шарила в шкафах, забитых консервами, а потом вспомнила: ее собака, Сэнди, умерла несколько месяцев назад. Аманда опустила руки, навалилась на стол. На его усыпанную крошками поверхность с тихими шлепками падали слезы. Рукавом она отерла лицо, уловив несвежий запах собственного дыхания.

Телефон снова разразился трезвонem. Она проковыляла в холл и, сняв трубку, прислонилась к перилам, чтобы не упасть.

– Это бывший старший инспектор Аманда Бейкер? – раздался в телефоне резкий молодой женский голос.

– Кто это?

– Я хотела бы услышать ваш комментарий по делу Джессики Коллинз.

Полиция обнаружила ее тело.

Аманда покачнулась, утратив дар речи.

– Алло? – нетерпеливо зывал к ней голос. – Вы возглавляли следствие, пока вас не отстранили от дела...

– Я досрочно вышла на пенсию...

– В пятницу в Хейзском карьере был найден скелет Джессики Коллинз...

– Мы обыскали карьер через несколько недель после исчезновения девочки. Ее там не было, – произнесла Аманда, скорее рассуждая сама с собой, нежели отвечая позвонившей ей женщине.

Со своего места у перил в холле она видела телевизор в гостиной. На экране плыла надпись: НОВОСТИ. Внизу шла бегущая строка: НАЙДЕНЫ ОСТАНКИ ПРОПАВШЕЙ ДЕВОЧКИ – ДЖЕССИКИ КОЛЛИНЗ. Телевизор показывал кадры пресс-конференции, организованной полицией в 1990 году: Марианна и Мартин Коллинз при ее поддержке – только там она гораздо моложе – говорили что-то в микрофон; за ними на белом фоне – старый логотип Столичной полиции.

– Так что вы можете сказать? – не унимался в трубке голос. Чувствовалось, что звонившую раздражает любопытство, она предвкушает сенсацию. На телеэкране высокая блондинка – сотрудник полиции – зачитывала заявление. В нижней части высветилось ее имя: СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР ЭРИКА ФОСТЕР.

– ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ? – отчеканила в трубке девушка, явно раздосадованная молчанием Аманды. – В доме местного насильника были найдены фотографии Джессики. Вы его арестовали, но потомпустили, так ведь?

– У меня не было выбора! Улик против него оказался недостаточно.

– Он до сих пор на свободе. По-вашему, это он убил Джессику Коллинз? Судя по вашим действиям в последующие месяцы, вы считали его виновным. Думаете, на ваших руках есть кровь?

– Оставьте меня в покое! – взвизгнула Аманда, со стуком положив телефон.

Едва трубка легла на рычаг, телефон снова зазвонил. Она опустилась на колени и, распахивая груды старых газет, журналов и почтовой макулатуры, нащупала телефонный шнур и выдернула его из розетки. Телефон умолк. Аманда поспешила в гостиную и добавила звук.

– Мы хотели бы выразить соболезнования семье Коллинз. Расследование возобновлено, мы рассматриваем несколько новых версий. Спасибо.

Камера отъехала от Эрики Фостер, показывая, как она в сопровождении двух своих коллег через центральный вход удаляется в здание отделения полиции Бромли. На экране снова появилась студия Би-би-си, зазвучало новое сообщение.

Аманда опять села, стараясь дышать глубоко. Ее всю трясло.

– Нет-нет-нет... не может быть, – простонала она.

В куче ненужного старого хлама она вдруг заметила маленького белого пищащего кролика. Это была игрушка Сэнди. Аманда взяла кролика, прижала его к груди и разрыдалась, оплакивая Джессику, любимую Сэнди и свою неудавшуюся жизнь.

Когда слезы наконец иссякли, она рукавом вытерла лицо, прошла на кухню и откупорила третью бутылку вина.

Глава 14

Стемнело, лил дождь. Эрика подъехала к центральному входу отделения неотложной помощи Луишемской больницы. День выдался долгим, напряженным, и ей казалось, что она никак не может остановиться.

В лобовое стекло, расчищаемое дворниками, она увидели констебля Нэнси Грин. Та ждала под козырьком. От входа только что отъехала машина «скорой помощи», доставившая пожилую женщину, которую понесли на носилках через автоматически открывающуюся дверь. Из-под красного одеяла торчала вскинутая от боли старческая рука.

Эрика притормозила и опустила стекло со стороны пассажирского кресла.

– Садитесь скорей. Следом едет еще одна «скорая».

Нэнси на нос наложили толстую квадратную повязку, на которой проступали пятна крови. Она открыла дверцу и села, прижимая к себе небольшой белый бумажный пакет.

– Нос сломан. В двух местах. Наложили шесть швов. – Она осторожно потрогала повязку, удобнее устраиваясь в кресле.

С повязкой нос Нэнси стал похож на орлиный клюв, и, поскольку у нее были большие карие глаза, Эрике она напомнила сову. Она помогла Нэнси пристегнуть ремень безопасности, затем тронулась с места и покатила прочь.

– Спасибо, что заехали. Кого-кого, а вас я ждала меньше всего. Такая каша заварилась, – сказала Нэнси.

– Я хотела удостовериться, что вам была оказана надлежащая помощь. Это ведь была моя идея взять вас с собой к Марианне; как оказалось, не самая удачная...

Нэнси чуть поменяла положение в кресле и откинула на спинку голову.

– Вы так думаете? – Она невесело рассмеялась. – Я смотрела ваше выступление по телевидению, пока ждала в приемной. Откуда вы родом? В вашей речи прослеживается северный акцент, но похожи вы... даже не знаю... на польку?

– Я словачка, – объяснила Эрика, пытаясь скрыть раздражение: ей было неприятно, что ее приняли за другую. – Английский выучила в Манчестере...

– А я ни за что не смогла бы жить на севере. Я родилась и выросла в Лондоне. Получасовую серию «Улицы Коронации»^[6] кое-как могу

посмотреть, но всегда вздыхаю с облегчением, когда начинают идти титры. – Прикусив губу, Эрика включила быстрее дворники, борющиеся с проливным дождем. – Как Марианна? – спросила Нэнси.

– Констебль Макгорри вызвал врача, ей прописали успокаивающее. Ее родные уже заказали билеты на самолет, сегодня вечером должны прилететь. Пришлось сообщить им по телефону, хотя я делать этого не хотела. Но журналисты уже обо всем пронюхали. – Они подкатили к выходу с территории больницы и остановились за машиной, ожидавшей возможности выехать за ворота.

– Нэнси, куда вас отвезти?

– Я живу в другом конце Далиджа. Езжайте через Форест-Хилл.

Машина перед ними тронулась с места, и они увидели, что на дороге, как и полагается в час пик, столпотворение. Какой-то фургон притормозил, пропуская Эрику. Она поблагодарила водителя взмахом руки. Дождь усилился, колотя по крышам автомобилей, что вереницей растянулись на дороге.

– Я подумала, вы тоже не откажетесь мне помочь. Услуга за услугу, – сказала Эрика.

– Значит, вы не просто по доброте душевной вызвали меня подвезти? – хмыкнула Нэнси. Она попыталась повернуть голову и поморщилась.

– Я стараюсь ускорить расследование. Вы ведь от полиции опекали семью, когда пропала Джессика?

– Да, и очень долго, если честно. Все это задокументировано, но я готова рассказать, что знаю... Черт, болит, – скривилась Нэнси. Она открыла бумажный пакет, выдавила из блистера одну таблетку и проглотила ее, не запивая.

– Я должна спросить: намерены вы подать в суд? – спросила Эрика, медленно продвигаясь вперед в потоке автотранспорта.

– На Марианну? Что вы, конечно, нет. Бедняжка и без того настрадалась. – Нэнси откинула голову на подголовник. – А вот на врачей – чтоб им икалось – охотно написала бы жалобу: пожалели болеутоляющих...

– Она вас ударила, а на кулаке у нее были намотаны четки.

– Католический кастет, – улыбнулась Нэнси. – За все те годы, пребывая в большом горе, Марианна никогда не проявляла агрессии. Порой, работая сотрудником по связям с родными^[7], чувствуешь себя запаской. Тебе хочется быть в гуще событий, обеспечивать правопорядок, а приходится подавать чай и отвечать на телефонные звонки.

- Сотрудники по связям с родными выполняют важную работу.
- Знаю. И как ни странно, я рада, что пошла с вами и она меня ударила. В полицейских отчетах никогда не упоминается про чашки чая, что ты налила, про советы, которые дала. А это официально зафиксируют. Черта подведена.
- Долго вы опекали семью Джессики после ее исчезновения?
- Первые несколько месяцев, с августа девяностого года, практически поселилась у них в доме. Марианна с Мартином были тогда еще вместе.
- Когда они развелись?
- Они не разводились. Вы же видели четки на кулаке Марианны. В ее мире развода не существует. Они расстались в девяносто седьмом. Протянули дольше, чем я ожидала. С потерей ребенка в отношениях между супругами всегда нарастает напряженность и они отдаляются друг от друга. Но они растили маленького Тоби, ему было всего четыре года, когда исчезла Джессика, и какое-то время для них он был связующим раствором, не позволявшим им распасться. Лора гораздо старше. Она к тому времени уже год отучилась в университете. На второй курс она вернулась с задержкой, но лучше бы сразу уехала в университет. Они с Марианной сводили друг друга с ума. И Марианна в конце концов ото всех и от всего отвернулась, все силы бросив на поиски Джессики. Тоби тогда был совсем малыш, и Лоре пришлось заботу о нем взять на себя.
- Сколько теперь Тоби?
- Двадцать девять. Он – гей. Неудивительно, что Марианна так и не смогла с этим смириться.
- Тоби где-то здесь живет?
- Нет. В Эдинбурге. Лора замужем, у нее двое маленьких сынишек, живет с семьей на севере Лондона. Мартин – в Испании. Дом он оставил Марианне. Он – миллионер. Думаю, следит за тем, чтобы жена его была под присмотром. Она просто бродит по своему большому дому все дни напролет, как мисс Хэвишем^[8]. Убитая горем. Хотя в отличие от мисс Хэвишем у Марианны всегда в ходу пылесос. Вы же сами видели: в доме ни соринки.
- Чем Мартин занимается в Испании?
- Строит дома отдыха для богатых иностранцев. Зарабатывает большие деньги. Живет в Малаге со своей подружкой – она моложе него – и их двумя детьми.
- Эрику радовало, что они еле-еле ползли в пробке. Нэнси была кладезь информации.
- Вам известно, как Мартин и Марианна познакомились? – спросила

она.

– В Ирландии. Он – ирландец; Марианна – британка, но выросла в Голуэе. Они познакомились, когда им было лет по шестнадцать, в одном католическом молодежном клубе. В семнадцать она забеременела, и им пришлось пожениться... Когда Марианна стала рассказывать мне о себе, я поняла, что она прониклась ко мне доверием. Они сочетались браком в Ирландии в конце семидесятых. Поначалу едва сводили концы с концами, но он сумел подняться, работая в строительном бизнесе, и в восемьдесят седьмом году, сразу после рождения Джессики, они переехали в Лондон. Время выбрали подходящее: тогда активно велось жилищное строительство, и они очень выгодно приобрели жилье. Лоре было четырнадцать, когда они переехали, и, думаю, для нее это был стресс: в Ирландии остались и ее друзья, и дом родной.

– Тогда у них и начались проблемы?

Нэнси кивнула и поморщилась, вспомнив, что у нее на носу повязка. Пробка рассасывалась, они поехали чуть быстрее, минуя ряд светофоров.

– Думаю, когда они перебрались сюда, Лоре было трудно обрести почву под ногами. Все ее детство их семья жила в нищете. Только на исходе ее отрочества они начали богатеть. Денег у них было достаточно на то, чтобы баловать Джессику и Тоби. Те посещали множество разных кружков, Джессика занималась балетом... Она была такая лапочка, Джессика.

В потоке машин они медленно катили мимо закрытых магазинов на Кэтфорд-Хай-стрит. Работали только вест-индский супермаркет и рядом с ним – ломбард. В ярко освещенном запотевшем окне они увидели группу стариков, смотревших на какой-то экран.

– Вы действительно думаете, что вам удастся раскрыть это дело, по прошествии стольких лет? – спросила Нэнси.

Если у Эрики и были сомнения на сей счет, делиться ими она не собиралась.

– Я всегда раскрываю все дела, которые веду, – ответила она.

– Что ж, удачи вам... Только будьте осторожны. Она ведь рассудком тронулась... та женщина, что раньше вела дело... Аманда Бейкер.

– Как это случилось?

– Как сотрудник отдела по расследованию преступлений в Боро она многие годы имела дело с жертвами сексуального насилия. Даром это не прошло. А потом дело Джессики. Свидетелей не было. Во второй половине дня Джессика вышла из дома, отправившись на день рождения к подруге, которая жила неподалеку, на той же улице, и словно исчезла с лица земли. До подруги она не дошла, никто ничего не видел. Был один-единственный

подозреваемый – Тревор Марксмэн, местный насильник. У него нашли снимки и видео с Джессикой, которые он сделал несколькими неделями раньше, когда она с Марианной и Лорой гуляла в парке.

– И его арестовали?

– Да. Но у него оказалось алиби. Железное. Он только-только вышел из тюрьмы и проживал в социально-реабилитационном центре^[9]. Седьмого августа он целый день находился там. И тому было много свидетелей, в том числе два сотрудника службы надзора. Но мотив у него имелся. Он отбывал срок за похищение девочки в парке. Та тоже была белокурой и очень походила на Джессику. В итоге Аманде ничего не оставалось, как отпустить его. За ним установили наблюдение. Но время шло, она все больше нервничала, начала преследовать его. Он в ответ глумился над ней, смеялся, что она не может раскрыть дело. В конце концов дошло до того, что она подговорила группу местных женщин, чинивших самосуд. Посреди ночи они сунули бутылку с бензином в его почтовый ящик. Он выжил, но получил сильные ожоги.

– И Аманде это аукнулось?

Нэнси кивнула.

– Тревор Марксмэн нашел хорошего адвоката и предъявил иск Столичной полиции. Отсудил триста тысяч. И перебрался, кажется, во Вьетнам, грязный мерзавец. Аманду досрочно спровадили на пенсию, на мой взгляд, незаслуженно, и в историю она вошла как бесчестный полицейский. По последним сведениям, она фактически умирает от цирроза печени... Так, здесь налево.

Эрика пожалела, что они уже приехали. Она свернула с автострады на дорогу, где движение было нормальное. Они миновали большой паб, несколько кафе, специализировавшихся на кебабе, и только потом появились жилые дома.

– Приехали, вон в том доме я и живу, – сказала Нэнси.

В одном месте между типовыми коттеджами на одну семью, что тянулись вдоль дороги в обоих направлениях, примостился серый приземистый многоквартирный дом из бетона. Эрика затормозила у обочины.

– Спасибо, что подвезли. Дома выпью еще одну из этих сильнодействующих таблеток. – Нэнси отстегнула ремень безопасности. По-прежнему лил дождь. Надевая капюшон, она задела повязку и поморщилась.

– Как по-вашему, кто это сделал? Кто убил Джессику? – спросила Эрика, перегнувшись к дверце со стороны пассажирского кресла, чтобы

видеть Нэнси.

– Бог его знает... может, ее кто-то просто схватил на улице и увез, – ответила та, наклонившись, а потом добавила: – Тело Джессики вы нашли. Возможно, бесследно исчез только тот... кто ее похитил.

Глава 15

В отделение Бромли Эрика прибыла поздно вечером. Для оперативного отдела ей выделили большое помещение открытой планировки на верхнем этаже. Из головы у нее не шли слова Нэнси: «Тело Джессики вы нашли. Возможно, бесследно исчез только тот... кто ее похитил».

Войдя в оперативный отдел, Эрика увидела, что в комнату принесли столы и техник подключает компьютеры к сетевой системе «Холмес»^[10], через розетки подсоединяя их к проводам, проложенным под полом. Несколько полицейских, которых ей пока не представили, говорили по телефону. Еще двое, мужчина и женщина, размещали на демонстрационных досках, занимавших все пространство вдоль задней стены, собранные на данный момент следственные материалы.

В одном углу висела огромная карта южной части Лондона до самой границы Кента, и худенькая сотрудница полиции с короткими черными волосами прищипливала около нее фотографии, в том числе снимки Хейзского карьера и дома № 7 по Эйвондейл-роуд. Рядом толстый полицейский с рыжеватыми волосами и кроличьими зубами разбирал на столе фотографии – снимки Джессики Коллинз. На одном она позировала в нарядном платье, в котором отправилась на день рождения; на другом – ее останки в морге; еще на одном были показаны коричневые лохмотья – все, что осталось от ее одежды после долгих лет нахождения под водой.

– Здравствуйте, – обратилась к присутствующим Эрика. – Старший инспектор Фостер.

– Констебль Найт, – представилась женщина, пожимая ей руку. – А это – констебль Крофорд.

– Я сам за себя могу сказать, – сердито бросил тот. Перегнувшись через стол, он тоже обменялся рукопожатием с Эрикой. Ладонь у него была холодная и влажная.

Проигнорировав его реплику, Найт продолжала:

– Мы составляем хронологию событий: передвижения Джессики на протяжении нескольких дней вплоть до седьмого августа, когда она вышла из дома № 7 по Эйвондейл-роуд. Я работаю с первоначальным отчетом о пропавшей без вести девочке и свидетельскими показаниями, но в системе «Холмес» не все материалы.

Компьютерная система «Холмес» использовалась службой полиции по

всей стране для регистрации и учета криминалистически значимой информации. Систему ввели в 1985 году, но прошло еще несколько лет, прежде чем она целиком и полностью утвердилась во всех полицейских подразделениях и ведомствах.

– Констебль Макгори принес материалы следствия на бумажных носителях. Он должен скоро быть. Перекусить, наверно, пошел.

– Это кто? – спросила Эрика, показывая на один пожелтевший снимок – фото на документы тридцатипятилетнего мужчины с холодными голубыми глазами, сальными светлыми волосами и пухлым лицом.

– Тревор Марксмэн, – ответил Крофорд. Наклонившись к ним, он взял фотографию. – Ну и мерзкая рожа у этого детолюбца, а? Хотя теперь он выглядит вот так.

Порывшись в куче снимков, Крофорд вытащил фото человека с безобразными ожогами на лице и шее. Кожа у того была красная и блестящая. Он смотрел в объектив. Единственным сходством с первой фотографией были холодные голубые глаза, выглядывавшие из-под маски пересаженной кожи. Ни волос, ни бровей, ни ресниц.

– Живет он во Вьетнаме, – промолвила Эрика. Она взяла снимок, держа его за самые края, чтобы не касаться лица.

– Да, у нас есть его адрес в Дурбане, только не знаю, актуален ли он теперь, – сказала Найт. – Я уточняю информацию.

– Я тоже над этим работаю; мы вместе работаем. – Крофорд произнес это как-то по-детски, словно хотел убедить Эрику в том, что он трудится столь же усердно.

Она вернула ему снимок.

– Слово «детолюб» неуместно. О таких вещах не шутят. Говорите «насильник» или «педофил». Ясно? – Крофорд кивнул, забирая у нее фото. Щеки его покрылись красными пятнами. – Думаете, к завтрашнему утру успеете?

– Да, мэм, – ответила Найт.

– Пожалуйста, обращайтесь ко мне «босс».

– Слушаюсь, босс.

В дверях показался Джон с упаковкой еды из кафе и банкой кока-колы. Запихивая в рот несколько ломтиков жареного картофеля, он направился к Эрике.

– Джон, мне сказали, у нас есть печатные материалы по делу Джессики Коллинз?

Джон замахал рукой перед своим лицом.

– Ой, простите, горячо, – объяснил он с набитым ртом, затем

проглотил картошку, запивая кока-колой. – Простите, босс. Целый день не ел. Да. И еще официальный отчет о вскрытии от доктора Стронга. Я положил вам на стол.

– А где мой стол?

– В вашем кабинете.

– У меня есть кабинет?

– Вон там, сзади, – показал он ломтиком жареного картофеля.

Эрика обернулась и увидела в глубине большой закуток за стеклянной панелью. Он был забит белыми коробками с документацией, которые штабелями громоздились одна на другой, доходя ей по самую грудь. Она подошла к двери, Джон – следом за ней. Среди коробок она едва различила стол.

– Кто придумал сложить все это здесь? Даже в дверь не войти! – раздраженно воскликнула Эрика.

– Я не знал, что их так много. Просто сказал, чтобы принесли к вам в кабинет...

– И это абсолютно все материалы? – уточнила она.

– Да. Принесли из архива все, что там было по этому делу. Некоторые коробки промаркированы по годам с девяносто первого по девяносто пятый, другие – по названию мест, и целая куча вообще без опознавательных знаков – в них складывали все без разбору...

В кабинете Эрики зазвонил телефон. Джон помог ей быстро отодвинуть часть коробок, чтобы она смогла добраться к аппарату. Звонил Марш.

– Ну, что накопили в старых материалах? – спросил он без предисловий.

– Сэр, я буквально только что их получила.

– Список подозреваемых составляете? Я хочу увидеть его как можно скорее.

– Я побеседовала с констеблем Грин, она в свое время опекала семью жертвы и рассказала много любопытных подробностей. Но мне нужно больше людей, чтобы перепахать всю эту гору. – Эрика уныло обвела взглядом коробки.

– Хорошо, что-нибудь придумаем. Газеты сегодняшние видели?

В эту же секунду Джон дал ей чуть забрызганный дождем номер «Ивнинг Стандарт», и Эрика увидела, что новость об обнаружении останков Джессики Коллинз напечатана на первой полосе вечернего выпуска.

– Да, у меня есть.

– По какой-то причине забыли опубликовать телефон оперативного отдела. Но Коллин Скэнлан и наша пресс-служба уже работают над этим, с минуты на минуту добавят эту информацию в интернет-версию. Мартин Коллинз вместе с остальными родственниками прилетает сюда поздно вечером. Просил утром сразу встретиться с руководителем следственной группы и представителями пресс-службы.

– Сначала я должна провести инструктаж, сэр, – ошетинилась Эрика. – Потом планирую встретиться с родными...

– Мартин Коллинз хочет убедиться, что нынешнее расследование не обернется фиаско, как в прошлый раз. Эрика, нам нужны результаты.

– Сэр, я ведь распутываю паутину. Мне действительно нужны люди. Необходимо быстро просмотреть все материалы. Только потом я смогу представить вам список подозреваемых.

– Хорошо, оставь это мне. – Марш повесил трубку.

Перегнувшись через коробки, Эрика положила трубку на рычаг. Джон, видя, что она раздражена, нервно покусывал губу.

– Звонил суперинтендант Йель. Он ждет от вас отчет по делу Джейсона Тайлера... Говорит, вы ему вчера обещали?

– Черт!

– Точно не хотите картошки? – спросил Джон, протягивая ей картонный коробок. Эрика взяла ломтик, сунула его в рот, затем выдвинула одну из коробок с пометкой «7 августа 1990 г.».

– Что ж, начнем с самого начала, – со страхом в душе произнесла она.

Глава 16

На следующее утро, когда Эрика прибыла в отделение Бромли, глаза у нее были покрасневшие и мутные. Прошлым днем она засиделась на работе допоздна, знакомясь с материалами об исчезновении Джессики Коллинз и заканчивая отчет по делу Джейсона Тайлера, и успела ухватить всего несколько часов сна.

Выбираясь из машины на подземной парковке, она услышала свист и увидела идущие к ней два знакомых лица.

– Босс! Как же я рада вас видеть! – вскричала инспектор Мосс – невысокая плотная женщина с убранными за уши короткими рыжими волосами и бледным веснушчатым лицом. Она подскочила к Эрике и крепко ее обняла.

– Очень уж соскучилась она по вас, – прокомментировал высокий темнокожий полицейский, мгновением позже подходя к ним. Это был инспектор Питерсон, невозмутимый и статный, в щегольском черном костюме.

– Ну все, все, задушите, – рассмеялась Эрика. Мосс разжала объятия и отступила на шаг.

– Я думала, вы уж забыли нас!

– Замоталась. Меня прислали сюда в качестве запчастей, а потом вдруг завалили делами, – объяснила Эрика, чувствуя себя виноватой из-за того, что не поддерживала связь с бывшими коллегами.

– Питерсон, а ты что стоишь? Обними босса, – пошутила Мосс.

Тот повел глазами.

– Рад видеть вас, босс. – Улыбаясь, он дотянулся до Эрики и похлопал ее по плечу.

Она улыбнулась в ответ, и затем возникло неловкое молчание.

– Вам нужны разрешения на парковку? – спросила Эрика.

– Одно. Мы на моей машине. Питерсон ждет, когда ему новую дадут, – сказала Мосс.

– Моя сдохла на прошлой неделе на развязке Сан-ин-зе-сэндс, – сообщил он. – Кошмар: час пик, машины сигналият как сумасшедшие, а у меня из капота дым валит.

– Видели бы вы его капот^[11], босс. Он в нем такой красавчик. Я ему сказала, чтоб сегодня он его не надевал.

– Уймись, Мосс, – одернул ее Питерсон.

– Он просто скромничает, босс. Лицо в обрамлении рюшек... Похож на маленького Идриса Эльбу^[12].

Эрика прыснула со смеху.

– Простите, Питерсон, – извинилась она.

– Я не в обиде, – улыбнулся он.

Эрика уже и забыла, как ей комфортно работалось с Мосс и Питерсоном; их ей так не хватало. Они дошли до лифта в конце парковки, она нажала кнопку вызова.

– Здорово, что вы оба здесь. Спасибо. Хотя сегодня нам вряд ли придется еще посмеяться. Дело обещает быть очень трудным.

* * *

Они поднялись на верхний этаж. В оперативном отделе было полно народу. Эрика представила Мосс и Питерсона, довольно отметив про себя, что из Управления уголовных расследований ей прислали дополнительно шесть сотрудников для работы с архивными следственными материалами.

Эрика обвела взглядом застывшие в ожидании лица.

– Приветствую всех. Спасибо, что так скоро собрались... – Она коротко обрисовала обстоятельства дела Джессики Коллинз, рассказала о том, что удалось выяснить на настоящий момент. – Берясь за расследование этого дела, мы открываем ящик Пандоры, точнее, множество ящиков, – добавила она, намекая на коробки со следственными материалами, что теперь громоздились вдоль задней стены. – Нам необходимо сосредоточиться на фактах, имеющих отношение к исчезновению Джессики. Догадки и домыслы в расчет не принимаются. Мы не можем предвидеть, какое освещение в прессе получит обнаружение останков Джессики Коллинз, но мы обязаны опережать журналистов. И по сравнению с девяностыми для нас это, пожалуй, даже еще более сложная задача. Теперь есть и круглосуточные новостные каналы, и соцсети, и блоги, и интернет-форумы, и все они будут что-то выкапывать и выдавать двадцать четыре часа в сутки. А значит, те следственные материалы, что лежат вдоль стены, необходимо заново просмотреть, от первой до последней страницы, причем быстро. Внимательно прочитайте все свидетельские показания, проведите перекрестную сверку. Я хочу знать все про Хейзский карьер. Как его использовали все прошлые годы? Почему тело Джессики так и не нашли? Прямо отсюда я еду на встречу с Коллинзами, и у них, вне сомнения, будет ко мне много вопросов.

Приступайте к работе без промедления.

Затем встала констебль Найт. Она изложила хронологию событий, приведших к исчезновению Джессики Коллинз.

– Сколь широко я должна представить информацию о месте происшествия, босс? – спросила она.

– Исходите из того, что мы не знаем ничего. Мы не живем близ Хейза. Мы никогда не слышали о Джессике Коллинз. Слушаем об этом впервые... И помните, – добавила Эрика, – глупых вопросов не бывает. Если что-нибудь не ясно, сразу кричите.

Она присела на стол, а Найт подошла к огромной карте размером четыре квадратных метра, что висела на задней стене.

– На карте охвачена территория площадью двадцать миль сверху донизу. В середине – центральная часть Лондона, внизу, на юге, – граница Кента, а вот здесь, в Бромли, – мы. – Найт показала на большой красный крест, отмеченный на карте. – Мы находимся в двух и шести десятых мили от поселка Хейз. Это популярный спальный район: многие из живущих там работают в Лондоне, дорога на электричке до центра занимает полчаса. Процент проживающих там пенсионеров выше среднего, цены на жилье высокие, преобладает белое население.

Найт кивнула Кроффорду. Тот подошел к столу, на котором стоял ноутбук, и включил проектор. На белой демонстрационной доске высветилась карта более крупного масштаба. Найт встала сбоку от нее и продолжала:

– Это – крупномасштабная карта природного парка Хейз и одноименного поселка. Вы видите центральную улицу и железнодорожный вокзал. Обширная площадь зеленого цвета – природный парк Хейз, зона лесов и вересковых пустошей, иссеченная выучными и пешеходными тропами, а также несколькими дорогами. Это один из крупнейших природный парков в Большом Лондоне, раскинувшийся на площади двести двадцать пять акров. Имеется несколько въездов: Престонс-роуд, Уэст-Коммон-роуд, Файв-Элмс-роуд, Кройдон-роуд, Бастон-роуд, Бастон-Мэнор-роуд и Коммонсайд. Хейзский карьер, где были найдены останки Джессики, находится здесь. – Найт сдвинула руку к юго-восточной части парка, где дороги Кройдон-роуд, Бастон-роуд и Коммонсайд прорезали зеленую зону, образуя большой перевернутый треугольник. – Карьер вырыли в 1906–1914 годах, когда здесь добывали песок и гравий. За минувшие годы его дважды заваливали и расчищали. Во время Второй мировой войны в парке Хейз располагались военная база и зенитная артиллерия. В семидесятом году карьер во второй раз расчистили

археологи, которые проводили здесь раскопки, выискивая артефакты бронзового века. После его оставили заполняться водой. Районный совет Бромли дважды ходатайствовал, чтобы им разрешили использовать карьер в целях промыслового рыболовства, но оба раза эта идея не получила поддержки, поскольку данная территория является природным заказником и охраняется государством.

Умолкнув, она перешла к другому краю карты; на ее усталом лице, словно артерии, пролегли линии отображавшихся дорог.

– Теперь хронология событий, которые привели к исчезновению Джессики Коллинз. Вместе с семьей она жила здесь, в доме № 7 по Эйвондейл-роуд. Это меньше чем в миле от Хейзского карьера; ближайшая точка доступа здесь – с Бастон-роуд. Вы видите, что все дома на Эйвондейл-роуд имеют большие сады и стоят за заборами. Это зажиточный район. В субботу, седьмого августа тысяча девятьсот девяностого года в час сорок пять Джессика вышла из родительского дома, направляясь на день рождения к школьной подруге, Келли Моррисон, которая жила в доме № 27 по Эйвондейл-роуд. Идти было недалеко, метров пятьсот всего, но она туда не дошла. Тревогу подняли только в три тридцать, когда мать Келли позвонила Марианне, чтобы узнать, где Джессика.

Найт кивнула Кроффорду. Тот подошел к ноутбуку и щелкнул мышкой. На демонстрационной доске появилась веб-страница «Перес Хилтон»^[13] с фотографией Ким Кардашьян, выходящей из «Старбакса».

– Опа! – хохотнул он. – Лажанулся. Но готов поспорить, я здесь не единственный, кто следит за личной жизнью семейства Кардашьян!

Ответом ему было гробовое молчание. Кое-где в комнате раздались смешки. Мосс, поймав взгляд Эрики, вскинула брови.

– Вот, пожалуйста, – сказал он, покраснев. Страничку блогера сменило изображение в режиме «просмотра улиц». Найт взглянула на Кроффорда и продолжала:

– Здесь Бастон-роуд покидает зону парка и переходит в Эйвондейл-роуд. – На экране замелькала череда размытых снимков улицы – дом за домом на Эйвондейл-роуд. – Как видите, все дома большие, в два-три этажа. Все стоят в глубине, многие отделены от дороги высокой живой изгородью или деревьями... Вот мы минуем дом № 7, где живут Коллинзы... и движемся к дому № 27 по Эйвондейл-роуд. Я пытаюсь вывести изображения улицы двадцатишестилетней давности.

Теперь пошли снимки более богатых домов. Вот почтальон с затертым лицом застыл на ходу, держа руку глубоко в своей сумке. Чуть дальше женщина с маленькой собачкой появилась на выходе с одной из

подъездных аллей. Она была заснята со спины, и они заметили, что у нее короткие кудрявые светлые волосы.

– Мы минуем дом № 27, где жила подруга Джессики, Келли Моррисон. Вы видите, что Эйвондейл-роуд резко поворачивает влево, переходя в Марсден-роуд. – Снова быстрая смена размытых снимков и затем четкое изображение большого особняка цвета сливочного масла с колоннами, украшающими главный вход. – Теперь это Дом престарелых Суонн, частный интернат-лечебница, а двадцать шесть лет назад в этом здании размещался социально-реабилитационный центр для осужденных насильников. Широкой публике о существовании центра не было известно, он попал в поле зрения общественности только после исчезновения Джессики. Один из его обитателей, Тревор Марксмэн, стал главным подозреваемым. В его комнате на верхнем этаже были найдены фотографии и домашнее видео с Джессикой. Кто-то из соседей также видел его у дома жертвы во второй половине дня пятого августа, примерно в это же время – шестого и утром седьмого. Через две недели его арестовали и допросили, но кроме сделанных им фотографий и видео с Джессикой других улик, указывающих на его причастность к ее исчезновению, обнаружено не было.

– Но ведь в социально-реабилитационном центре проживало *много* осужденных насильников. Подозреваемых должно было быть больше, – заметила Мосс.

– Да, но социально-реабилитационный центр – режимный объект, и седьмого августа в час тридцать все его обитатели и сотрудники службы надзора были созваны на еженедельное собрание. В половине второго была проведена перекличка. Все поднадзорные были на месте. Собрание продолжалось два часа и закончилось вскоре после половины четвертого. За это время никто из поднадзорных центр не покидал. В три тридцать мать Келли Моррисон позвонила Марианне Коллинз, чтобы узнать, где Джессика. Вскоре после этого начались поиски девочки.

– И теперь у нас есть ее останки, – подытожила Мосс.

– Мы нашли останки Джессики, но они пролежали на дне двадцать шесть лет, и улик у нас фактически нет, – указала Эрика.

– У всех ближайших родственников Джессики имеется алиби. Марианна и Мартин были дома с Тоби. К ним в час сорок заходили пожилая соседка и ее муж, некие мистер и миссис О’Шей, ныне покойные. Они находились дома, когда Джессика уходила, и оставались там, пока не подняли тревогу. Их старшая дочь Лора находилась за двести сорок миль от дома, на полуострове Гауэр в Уэльсе, куда она отправилась в турпоход

вместе со своим парнем Оскаром Брауном. Они уехали рано утром днем раньше.

Найт обвела взглядом комнату.

– Поквартирный опрос ничего не дал: многих соседей дома не оказалось, а у тех, кто был дома, имеется железное алиби. Как вы видели по карте *Google*, из большинства домов Эйвондейл-роуд не просматривается, соответственно, мы имеем двухчасовой период, за который могло произойти все что угодно. Уличных торговцев было мало, почту в субботу после обеда не разносили. В девяностых очень мало зон в этом районе было охвачено камерами видеонаблюдения. Автобусы по Эйвондейл-роуд не ходят.

На мгновение в комнате воцарилась тишина. Потом Крофорд включил свет, и Эрика, выйдя вперед, встала у карты заметно побледневшей в освещении потолочных ламп.

– Спасибо. Крофорд, у меня к вам большая просьба: впредь постарайтесь использовать свой ноутбук только для работы.

– Да, простите. Такого больше не повторится, – промямлил он.

– Я прошу всех сконцентрироваться. Если чувствуете, что внимание уходит, посмотрите на эту фотографию. – Эрика показала на снимок, сделанный в морге, – фото скелета Джессики, который лежал на голубой простыне, словно собранный пазл. – В нашем распоряжении огромное количество архивных следственных материалов, и с их штудирования мы и начнем расследование. Это скорее плюс, чем минус: в этих материалах содержится масса скрытой информации. У нас есть еще одно преимущество: мы имеем возможность взглянуть на ситуацию с позиции прошедших лет. Для начала распределите между собой коробки. Ответственным назначаю инспектора Мосс. Тщательно изучите и проанализируйте все данные по Тревору Марксмену и также обратите внимание на роль руководителя прежней следственной группы – старшего инспектора Аманду Бейкер...

– Я знал Аманду, – перебил Эрику Крофорд. – Работал по этому делу в ее группе в девяностом, когда был простым констеблем.

– Почему вы раньше об этом не упомянули? – спросила Эрика. Взгляды всех, кто был в комнате, обратились на Крофорда. Тот стоял у двери, раздувая щеки.

– Ну, я подумал, что скажу, когда будет подходящий момент, а то ведь была такая запарка...

– Я беседовала с вами и констеблем Найт вчера, когда вы готовили это выступление. Вы сочли, что это несущественная информация? Не

подумали, что могли бы поделиться с нами важными подробностями?

Теперь все смотрели на Крофорда. Он снова надул щеки. Эта его привычка начинала действовать Эрике на нервы.

– О старшем инспекторе Бейкер много всего сказано... – начал он. – На мой взгляд, ей приходилось держать удар с обеих сторон. С одной – Коллинзы на нее наседали, с другой – начальство вело мышиную возню за ее спиной. Так не должно быть.

– Нам это известно. Что-нибудь еще?

– М-м-м. Я принимал участие в поисках в парке Хейз и в карьере, что велись в августе и сентябре девяностого года. Водолазы обследовали карьер. Мы... Они ничего не нашли, – сообщил Крофорд.

– Значит, Джессика тогда была еще жива, и ее где-то прятали либо убили в другом месте и позже сбросили в воду, – заключила Эрика.

– Я не имел доступа ко всему, что происходило в оперативном отделе. В ту пору я был обычным патрульным, рвался в бой... Жизнь меня еще не обтесала, – смущенно хмыкнул Крофорд.

На мгновение его смешок словно завис в воздухе. Он неловко переступил с ноги на ногу. Его лицо все еще покрывали красные пятна. Эрика мысленно отметила, что надо бы ознакомиться с его досье. По ее прикидкам, Крофорду было под пятьдесят. За те три месяца, что она работала в отделении Бромли, он ни разу не попадался ей на глаза.

– Итак, ваша главная задача, – обратилась она к своей следственной группе, – тщательно изучить вещественные доказательства. Как только пойдем, что лежит в этих коробках, сможем двигаться дальше. Завтра утром встречаемся здесь для подведения промежуточных итогов.

В оперативном отделе поднялся галдеж, все засуетились. Эрика подошла к Мосс и Питерсону, сидевшим рядом с ее кабинетом.

– Питерсон, вы со мной. Мы едем к Коллинзам. Мосс, на вас работа оперативного отдела, и... – Она кивнула в сторону Крофорда, пытавшегося распутать скрутившийся в узлы шнур зарядного устройства от ноутбука.

– Хотите, чтоб я достала его досье? – тихо уточнила Мосс.

– Да. Только без шума...

Мосс кивнула, и Эрика вместе с Питерсоном покинула оперативный отдел, где уже вовсю кипела работа.

Глава 17

Дверь дома № 7 по Эйвондейл-роуд открыл высокий поджарый загорелый мужчина. Он был обрит наголо, но чуть пробивающиеся волосы свидетельствовали о том, что лысая у него только макушка; подбородок и щеки покрывала черная с проседью щетина. Одет он был в черные брюки, синюю рубашку с закатанными рукавами, обнажавшими его жилистые руки, и дорогие туфли из мягкой черной кожи. Эрика обалдела, когда он представился Мартином Коллинзом. Моложавый холеный мужчина шестидесяти с чем-то лет. В сравнении с ним Марианна выглядела дряхлой старухой.

– Мы в гостиной, – ворчливо произнес он; в его речи по-прежнему слышался сильный ирландский акцент.

Они последовали за Мартином. За ним тянулся шлейф дорогого лосьона после бритья, прорезавшего церковную затхлость дома.

Эрика представила себя и Питерсона. Марианна сидела на конце длинного дивана, ближе к камину. Одета она была в черное с ног до головы, и траурный наряд лишь подчеркивал ее мертвенную бледность. В правой руке она сжимала четки, так туго намотанные на пальцы, что они впивались в кожу. Рядом с ней сидела привлекательная темноволосая женщина лет сорока пяти в модном черном брючном костюме с белой блузкой. На лице – густой макияж, глаза воспаленные, взгляд отрешенный.

– Здравствуйте, господа. Моя дочь Лора. – Марианна показала на брюнетку.

Лора поднялась с дивана и пожала руки Эрике и Питерсону. В кресле, стоявшем подле длинного дивана, сидел интересный смуглый молодой мужчина. Он был в черном костюме, тоже элегантном. Мужчина встал и представился Тоби. Рядом с ним сидел худой симпатичный индеец с черными волосами до плеч. На нем был черный шелковый костюм.

– А это мой жених, Танвир, – добавил Тоби.

Они все обменялись рукопожатиями. Марианна, прикусив губу, посмотрела на Мартина.

– Что опять не так? – спросил Тоби.

– Тоб, мама просила, чтобы мы собрались только своей семьей, – объяснил Мартин.

– Танвир – близкий мне человек, и я хотел, чтобы он приехал со мной. Наверно, если б Лора приехала с мужем или с детьми...

– Но я не взяла с собой Тодда, – сердито перебила брата Лора. – Он остался с Томасом и Майклом.

Она взяла мать за руку. Тоби собрался было что-то ответить, но Эрика поспешила вмешаться:

– Примите наши соболезнования. Мы понимаем, что сейчас вам очень тяжело.

Встреча с остальными членами семьи Коллинз потрясла Эрику: они казались такими изысканными и полными жизни в сравнении с Марианной.

– Да. Садитесь, прошу вас, господа. – Марианна жестом показала на два стула с высокими спинками, что стояли перед диваном. Эрика с Питерсоном сели. – Я хотела бы извиниться за вчерашний инцидент. Сама не знаю, что на меня нашло.

– Я разговаривала с Нэнси. Конечно, нападение на полицейского считается преступлением, но она не станет подавать в суд. Обстоятельства были исключительные, – объяснила Эрика.

– Мне так стыдно...

– Могу я предложить всем чаю? – перебил ее Танвир, поднимаясь с дивана. Все замерли.

– С удовольствием, – сказал Питерсон.

– Ты не знаешь, где что лежит! – вскипела Марианна.

– Чайником он пользоваться умеет, а чашки наверняка стоят все там же, над микроволновкой, – заступился за своего возлюбленного Тоби.

Танвир смущенно переминался с ноги на ногу.

– Да, я тоже не откажусь, – улыбнулась ему Эрика.

– Позвольте, я сама приготовлю чай, – вызвалась Марианна, вставая с дивана.

– Он не заразный, мама, – сказал Тоби.

– Тоби! Ради бога! – вспыхнул Мартин.

– Танвир, я уверена, ты очень хороший парень, но... – начала Марианна.

– Прекрати! – рявкнул Мартин. – Или ты хочешь и сына потерять, как и дочь? Пусть Тан пойдет и заварит чай, черт возьми!

Танвир покинул гостиную. Марианна прижала к лицу скомканную салфетку. Лора наклонилась к матери, взяла обе ее руки в свои.

– Мартин, как ты можешь так говорить? – шикнула на него Марианна.

– Могу! – огрызнулся Мартин.

Он не садился, вышагивая перед занавешенным шторами окном. Эрика поняла, что пора брать ситуацию в свои руки.

– Успокойтесь, – произнесла она. – Я понимаю, для вас это трудное время.

– Слышишь, Тоби, – обратился к сыну Мартин. – Трудное время. Сегодня мы должны быть здесь только своей семьей. Я хотел, чтобы мы хоть раз собрались все вместе, без...

– Мартин, как ты можешь так говорить? Мы никогда не будем все вместе. Как ты мог забыть Джессику? – вскричала Марианна.

– Боже. Я не это имел в виду. Ты и впрямь думаешь, что я ее забыл? – заорал Мартин. – Не у тебя одной горе... Господи помилуй. Мы все скорбим каждый по-своему...

– Не смей упоминать всуе имя Господа!

– Папа, – вмешалась Лора.

– Нет. Я больше не желаю слышать, что я мало лью слез, что я не так скорблю! – Он подошел к дивану и наставил палец в лицо Марианне. – Я любил нашу малышку и готов землю свернуть, лишь бы побыть с ней хотя бы минутку, лишь бы она снова была с нами... и мы видели, как она росла и выросла все те минувшие... – Его голос сорвался, он повернулся ко всем спиной.

– Послушайте, мы не хотим досаждать вам своим присутствием больше, чем это необходимо, – сказала Эрика. – Вы изъявили желание побеседовать с нами. Так прошу вас, давайте сосредоточимся на том, зачем мы здесь собрались, ведь наша задача – найти преступника.

Лора теперь плакала, равно как и ее мать, но Тоби сохранял самообладание. Сложив руки на широкой груди, он с каменным лицом сидел в кресле.

– Да знаю я, кто преступник, – заявила Марианна. – Тот развратный негодяй, Тревор Марксмэн. Вы его арестовали?

– На данном этапе мы изучаем все аспекты дела, – начала Эрика.

– Не морочьте нам головы своей казенщиной, – сказал Мартин. – Говорите по-человечески!

– Хорошо, мистер Коллинз. Дело, что досталось нам в наследство, весьма запутанное. Джессика пропала двадцать шесть лет назад, свидетелей ее исчезновения немного. Нам приходится заново изучать и анализировать все материалы прежнего расследования, в котором, как вам известно, множество изъянов.

– Где он? Марксмэн?

– По последним данным, он жил во Вьетнаме.

– Во Вьетнаме, да? Развращает детишек. Вы только представьте, сколько всего там можно купить за триста-то тысяч! – воскликнул Мартин.

– Негодяй, мерзавец. Как получилось, что он отсудил у полиции такую уйму денег и уехал, не понеся наказания? Это же несправедливо! – возмутилась Марианна.

– В то время у следствия против него не было достаточно улик, – объяснила Эрика.

– Я ведь смотрю телевизор и знаю, что у криминалистов теперь куда больше возможностей, – заметил Мартин. – Не то что раньше.

– Когда мы обнаружили останки Джессики... В общем, она пробыла под водой много лет. Мало что можно выжать из вещественных доказательств.

Коллинзы смотрели на нее, осмысливая информацию о том, что Джессика была сброшена в воду.

– Я успешно раскрыла два дела о давних похищениях и сейчас собрала в свою команду лучших специалистов. Я знаю, что многие уже поставили крест на деле Джессики, но я не из их числа. Я обязательно найду преступника и отдам его под суд. Обещаю.

Мартин посмотрел на Эрику с Питерсоном и кивнул.

– Ладно, ловлю на слове. – В его глазах заблестели слезы. – Вы вызываете у меня доверие. – Отвернувшись, он извлек из кармана пачку сигарет и закурил.

– Ее ты тоже оприходуешь? – спросила Марианна. Молчание. – Вы не знали? Он греховодничал с той блудливой следовательшей – с Амандой Бейкер.

– Марианна, прекрати... – начал Мартин.

– И не подумаю. Почему я должна молчать? Ты спал с той женщиной. С женщиной, которая утешала меня, с которой я делилась сокровенными чувствами.

– Но это же было через сто лет после того, как она подключилась к расследованию! – заорал Мартин.

– По-твоему, это может служить оправданием? – Марианна стояла, покачиваясь.

– И меня еще считают позором семьи, – произнес Тоби как будто в сторону, обращаясь к Эрике и Питерсону.

– Заткнитесь! – крикнула Лора. – Все. Речь идет о Джессике! О моей... О нашей сестре. Ее нет с нами, ей не довелось вырасти, стать взрослой! А вы только и можете, что ссориться и пререкаться! – Слезы струились по ее щекам, оставляя бороздки в толстом слое крем-пудры, а она вытирала их тыльной стороной ладони.

– Успокойся, дорогая. – Марианна обняла дочь. Та стряхнула с себя ее

руки.

– Когда можно ее увидеть? – спросила Лора. – Я хочу ее увидеть.

– Я бы тоже хотела ее увидеть, – сказала Марианна.

– И я, – вторил им Тоби.

– Разумеется, это можно устроить, но сначала судебный патологоанатом должен закончить свою работу. Только потом вам вернут останки Джессики, – объяснила Эрика.

– А что он с ней делает? – осведомилась Лора.

– Он проводит экспертизы, пытаясь получить как можно больше информации, чтобы установить причину смерти.

– Она страдала? Пожалуйста, скажите, что она не мучилась, – умоляюще произнесла Марианна.

Эрика сделала глубокий вдох.

– Айзек Стронг – один из лучших судмедэкспертов в стране и с уважением относится к мертвым. Джессика в хороших руках.

Марианна кивнула и взглянула на Мартина. Он стоял к ним спиной, прислонившись к стене и опустив голову. Сигарета в его руке дотлела до фильтра.

– Мартин, иди сюда, милый, – окликнула она мужа. Он подошел к дивану, сел на подлокотник рядом с Марианной и, уткнувшись лицом ей в шею, издал приглушенный всхлип. – Поплачь, легче станет. – Она положила свободную руку ему на спину и притянула к себе. Лора тоже прижалась к матери, и все троем они зарыдали.

– Я ее почти не помню, – промолвил Тоби со слезами на глазах, глядя на Эрику и Питерсона.

В гостиную вернулся Танвир. Он принес поднос с чаем, который поставил на большой журнальный столик. Эрике же просто хотелось покинуть этот гнетущий дом с темной мебелью и изображениями Девы Марии, которым царившая здесь ужасная атмосфера придавала налет зловещей мрачности.

– Мы бы хотели выступить с новым обращением в прессе, – сказала она. – Согласитесь ли вы присутствовать на пресс-конференции – как единая семья? – Коллинзы закивали. – Наша пресс-служба сообщит вам, когда и как это произойдет.

– У вас есть новые подозреваемые? – поинтересовалась Лора.

– Пока нет, но мы работаем с новой информацией.

– Что это за информация? – резко спросила Лора.

– Ну, прежде всего самая очевидная: мы нашли Джессику в Хейзском карьере. Можно узнать, что вам о нем известно? Вы проводили там время

своей семьей или с Джессикой?

– На что нам сдался этот старый карьер? – отвечала Марианна. – Джессика любила танцевать, посещать живой уголок...

– Я раньше ловил там рыбу, – сказал Тоби. – Когда мне было лет двенадцать-тринадцать... О боже. Она ведь, наверно, была там. Мы удили с лодки. А она все время была там. – Танвир сел на подлокотник его кресла и взял Тоби за руку.

Марианна, увидев это, отвела взгляд.

– Я понимаю, вам тяжело отвечать на наши вопросы, – заговорил Питерсон, – но все же чья это была лодка? Кто из ваших знакомых имел к ней доступ?

– Мой друг Карл. Это была надувная резиновая лодка, – отвечал Тоби. – Но нам с Карлом было тогда по тринадцать лет. А Джессика пропала, когда мне было четыре.

– Все указывает на Тревора Марксмэна, – подал голос Мартин, поднимая голову и вытирая глаза. – Муниципалитет почему-то счел целесообразным разместить тот проклятый исправительный центр прямо на нашей улице! Вы видели ее фото, что он наснимал. А видео? *Видео*, на котором она гуляет в парке с Марианной и Лорой!

– Он первый в нашем списке подозреваемых, и его снова задержат для допроса, – сказала Эрика.

Мартин покачал головой.

– Я ведь написал нашему депутату в парламенте, спрашивал, нельзя ли провести проверку первого расследования. Знаете, что она сделала?

– Нет, не знаю, – ответила Эрика.

– Прислала мне шаблонную отписку. Даже не удосужилась от руки что-то написать. В моей строительной фирме работают секретари со школьным образованием, но даже они умеют составить грамотный рукописный ответ, а тут член парламента! Вам известно, что члену парламента вовсе не обязательно иметь образование? – Мартин теперь расхаживал по гостиной. Марианна, Тоби и Лора наблюдали за ним. – Вот у вас обоих какое образование?

– Мы – офицеры полиции, – ответил Питерсон.

– Да? Так вот, Марксмэн, невежественный подонок, заручившись поддержкой известного адвоката и пользуясь бесплатной юридической помощью, отсудил у вас триста тысяч.

– Прискорбный случай. – Едва эти слова слетели с ее языка, Эрика поняла, что своей фразой разозлила его еще больше.

– Что ж, у меня есть деньги, и я вполне обойдусь без бесплатной

юридической помощи. Вам известно, что бывший парень Лоры теперь сам чертовски хороший адвокат?

– Папа. – Лора бросила на отца укоризненный взгляд.

– Оскар Браун – партнер в фирме «Фортитудо чамберз», и он уже сказал, что готов работать на меня.

– Оскар Браун, – произнесла Эрика, вспомнив, что видела это имя в архивных материалах следствия. – Вы с ним встречались в ту пору, когда пропала Джессика?

– Да, – подтвердила Лора, вытирая глаза.

– И вы находились с ним в турпоходе в Уэльсе в момент исчезновения Джессики?

– Да. Как только узнали, сразу поехали домой. В новостях увидели... – У нее задрожала нижняя губа.

– И вы поддерживаете связь с Оскаром?

– Как и я, он теперь женат, имеет детей, но мы общаемся. Когда вместе с кем-то переживаешь такое горе, между вами возникает неразрывная связь.

Эрика видела, что Мартин теперь побагровел, продолжая мерить шагами гостиную.

– Убийца Джессики на свободе, смеется про себя все эти двадцать шесть лет, потому что вы, никчемные людишки, ничего не предпринимаете. Вы ни за чем не способны уследить. Как она могла исчезнуть? Ей пройти нужно было всего ничего, по прямой дороге, нисколько времени не занимает. И НИКТО НИЧЕГО НЕ ВИДЕЛ!

С этими словами он смел поднос со стола; чашки и блюдца разбились о пол.

– Сэр, успокойтесь, прошу вас, – сказал Питерсон, быстро шагнув к Мартину.

– Не смейте мне указывать! В моем собственном доме...

– Это больше не твой дом, Мартин, – пронзительно прокричала Марианна. – И нечего устраивать тут погром. – Опустившись на колени, она принялась собирать осколки фарфора.

– Мама, порежешься, – мягко произнес Тоби. Присев на корточки подле Марианны, он бережно отвел ее руки от битой посуды.

Лора беспомощно смотрела на брата и мать; ее отец, красный как рак, продолжал расхаживать по комнате.

Мартин стал пинать стену. Марианна кричала, чтобы он прекратил.

– Мистер Коллинз, если вы сейчас же не успокоитесь, я надену на вас наручники и посажу в полицейский автомобиль, – пригрозила Эрика, повышая голос. – Вы этого хотите? Возле дома толкнутся журналисты, им ох

как нужна сенсация, и виновный отец устроит их во всех отношениях. – Мартин остановился как вкопанный и посмотрел на Эрику. – Перестаньте буяннить, прошу вас.

– Извините. – Пристыженный, он кивнул и потер лоб.

– Мне даже представить трудно, что вы пережили, – сказала Эрика.

– Горе раздавило нас. – Он снова заплакал. Марианна подошла к нему, стала утешать. Тоби с Лорой подскочили следом. Танвир стоял в стороне, наблюдая за ними вместе с Питерсоном.

– Ладно, на этом пока остановимся. Вам нужно побыть вместе. Мы заново изучим все свидетельские показания и, возможно, захотим поговорить с вами, чтобы кое-что уточнить. Кто-нибудь из моих сотрудников с вами свяжется, – сказала Эрика.

Она подала знак Питерсону, и они поспешили прочь.

Глава 18

После встречи с Коллинзами Эрика с Питерсоном какое-то время просто сидели в своей машине у дома № 7 по Эйвондейл-роуд.

– Это было... ужасно, – произнес Питерсон, устало потирая глаза. – Наш приход сюда... что это дало?

– Горе связало их в единый узел. Я даже не могла сказать этим людям, когда им покажут останки Джессики. Да, дело... – «неразрешимое», едва не сорвалось у нее с языка, но она вовремя осеклась. – Значит, Мартин Коллинз спал с Амандой Бейкер...

– Что еще больше... усложняет дело, – согласился Питерсон.

– Вы, должно быть, до чертиков рады, что я попросила привлечь вас к этому расследованию, – удрученно пошутила Эрика.

– Мне вас не хватало... То есть я скучал по работе с вами, в связке с Мосс, конечно, – быстро поправился Питерсон. Эрика посмотрела на него и затем устремила взгляд через лобовое стекло.

– Джессика пропала прямо здесь. – Она показала на улицу, вдоль которой высились огромные дубы, раскинувшие голые сучья на фоне серого неба. – Холодно, да?

– Печку включить? – спросил Питерсон.

– Нет. Я про улицу. Про район. Здесь холодно и неприветливо. Сплошь шикарные дорогие дома, и все скрыты из виду.

На краю газона топталась группа фоторепортеров. Они сфотографировали Эрику с Питерсоном, когда те входили в дом и потом выходили на улицу. Один из них, сидящий коротышка, направился к дому Коллинзов, но Эрика быстро включила мигалку и сирену. Тот отпрыгнул назад, заметив их в автомобиле без опознавательных знаков полиции. Не выключая мигалки, Эрика позвонила в отделение и попросила прислать к дому патрульного. Фоторепортеры взяли в объективы их машину, пощелкали с минуту и затем снова переключили свое внимание на дом.

– Вам не показалось, что Мартин Коллинз вел себя несколько театрально?

– Вы о чем? – спросила Эрика.

– Да как-то уж больно наигранно перевернул поднос. Если б он швырнул что-то или... ну, не знаю, ударил одного из нас, это было бы ожидаемо.

– Думаете, он что-то скрывает?

Питерсон покачал головой.

– В ходе последнего расследования его тщательно проверяли? А его деловые связи?

– Он быстро разбогател на строительном буме восьмидесятых. Коллинзы приехали сюда из Ирландии в восемьдесят седьмом году, фактически без гроша за душой, а в девяностом уже жили здесь...

– Думаете, Джессику похитили с целью выкупа?

– Не знаю. О выкупе что-нибудь упоминалось?

– Нет. Она просто исчезла, и после все развалилось. И семья ее, и само следствие...

Эрика оглядела улицу и отстегнула ремень безопасности.

– Давайте пройдемся.

Они выбрались из машины, чем снова обратили на себя внимание журналистов. Те принялись их снимать. Эрика с Питерсоном зашагали в направлении дома № 27. Дома по левой стороне находились ниже уровня дороги, и подъездные аллеи, что вели к ним, отлого уходили вниз. Дома справа стояли на возвышении, и подъездные аллеи тянулись вверх.

– Ну вот, мы на месте. Две минуты, – сказал Питерсон. Они остановились у дома № 27. Это было двухэтажное здание кремового цвета с четырьмя ложными колоннами по фасаду. Подъездную аллею недавно заново заасфальтировали, и дождевые капли поблескивали на ее гладком покрытии, словно шарики ртути.

– С девяностого года здесь живут уже вторые владельцы, – сообщила Эрика. Они постояли с минуту, оглядывая улицу в обе стороны. – Социально-реабилитационный центр, где жил Тревор Марксмен, находится неподалеку, – добавила она.

Они продолжили путь и через несколько минут дошли до того места, где дорога резко поворачивала влево. На противоположной стороне во впадине стоял большой трехэтажный особняк – желтый, как сливочное масло, с белыми оконными рамами и колоннами. На ухоженном газоне покачивался белый щит, и надпись на нем, сделанная большими черными буквами, сообщала, что теперь это Дом престарелых Суонн. Сверкающие окна, в которых отражалось серое небо, создавали впечатление, что дом смотрит на вас пустыми глазницами. Большой черный ворон – его оперение блестело так же, как буквы, – усевшись на щит, издал скорбное карканье.

Они повернулись, и их взорам открылась вся улица от начала до конца, волной убегаящая вдаль, туда, где на обочине стоял их автомобиль и топтались фоторепортеры. Высокие живые изгороди складывались в

длинные стены по обеим сторонам дороги.

– Представляю здесь Джессику: дом в двух шагах, а она все равно совсем одна. Возможно, она кричала. Кто-нибудь за этими толстыми изгородями слышал крики девочки, когда ее похищали? – размышляла Эрика.

– Зачем нужно было сбрасывать ее в воду буквально в миле от дома? А если это сделал кто-то из соседей? Дома вон какие огромные. Наверняка в каждом есть подвал.

– В материалах следствия я читала, что все дома на этой и близлежащих улицах обыскали. Никто из жильцов не возражал.

– Выходит, она просто исчезла, – подытожил Питерсон. Ворон снова закаркал, словно соглашаясь с ним. – Что теперь, босс?

– Думаю, пора нанести визит Аманде Бейкер, – ответила Эрика.

Они зашагали назад. Когда уже были у своей машины, на обочине рядом с ними остановился автомобиль патрульного, которого вызвала Эрика. Он опустил стекло, и Эрика с Питерсоном подошли к нему, чтобы дать указания.

* * *

Они не заметили, что среди журналистов затесался высокий темноволосый мужчина в длинной вощенной куртке. На шее у него висела фотокамера, но он, в отличие от других фоторепортеров, не проявлял интереса к дому Коллинзов. Он пристально наблюдал за Эрикой с Питерсоном, пытаясь предугадать их следующий шаг.

Глава 19

Аманда Бейкер жила в крайнем доме на жилой улице в Балэме на юго-западе Лондона. Маленький заросший палисадник был захламлен и запущен, на рамах подъемных окон облезала посеревшая краска. На улице было тихо. Только Эрика с Питерсоном припарковались, как начался дождь.

На дорожке валялась сломанная калитка, и им пришлось переступить через нее, чтобы пробраться к входной двери. Они позвонили в дом и стали ждать. Им никто не открывал. Эрика прошла к грязному окну на фасаде дома и заглянула в гостиную. Она с трудом различила в углу комнаты телевизор: показывали какое-то дневное шоу-аукцион. Внезапно перед ней возникла пара глаз с нависшими веками в обрамлении длинных седых прядей. Она отпрянула от неожиданности. Ладонью, утопавшей в длинном шерстяном рукаве, женщина погнала ее прочь.

– Здравствуйте. Аманда Бейкер? Я – старший инспектор Фостер. – Эрика быстро достала из куртки удостоверение и прижала его к стеклу. – Со мной мой коллега инспектор Питерсон. Мы хотели бы поговорить с вами о деле Джессики Коллинз.

Лицо приблизилось к стеклу, всматриваясь в ее удостоверение.

– Нет, извините. – Женщина задвинула шторы.

Эрика постучала в окно.

– Старший инспектор Бейкер. Мы пришли к вам за помощью. Нам очень важно знать, что вы думаете об этом деле.

Шторы чуть раздвинулись, снова появилось лицо.

– Покажите удостоверения, оба, – потребовала женщина.

Питерсон встал рядом с Эрикой и прижал к окну свое удостоверение. Аманда прищурилась, вглядываясь в него через мутное стекло. Губы ее обрамляли глубокие морщинки курильщицы.

– Пройдите к боковой калитке, – наконец произнесла она, и шторы снова задвинулись.

– А входная-то дверь чем ее не устраивает? – простонал Питерсон, выходя из-под козырька над крыльцом под проливной дождь.

Они торопливо пошли вдоль пораженного плесенью забора, огибавшего палисадник. В дальнем конце над забором взметнулась рука, и затем одна из панелей открылась во двор.

Бывший старший инспектор полиции Аманда Бейкер была крупной женщиной. Она встретила их в длинном неопрятном кардигане, надетом

поверх черной футболки, темных легинсах и толстых серых шерстяных носках, сунутых в черные кроксы. Лицо обрюзгшее, красное, с широким двойным подбородком. Сальные седые длинные волосы стянуты на затылке резинкой.

– Тридцать фунтов, – потребовала она, протягивая руку.

– Мы хотели бы поговорить с вами о деле, что вы вели, – сказала Эрика.

– А мне нужно тридцать фунтов, – повторила Аманда. – Расценки мне известны. Вы же платите за информацию проституткам и воришкам. А я много чего знаю про это дело. – Она подставила ладонь, пошевив пальцами.

– Вы же в прошлом офицер полиции, – укорил ее Питерсон.

Аманда оценивающе смерила его взглядом с ног до головы.

– Именно что в прошлом, лапочка. А теперь я просто старая кошелка, которой нечего терять.

Она попыталась закрывать калитку.

– Хорошо, – остановила ее Эрика, выставя вперед ладонь, и кивнула Питерсону.

Тот, закатив глаза, достал бумажник и дал Аманде десятку и двадцатку.

Она кивнула, сунула деньги в бюстгальтер и жестом велела им идти за ней по коротенькому узкому проходу, где было особенно промозгло и сыро. Они миновали окно ванной, в котором лениво вращался маленький вентилятор, выдувая вонь мочи в смеси с запахом чистящего средства для унитаза. Они вышли в заросший внутренний двор, где в углу громоздились мешки с мусором.

У задней двери Аманда вытерла кроксы о тонкий драный коврик, что рассмешило Эрику: судя по состоянию дома, ноги здесь следовало вытирать при выходе, а не на входе. Кухня, некогда довольно изысканная, заросла грязью и была завалена немытой посудой и переполненными пакетами с мусором. Возле дребезжащей стиральной машины, работавшей в режиме отжима, они увидели собачью постель, но самой собаки не было.

– Идите в переднюю комнату. Чаю хотите? – спросила Аманда скрипучим прокуреным голосом.

Эрика с Питерсоном взглянули на замызганную кухню и кивнули.

Они пошли по коридору, минуя крутую деревянную лестницу, ведущую на сумрачную площадку верхнего этажа. В прихожей у входной двери вздымались кипы газет в половину человеческого роста. Гостиная была забита мебелью, стены и потолок пожелтели от никотинового дыма.

– Вы действительно хотите пить ее чай? – прошипел Питерсон.

– Нет, но если это даст нам возможность подольше поговорить с ней... – шепотом ответила Эрика.

– За тридцать фунтов она должна уделить нам как минимум час... – начал Питерсон.

Его речь прервал стук в окно, и к запыленному стеклу прижалось чье-то лицо. Аманда, влетев в гостиную откуда-то сзади, торопливо подошла к окну и приподняла раму.

– Все путем, Том? – спросила она.

Чья-то рука передала ей несколько писем и затем две бутылки «Пино Гриджо». Эрика шагнула к окну и увидела почтальона. Аманда вытащила из бюстгальтера тридцать фунтов и отдала ему двадцатку. Насвистывая, он пошел из палисадника.

– Что? – с вызовом произнесла Аманда. – В Америке это называется службой доставки спиртного.

– Но не почтальоны же его доставляют, – заметил Питерсон.

– Выпьете бокал?

– Я на службе, – холодно отказался он.

– Тогда сделаю вам чай, – сказала она. – Присаживайтесь.

– Теперь понятно, зачем она потащила нас к боковой калитке, – пробурчал Питерсон, когда Аманда вышла из комнаты.

– Могли бы вести себя поприятнее, – отчитала его Эрика.

– Что? Может, мне напиться пьяным ее же вином, от почтальона?

Даже в такой ситуации Эрика рассмеялась.

– Нет. Просто высокомерия чуть-чуть поубавьте. Можно и полюбезничать малость – не повредит. Смотрите шире.

Питерсон убрал с дивана ворох газет и фантиков от шоколадных батончиков и сел. Обстановку гостиной составляли два продавленных дивана, обеденный стол и стулья. Одну стену занимал стеллаж с телевизором на одной из полок, остальные были забиты книгами и бумагами. В глаза Эрике бросилась висевшая на стене фотография в дешевой золоченой рамке с узором в виде косички. Потускневшая фотография, в нижней части, затронутой сыростью, и вовсе блеклая. Фотография молодой Аманды Бейкер в форме констебля полиции старого образца: плотные черные колготки, юбка, пиджак, форменный головной убор, из-под которого выглядывают черные блестящие волосы. Она позировала перед зданием полицейского училища в Хендоне. Рядом с ней стоял молодой полицейский с непокрытой головой – свою фуражку он держал под мышкой. Показывая удостоверения, они широко улыбались в объектив.

– Так и думала, что вы прямой наводкой направитесь к ней, – раздался голос Аманды. Шаркая, она внесла в гостиную поднос с дымящимися чашками и большим бокалом вина.

– Знакомое лицо. – Эрика взяла с подноса чашку и вновь обратила взгляд на фото.

– Констебль Гарет Оукли. В семидесятых мы вместе работали в Управлении уголовных расследований. Мы с Оукли тогда были в одном звании. Теперь он вам известен как помощник комиссара Оукли в отставке.

– Женщина в Управлении уголовных расследований в семидесятых... Интересно, наверно, было?

Аманда в ответ лишь вскинула брови.

– Да, похож на Оукли. Волос, правда, меньше, чем теперь. Сколько ему здесь? – спросила Эрика, всматриваясь в его лысеющую голову.

– Двадцать три, – хмыкнула Аманда. – Парик он начал носить, когда его повысили до старшего инспектора.

– Так это помощник комиссара Оукли? – спохватился Питерсон.

– Мы вместе учились в Хендоне, выпустились в семьдесят восьмом. – Аманда грузно, неуклюже уселась в большое кресло у окна. Эрика устроилась рядом с Питерсоном.

– Оукли только что вышел на пенсию, с огромным выходным пособием, – произнес он. Какое-то время они сидели молча, пока не затихло эхо его слов.

– Что ж, – заговорила Эрика. – Мы пришли к вам с неофициальным визитом, чтобы расспросить про дело Джессики Коллинз. Расследование поручили вести мне.

– Кому ж вы так насолили? – Мрачно усмехнувшись, Аманда отпила из бокала большой глоток вина и вытащила из кармана кардигана пачку сигарет. – Это отравленная чаша. Я всегда думала, что ее утопили в карьере... хотя мы дважды обыскивали его и ничего не нашли... – Она закурила и глубоко затянулась сигаретой. – Значит, либо ее где-то держали, либо перевезли тело позднее. Теперь вам придется это выяснять, да?

– Вы были уверены, что ее похитил Тревор Марксмэн?

– Да, – кивнула Аманда, выдержав взгляд Эрики. – И он за это погорел. И знаете что? Я бы опять это сделала.

– То есть вы открыто признаете, что наняли людей, дабы те подсунули ему в дверь бутылку с зажигательной смесью?

– А вам никогда не хотелось свершить правосудие своими руками?

– Нет.

– Не лгите, Эрика. Я читала о вас. Ваш муж погиб от рук

наркоторговца, вместе с ним еще четверо ваших коллег, а сами вы были тяжело ранены. Не хотелось бы вам на часок оказаться с ним в одной комнате, только вы и он, вдвоем, а в руке у вас бейсбольная бита, утыканная гвоздями? – Не отводя взгляда от Эрики, Аманда стряхнула пепел в большую переполненную окурками пепельницу, что стояла на столе подле нее.

– Да, хотелось бы, – призналась Эрика.

– Ну вот видите.

– Но я бы никогда на это не пошла. Наша обязанность как сотрудников полиции – стоять на страже закона, а не совершать правосудие. У вас был роман с Мартином Коллинзом?

– Да. Между ним и Марианной все было кончено; это произошло через полтора года после исчезновения Джессики. Мы сблизились. Об этом я сожалею больше, чем о Марксмэне, но я влюбилась.

– А он вас любил? – спросил Питерсон.

Аманда пожала плечами и снова глотнула из бокала вина.

– Я часто думаю: это – единственное по-настоящему хорошее, что я сделала для той семьи. Я не смогла вернуть им дочь. Но я заставила Мартина отвлечься от горя, по крайней мере, когда он был со мной.

– Теперь, когда мы нашли останки Джессики, вы по-прежнему считаете, что преступление совершил Тревор Марксмэн? – спросила Эрика.

Аманда снова затянулась сигаретой.

– Я всегда считала, если что-то столь очевидно, значит, так оно и есть... У него был сообщник, и, думаю, похитив девочку, он где-то ее спрятал.

– Вы взяли его под наблюдение? – осведомился Питерсон.

– Да, но только через неделю после ее исчезновения... Тогда я считала, что это сделал он.

– Я заглядывала в ваше досье... – начала Эрика.

– В самом деле? – Щурясь, Аманда смотрела на нее сквозь дым.

– После дела Джессики вас перевели в отдел по борьбе с наркотиками, а потом обвинили в торговле кокаином.

– Я была чертовски хорошим полицейским. Проторила тропу для таких женщин, как вы. А вас двадцать лет назад считали бы типичным уличным негром, зато теперь вы слугитель закона, пользуетесь уважением. Вы забываете, кто отвоевал для вас место в полиции.

– Выходит, все это благодаря вам? Вы – Роза Паркс^[14] Столичной полиции? – съязвил Питерсон. Возникло неловкое молчание. Эрика бросила на него предостерегающий взгляд.

– Мы здесь лишь для того, чтобы узнать вашу версию событий, – сказала она.

– Мою версию?

– Да. Как вам работалось по этому делу, ваш взгляд изнутри. У меня только горы архивных материалов, и я барахтаюсь в них, как слепая.

– В Управлении уголовных расследований, – не сразу ответила Аманда, закулив очередную сигарету, – я была единственной женщиной, и все дела об изнасилованиях поручали вести мне. Я возилась с пострадавшими, нянчилась с ними, собирала вещественные доказательства. Я никогда не игнорировала их звонки, оказывала им поддержку все те месяцы ожидания, пока подонки, надругавшиеся над ними, находились под следствием. Потом каждую держала за руку во время суда. А мне никто не помогал. Мои так называемые коллеги, имевшие обыкновение пораньше сваливать с работы в пабы и требовать бесплатных секс-услуг от тружениц панели, получали повышение. А потом, когда меня поставили во главе следствия по делу Джессики Коллинз, мне дали понять, что я слишком высоко прыгнула, забыла свое место.

– Сочувствую, – сказала Эрика.

– Не стоит. А вот судить меня не надо. Просто наступает такой момент, когда понимаешь, что, играя по правилам, ты ничего не добьешься... – Тлеющим окурком в руке она показала на фото, что висело на стене. – Вон Оукли, полный идиот, а до помощника комиссара поднялся. – Она тщательно затушила окуроч в переполненной пепельнице. – В прежние дни мы с ним часто вместе ходили в патруль. Как-то в три часа ночи патрулировали Кэтфорд-Хай-стрит, и в одном из переулков на нас парень один пошел с ножом. Обкурился или обпился чего-то, был не в себе... Он схватил Оукли и приставил ему к горлу нож, так тот обоссрался. В самом прямом смысле слова: нагадил в штаны. Так у парня с ножом... он и без того был взвинчен и на рогах... от вонищи этой и вовсе крышу снесло, и он деру дал. Оукли спасло его собственное дерьмо. По иронии судьбы через много лет его наградят орденом Британской империи за доблестное искоренение преступлений, связанных с поножовщиной... В тот вечер я помогла ему – привела его в порядок и потом язык держала за зубами. В ту пору мы были неразлейвода. А спустя годы, когда у меня начались неприятности на службе, а он уже ходил в старших суперинтендантах, он все пофигил. Предал меня!

Трясаясь от гнева, Аманда закурила очередную сигарету. Какое-то время они сидели в молчании. Громко тикали часы, мимо по улице пронеслась машина, небо, казалось, потемнело еще больше. Эрика глянула

на Питерсона, намекая, что им пора уходить.

– Да, вот еще что. – Аманда потеряла лицо. – Тело вы нашли в Хейзском карьере. Мы этот карьер дважды обследовали – в августе и в конце сентября девяностого, и, конечно, ничего не нашли. Там неподалеку стояла лачуга, в ней жил один старик, самовольно поселился. Домик был маленький, с погребом. У него мы, естественно, тоже ничего не нашли. А через несколько месяцев этот старик повесился.

– И что? – спросила Эрика.

– Не знаю. Если Тревор Марксмен действовал не один, возможно, это и был его сообщник.

– Как звали его, помните?

– Старый Боб – так он себя называл. С головой у него было не все в порядке, но признаков агрессии он не проявлял. За пару лет до этого закрыли одну из местных психиатрических лечебниц, и его вышвырнули на улицу. На вид такой малость блаженный, глуповатый старикашка. А потом вдруг взял, выпил яду и повесился. Меня это насторожило.

– Так он еще и отравился? – уточнила Эрика.

– Да.

Зазвонил телефон Эрики. Она извинилась, ответила и стала о чем-то говорить.

– Может быть, я все-таки угощу вас бокалом вина? Или пивом? – предложила Аманда, с прищуром глядя на Питерсона сквозь сигаретный дым.

– Нет, я на службе, – отказался он.

– И вы не хотите *выкачать из меня* больше информации? – спросила Аманда, якобы в изумлении выпучив глаза.

Питерсон обрадовался, когда Эрика положила трубку.

– Звонил Крофорд, – сообщила она.

– Крофорд? Констебль? – оживилась Аманда.

– Да. Он ведь работал с вами по этому делу в девяностом, так?

– Ну да. Жуткий зануда. Любит напрашиваться на похвалу, а сам ни черта не делает, чтобы ее заслужить. Только изображает активную деятельность...

– Что ж, спасибо за информацию. Мы больше не станем отнимать у вас время, – сказала Эрика. – Вы не возражаете, если я еще загляну к вам как-нибудь? Мы сейчас изучаем материалы следствия, и, возможно, мне придется что-то у вас уточнить или прояснить. Если у вас будет время.

– Обращайтесь. Всегда к вашим услугам, – ответила Аманда, стряхивая пепел. При этом она смотрела на Питерсона.

* * *

– Ну, что скажете? – спросила Эрика, когда они сели в машину. – Домик у карьера – перспективная зацепка. Дает нам еще одного подозреваемого. И это не Тревор Марксмен.

– Но ведь его нет в живых, босс.

Они оба задумались.

– Если честно, – добавил Питерсон, – мне хочется принять душ. Сексуальные домогательства в чистом виде.

– Ужасно, да? Зато приобрели полезный опыт. Теперь вы знаете, что значит быть женщиной, – рассудила Эрика.

– А что Крофорд? – спросил Питерсон. Эрика завела мотор.

– Коллинзам разрешено увидеть останки Джессики.

– Думаете, стоит им показывать? Это же просто...

– Скелет, да. Но они имеют право. И Марианна настаивала, чтобы ей показали дочь.

Эрика тронула машину с места, и они покатили прочь от дома Аманды.

* * *

На той же улице, на удалении сотни ярдов, в ряду машин, припаркованных вдоль тротуара, стоял синий автомобиль. За рулем сидел темноволосый мужчина. Он следовал за Эрикой и Питерсоном от дома Коллинзов, стараясь, чтобы его не заметили, и теперь наблюдал, как они уезжают.

Из длинной воценой куртки мужчина достал телефон и кому-то позвонил.

– Это Джерри, – назвался он, разговаривая с едва уловимым ирландским акцентом. – Офицер, что командует парадом, старший инспектор Фостер, только что вышла из дома Аманды Бейкер. С ней чернокожий полицейский, имени его не знаю.

Голос на другом конце линии стал что-то ему говорить. Он послушал, потом перебил:

– Остынь, ладно? Мы ведь предполагали, что она навестит Аманду... Все зависит от того, насколько стухли ее мозги от спиртного и наркотиков. Не исключено, что она еще способна соображать, тем более что тело

нашли. А эта баба, Фостер, хороша, настоящий профи. – Он закатил глаза. – Послушай, я могу ездить за ними целую неделю, но этого мало: нужно слушать телефоны, иметь доступ к электронке... Нужны глаза изнутри... Ладно, я буду сидеть и ждать. Только имей в виду, время поджидает, во многих отношениях. Главное, помни это.

Джерри повесил трубку. Из дома, на уровне которого он припарковался, вышла симпатичная молодая блондинка. Она толкала перед собой коляску с малышом. Несмотря на дождь, одета она была в облегающие легинсы, и между полами незастегнутой куртки виднелся топ с низким вырезом. Джерри смерил взглядом женщину и подмигнул ей. Она застенчиво улыбнулась в ответ.

Он завел машину и поехал.

Глава 20

Тем же вечером, некоторое время спустя, Эрика и Мосс стояли в конце небольшого помещения в пенджском морге, где обычно проводилось опознание. Перед зашторенной стеклянной панелью застыли в ожидании Марианна Коллинз, Лора, Мартин и Тоби.

На свидание с останками дочери и сестры они пришли нарядными, все в черном; единственным цветовым пятном была красная роза в руке Марианны. Мосс, хмурясь, посмотрела на Эрику. Секунды текли нестерпимо медленно; им сказали, что останки подготовлены к показу. В комнате стояла тишина, лишь из-за стекла доносилось тихое жужжание ярких ламп. Только Эрика собралась нарушить молчание, штора медленно поползла в сторону. На мгновение она зацепилась обо что-то на карнизе, а потом отодвинулась, открыв их взорам скелет Джессики Коллинз.

Марианна всхлипнула и вплотную подступила к стеклу, прижавшись к нему всем телом. Скелет Джессики, идеально собранный от первой до последней косточки, лежал на синей простыне. Айзек объяснил Эрике, что синий фон предпочтительнее. На белом было бы слишком заметно, что кости изменили цвет.

– Здравствуй, дорогая. Мы с тобой. Теперь мы позаботимся о тебе, – произнесла Марианна, прижимая ладонь к стеклу. – Здесь и папа, и Тоби, и Лора, и я, твоя мама. – Она повернулась к Мартину. – Я узнаю ее, это она. Смотри, Мартин, смотри, это ее волосы. Волосы моей малышки.

Айзек устроил так, что маленький череп покоился на плоской белой подушке и тонкая прядь жестких волос падала на стол. Сам скелет, сложенный из отдельных костей, производил впечатление целостности, так что казалось, будто Джессика лежит тихо и безмятежно.

Лора, разрыдавшись, выбежала из комнаты. Тоби с Мартином проводили ее взглядами, затем встали у окна рядом с Марианной. Та теперь шептала молитву, своим дыханием оставляя след на стекле. Эрика кивком велела Мосс оставаться с Коллинзами и вышла следом за Лорой.

Муж Лоры, Тодд, ждал в коридоре с двумя маленькими сынишками, сидя на одном из стульев. Приятный мужчина с темными волосами и мягкими карими глазами. Лора, опустившись на корточки спиной к Эрике, обнимала малышей, одной рукой обхватив одного, второй – другого. Плача, она целовала их и приговаривала:

– Вам ничто не грозит. Вы мои. Я не позволю, чтобы с вами что-то

случилось. Обещаю. – Мальчики под натиском материнской любви растерянно таращились на Эрику.

Возлюбленный Тоби, Танвир, вернулся со стаканчиками кофе, которые он купил в торговом автомате, и один дал Тодду. Тот поблагодарил его улыбкой.

– Я никогда не выпущу вас из виду. Вы – мои сокровища, – бормотала Лора, крепче прижимая к себе сыновей.

– Лора. – Тодд наклонился, требуя, чтобы она отпустила малышей. – Осторожней. Напугаешь ведь их.

По его акценту Эрика поняла, что он американец. Лора выпустила сыновей из своих объятий и заметила в коридоре Эрику.

– Мама, а что в той комнате? – спросил один из мальчиков. Эрика увидела, что они двойняшки.

– Полиция нашла Джессику, ее оста...

– Лора, без лишних деталей, – перебил жену Тодд. – Мы же договорились.

– Без лишних деталей? Тодд. Без *деталей*? Джессика – не набор деталей! Мы не можем просто взять и стереть ее из жизни! – вскричала Лора, выпрямляясь.

– Милая, я же не об этом. – Тодд встал и заключил Лору в объятия. Она уткнулась лицом в его грудь и завывала. Мальчики испуганно глазели на Эрику.

Она опустилась на корточки перед ними и улыбнулась.

– Привет. Я – Эрика. А вас как зовут?

– Томас и Майкл, – ответил один из них. – Я – Томас, а это Майкл. Он стеснительный. – Они оба важно кивнули, а потом посмотрели на отца. На обоих были одинаковые синие джинсы и зеленые джемпера.

– Не бойтесь, мальчики. Мама очень расстроена, но у нас все хорошо, – успокоил детей Тодд, поглаживая Лору по затылку.

– Ребятки, вы любите шоколад? За углом есть торговый автомат, – сказала Эрика. Тодд поблагодарил ее кивком из-за спины жены.

– Да, я видел этот автомат. Там столько вкусного шоколада, – поддержал Эрику Танвир.

Они пошли по узкому коридору и завернули за угол. Там тоже стояли стулья и еще – торговый автомат. Близнецы подскочили к нему и стали выбирать шоколадки.

– Я буду «Марс». Это номер «В4», – сказал Томас.

– Я тоже, – вторил брату Майкл.

Танвир опустил монетки в автомат и нажал нужные кнопки.

– Не самое лучшее время для знакомства с родней возлюбленного, – проронил он.

– Вы прежде не встречались с семьей Тоби?

– В Испании я познакомился с Лорой, Мартином, Келли и их детьми...

– Келли – любовница Мартина?

– Да... Она очень хорошая. Они хотели бы пожениться, но Марианна... вы же ее видели. Ревностная католичка.

– Позвольте спросить, что Тоби рассказывал вам про Джессику?

Танвир нагнулся, забирая батончики из нижнего отсека торгового автомата, и по одной шоколадке дал детям.

– Его мучает чувство вины.

– Так ему же было всего четыре года, когда она пропала?

– Ему стыдно, что он ее почти не помнит. Зато прекрасно помнит ссоры между Лорой и матерью. Безобразные скандалы, порой с применением насилия.

– Кто применял насилие?

– Да обе. Видели кухню у них в доме?

– Мельком.

– Там в глубине есть кладовка. Раньше она была оборудована холодильной установкой и служила большим таким холодильником. Тоби говорит, что однажды вечером он спустился вниз, чтобы воды попить, и услышал шум, исходящий из холодильника. Открыл его и увидел Лору. Ее там заперла Марианна.

– Это точно?

Танвир пожал плечами.

– Он разоткровенничался со мной однажды вечером, примерно год назад. Мы немного выпили, и он стал рассказывать мне о своих родителях.

– А с отцом у него хорошие отношения?

– Да. Очень. Глядя на Мартина, даже не скажешь. На вид ведь ярый гомофоб, футбольный фанат, а ко мне хорошо относится, и к Тоби тоже. И подружка у него замечательная.

– Почему вы мне это рассказываете? – спросила Эрика.

– Сам не знаю. Наверно, меня достало, что Марианна, в силу своих религиозных воззрений, считает мой – *наш* – образ жизни низменным. Мнит себя высшим существом в сравнении с нами.

– Она когда-нибудь была жестока с Тоби?

– Что вы, нет! Он был – и остается – ее сыночком...

– В чем дело? – раздался чей-то голос. Тоби, появившись из-за угла, наблюдал за Танвиром и Эрикой. Мальчики теперь сидели на скамейке чуть

дальше по коридору и, пачкаясь в шоколаде, ели свои батончики.

– Старший инспектор Фостер спрашивала про твою маму – как она это переживет. Полиция беспокоится, что у нее может случиться нервный срыв.

Эрику поразило, что Танвир солгал, но она, не выдавая своего удивления, подыграла ему:

– Существуют группы поддержки. Я могу дать координаты.

– У мамы есть церковь; ничего другого ей не нужно... Тан, пойдем посмотришь на Джессику? Прошу тебя.

– Ладно. А как же твоя мама?

– Джессика – наша общая утрата, не только ее одной, – ответил Тоби.

Они ушли, но за мальчиками вернулись Тодд с Лорой, глаза у нее были вспухшие и красные.

Чем больше я копаюсь в этом деле, тем больше появляется секретов, – подумала Эрика.

Глава 21

Час был поздний, но Аманде Бейкер не спалось. Она сидела в кресле с ручкой и блокнотом формата А4. После визита следователей она снова задумалась о деле Джессики Коллинз – не обиду свою пережевывая, а решая, как распутать преступление. Начала она с записывания всего, что могла вспомнить, и уже исписала половину блокнота. Телевизор работал, но без звука. Впервые за много лет Аманда чувствовала себя живой и целеустремленной. Она вспомнила почти абсолютно все, что происходило в ту пору, когда она вела дело. Куда труднее вспоминались события последних пятнадцати лет, которые прошли в тумане алкогольных паров, а зачастую и наркотического опьянения. А сейчас она даже на вино не насадала, отметила Аманда, когда, подняв голову от блокнота, увидела, что пьет пока лишь только третий бокал.

В окно гостиной постучали. Она сняла очки и неловко поднялась с кресла. Подойдя к окну, Аманда отодвинула штору и увидела за стеклом знакомое лицо. Щурясь от света, льющегося из гостиной, на нее смотрел Крофорд.

– Я получил твое голосовое сообщение, – сказал он.

– Дерьмово выглядишь, – ответила она с усмешкой.

– На себя посмотри.

Аманда сипло рассмеялась и протянула ему руку.

– Залезай. Входная дверь завалена.

Крофорд взялся за ее руку, багровея от напряжения, забрался на карниз и протиснулся в окно. С минуту он стоял на середине гостиной, силясь отдышаться.

– Давненько не виделись, – произнес он. – Сто лет прошло с тех пор, как мы...

Аманда кивнула в знак согласия. Свет падал на его макушку, к которой, она заметила, липли, словно волокна сахарной ваты, скудные остатки рыжеватых волос.

– Выпить хочешь? – предложила Аманда.

– Да, не откажусь. Адский был денек. – Крофорд нервно потер лицо.

Аманда вышла из гостиной и вскоре вернулась с бутылкой и еще одним бокалом.

– Запустила ты свой дом, – заметил он, беря бокал.

– А ты себя запустил, – парировала Аманда. Чокнувшись с ним, она

одним глотком осушила свой бокал. Он согласно кивнул и тоже выпил вино до дна. Она забрала у него бокал и вместе со своим поставила на маленький журнальный столик у кресла, затем повернулась и остановила на нем взгляд.

– Жена от меня ушла, – сообщил он.

– Сочувствую.

– Детей забрала. Дом...

– Тсс, не порти настроение. – Шагнув к нему, Аманда приложила палец к его губам. Затем наполовину стянула куртку с Крофорда, так что его руки оказались прижатыми к бокам. Он смотрел на нее, разинув рот от вожделения. Она провела ладонями по его выпирающему животу и расстегнула на нем ремень.

– О, – выдохнул Крофорд. Аманда расстегнула молнию на его брюках и сунула руку ему в трусы. Он закрыл глаза и содрогнулся. – О, Аманда...

Она стянула с него трусы и толкнула его на диван.

– Сиди и молчи. – Аманда опустилась на колени между его ног.

Крофорд запрокинул назад голову и прерывисто задышал. В считанные минуты все было кончено. Аманда с трудом поднялась с ковра и взяла со стола сигареты.

– Кайф, то что нужно. А ты молодец, не утратила сноровки. Отсасываешь лучше всех, – сказал Крофорд, натягивая трусы и брюки. – Вино еще есть?

– Конечно. – Аманда взяла бутылку, наполнила его бокал.

Удовлетворенный, он забрал у нее вино, отпил большой глоток.

– Говорят, ты занимаешься делом Коллинзов, – произнесла Аманда, закуривая сигарету.

– Видать, за грехи мои. – Крофорд повел глазами, вновь прикладываясь к бокалу. – А мне у тебя нравится, Аманда. Я прям душой отдыхаю. Моя жена... она повернута на чистоте и порядке.

– Ну и как продвигается расследование? – спросила Аманда.

– Ты же знаешь, с тобой я это обсуждать не могу, – рассмеялся Крофорд.

Аманда сделала очередную затяжку.

– Еще как можешь.

Крофорд выпрямился на стуле.

– Постой, так ты пригласила меня для...

– Для чего? Чтобы потрахаться по-стариковски? И для этого тоже.

– Поверить не могу. – Он со стуком поставил бокал на стол, поднялся и схватил с пола куртку.

– Я просто хочу знать, как продвигается расследование по делу Коллинзов. Только и всего, Крофорд.

– И когда только я поумнею? Ну и стерва же ты коварная.

– Ну вот, теперь я стала стервой, а минуту назад была «лучше всех».

– Угу, я малость прозрел.

– Ну да, у тебя после оргазма мозги прочистились. А как же я, Крофорд?

– А что ты?

– Я все еще не получила удовлетворения. Во многих смыслах.

Крофорд шагнул к окну, но Аманда, сложив на груди руки, преградила ему дорогу.

– Не спеши. Ты забываешь, что мне известны твои маленькие секреты...

– Наши общие секреты, Аманда. Ты тоже занималась сбытом дури, что мы экспроприировали на улице, – прошипел он.

Аманда равнодушно пожала плечами.

– Но когда нечего терять, это неважно. Я, конечно, говорю про себя. У тебя же маячит развод; с того времени, когда ушла жена, твои расходы возросли: надо платить алименты, снимать квартиру. К тому же придется договариваться по поводу опеки над детьми. Тебе твоя работа *нужна*.

– Чего ты хочешь? – Багровея, он сжал кулаки.

– Я же сказала. Мне нужно одно: чтобы ты информировал меня о ходе следствия... Если понадобятся копии материалов – добудешь.

Крофорд с минуту смотрел на нее с ненавистью во взгляде.

– Ладно. Договорились. Теперь все?

– Не совсем. Я должна быть удовлетворена тем, что мы заключили соглашение.

– Я же пообещал.

– Я сказала «удовлетворена», – повторила Аманда. Она стянула с себя легинсы до самых лодыжек.

– Ты же знаешь, мне это не нравится, – сказал Крофорд, глядя на ее голый низ. На белое тело. Темные волосы внизу.

– Порой приходится делать то, что не нравится, Крофорд. Иначе не выживешь, – заметила она, силком заставляя его опуститься на колени. – Приступай.

Глава 22

Гость Аманды Бейкер покинул ее дом уже поздно ночью. Из своего автомобиля Джерри наблюдал, как Крофорд неуклюже вывалился из фасадного окна, с понурым видом доплелся до своей машины и уехал.

Он подождал еще немного и затем приблизился к дому. Луну заслонило плотное облако, а ближний уличный фонарь был разбит, и потому дом окутывала темнота.

Неслышно ступая по дорожке палисадника, Джерри пробрался к фасадному окну и заглянул в комнату. Аманда развалилась в кресле, ее голова явно неудобно прислонялась к его спинке. Она спала. В углу работал телевизор, показывали документальный фильм о природе. Просторы океана бороздили гигантские скаты под аккомпанемент размеренного авторитетного голоса рассказчика.

Джерри взялся за нижний край рамы подъемного окна, надавил на нее. Окно не было заперто. Оно легко поддалось, поехав вверх. Он занес ногу на карниз и скользнул в дом. Закрыл за собой окно, задвинул шторы.

Теперь он стоял над Амандой, глядя на ее обмякшее во сне лицо, на поблескивающую слюну, вытекающую из уголка ее рта. Рядом на ковре валялись две порожние бутылки вина. Она зашевелилась в кресле, шлепая губами. Он потянулся к стоявшей подле нее тяжелой пепельнице, приготовившись ударить ее по голове, но она снова ритмично захрапела.

Вариантов было два: спрятать в комнате маленькое подслушивающее устройство, работающее на батарееке, или найти скрытую розетку для крошечного «жучка» с SIM-картой, представляющего собой крошечный черный коробок. Джерри оглядел стеллаж, ломившийся от книг и бумаг: розетки за ним наверняка есть, но до них не доберешься. Комната провоняла дымом, однако на потолке он заметил на вид недействующий датчик дыма. Он встал на диван, дотянулся до пластикового корпуса датчика и быстро вмонтировал в него маленький «жучок», который реагировал на голос и имел батарейку, обеспечивающую ему работу в течение нескольких дней.

Сойдя с дивана, Джерри прошел в переднюю, где на столе стоял стационарный телефон со светящейся в темноте красной лампочкой. Только он собрался снять с рычага трубку, как заскрипели половицы. Джерри замер, а потом быстро нырнул в дверь напротив перил, оказавшись в комнате, забитой ненужным хламом.

Тяжелой поступью Аманда проковыляла мимо него в кухню. Зажегся свет, из крана полилась вода, зашуршали блистеры с таблетками. Щелчок выключателя, свет погас. Аманда прошлепала мимо, на этот раз к лестнице, и стала медленно взбираться наверх.

Джерри вышел из своего укрытия и, не теряя ни секунды, быстро разобрал телефонную трубку и вставил в нее миниатюрное подслушивающее устройство.

Заслышав скрип матрасных пружин, он остановился в коридоре. Глаза уже привыкли к темноте. У него возникла мысль подняться на верхний этаж и позабавиться с Амандой, ведь она в таком состоянии, что и не почувствует ничего. Нет, надо сохранять хладнокровие, урезонил он себя. Как-нибудь потом позабавится. Он осторожно прошел мимо подножия лестницы, увидев, что она слишком круто уходит вверх.

Джерри отметил это про себя и затем покинул дом через фасадное окно, растворившись в темноте.

Глава 23

Утро следующего дня выдалось ясным и серым, но очень холодным. Эрика с Питерсоном припарковались на небольшой гравийной площадке у въезда в парк Хейз со стороны Кройдон-роуд. Застегнувшись на все пуговицы, они выбрались из машины и зашагали по гравийной тропинке, которая резко уходила влево, огибая ряд деревьев, и затем поворачивала направо. Теперь парковка, дома и дорога были скрыты от них за деревьями, а перед ними простирались холмистые общинные земли.

– Боже мой, два шага, и ты уже как будто у черта на рогах, – произнес Питерсон.

– Шум от дороги заглушают деревья, – заметила Эрика, обратив внимание на неестественную тишину. С хрустом ступая по гравию, они шли мимо высоких голых деревьев, с обеих сторон обступавших тропинку, причем стояли они так плотно, что в густую чащу даже свет не проникал.

– Здесь так и кажется, что за нами из темного бора следят красные глаза, – добавил Питерсон, – как в сказке «Ветер в ивах».

Солнце еще не взошло над деревьями, и потому роса, лежащая на траве и вереске, не успела испариться. Навстречу им плыли клочья тумана, низко стелившегося над землей.

– Что, если Джессику несли этим же путем? – задалась вопросом Эрика. Они задумались об этом, ступая по гравию, скрипевшему под их ногами.

– Она была уже завернута в целлофан? Или ее завернули у воды?

– Въезд с Кройдон-роуд, где мы припарковались, ближайший к карьору, а идем мы... – Эрика глянула на часы. – Пять минут.

– Может, это был не один человек, – рассудительно предположил Питерсон, в задумчивости глубоко сунув руки в карманы.

Деревья, казалось, расступались; гравийная тропинка, плавно изгибаясь, вывела их к карьору, который находился чуть ниже под ними. На неподвижной глади воды, укрытой туманной дымкой, отражалось серое небо. Не доходя ста ярдов до края воды, тропинка обрывалась, и дальше к каменистому берегу карьера они пошли по мягкому неровному мшистому покрытию. Эрике казалось, что миновало куда больше, чем неделя, с тех пор, как она была здесь с командой водолазов.

– Тому, кто ее утопил, требовалась лодка, – произнесла она. – Джессику нашли примерно ярдах в ста от берега.

Питерсон подобрал с земли камешек и, присев, пустил его по воде.

– Шесть. Неплохо, – похвалила его Эрика, вместе с ним наблюдая, как по воде расходятся круги.

– Невозможно забросить тело ребенка так далеко от берега, – заключил Питерсон.

Они двинулись вдоль берега, шагая в ногу. Столь же согласны были и их мысли. Тропинка, огибавшая карьер, местами сильно сужалась, а в промежутках им попадались каменистые выступы, через которые приходилось перелезать, и небольшие искривленные деревья со свешивающимися в воду ветвями, под которые приходилось подлезать.

– Что-то не вижу я той лачуги, – сказала Эрика, доставая карту.

– За двадцать шесть лет деревья выросли и... – начал Питерсон.

– Подожди-ка, – перебила его Эрика. Они как раз поравнялись с густыми зарослями куманики и камышей. – По-моему, вон там торчит крыша, да? – Она показала на уголок красной черепицы, проглядывавшей сквозь кусты куманики и высохших плетей вьюнка.

Они приблизились к зарослям, которые мало того что кололись и местами представлялись непролазными, так еще и были скользкими от росы. Теперь, когда они подошли ближе, Эрика увидела разбитое стекло, поблескивавшее в неярком свете. Они стали пробираться к лачуге, но не так-то просто было продрасться через метровые кусты куманики, деревья и густой подлесок, которые казались непроходимыми.

– Черт, босс, нам бы лучше подготовиться для этого: взять людей побольше, рукавицы. – Питерсон поморщился, вытаскивая большую колючку из подушечки большого пальца.

– Вы правы: все это нужно вырубить, – согласилась Эрика, глядя на клинышек крыши лачуги, выглядывавшей из-за зарослей.

Отряхиваясь на ходу, они выбрались из подлеска. К ним подбежал палевый лабрадор с мокрым теннисным мячиком в зубах. Пес сел и положил лапу на свою игрушку.

Эрика взяла мячик и швырнула его к дальним деревьям. Собака радостно помчалась за ним и принесла его назад. Какая-то женщина, появившись из леса, неторопливо направилась к ним по кромке берега.

– Местная старая кумушка. Неплохо бы с ней поговорить, – сказал Питерсон.

– На вид несколько эксцентричная, – заметила Эрика, когда женщина подошла ближе.

Та была одета в растянутый старый зеленый спортивный костюм, трикотажную шапку плотной вязки с эмблемой футбольного клуба

«Челси», из-под которой торчали длинные седые волосы, и шарф с эмблемой «Манчестер Юнайтед».

Эрика еще пару раз бросила мячик, который собака неизменно приносила назад. Женщина приблизилась, и они увидели, что на ней фиолетовые кроссовки; на одном подошва наполовину оторвалась и шлепала при каждом ее шаге. Она несла потрепанную хозяйственную сумку, набитую съедобными каштанами. Лицо у нее было обветренное, изборозженное глубокими морщинами; правый уголок рта украшал уродливый шрам некогда плохо зашитой раны, который стягивал губу, отчего создавалось впечатление, что к ее лицу прилипла маска злобного оскала.

– Серж, к ноге! – повелительно окликнула женщина лабрадора. – Он вас беспокоит? – Речь у нее была культурная, аристократическая, но она немного шепелявила. Пес подбежал к хозяйке, пытливо рассматривавшей Эрику с Питерсоном.

– Нет, что вы, у вас чудесная собака. Здравствуйте. Я – старший инспектор Фостер, – представилась Эрика, показывая свое удостоверение. – А это инспектор Питерсон.

– *Подбирать* каштаны законом не запрещено, – ошетинилась женщина. – Какого черта вы сюда явились?

– Мы не... – начала Эрика.

– Тут человек один ежевику с кустов собирал, так тоже полицию вызвали, будь она неладна. Слышали об этом? Да что же это такое?! Ягоды – плоды Господа, и Он позволяет им расти на земле нам на пропитание.

– Мы здесь не по поводу каштанов и прочих плодов, которые вы могли бы собирать, – успокоила ее Эрика.

– *Ничего не могла бы. Я собираю. И собрала. Вот, смотрите!* – Женщина распахнула сумку, в которой были утрамбованы блестящие коричневые каштаны.

– Мы расследуем гибель Джессики Коллинз, – объяснила Эрика. – Видели, наверно, в новостях, что в здешнем карьере были найдены ее останки?

– У меня нет телевизора, – отвечала женщина. – А вот «Радио-4» я слушаю. И новость эту слышала. Безобразие. Вы вот там ее нашли, – добавила она, кивком показав в сторону карьера.

– Да. Вы давно живете в этой местности?

– Я живу здесь всю жизнь: восемьдесят четыре года.

– Мои поздравления, – сказал Питерсон, но в ответ заслужил лишь злобный взгляд.

– Что вы можете рассказать про тот домик в зарослях? – спросила Эрика.

Прищурившись, отчего ее лицо еще больше сморщилось, женщина устремила взгляд мимо Эрики.

– Во время Второй мировой там размещалась авиабаза: казарма, склад. Засекреченная. Думаю, после войны там кто-то еще оставался, а потом домик опустел и пустовал долгие годы... Старый Боб там долго жил, неофициально. Хотя, пожалуй, не очень долго: не успел получить на него права собственности по приобретательной давности^[15].

Эрика с Питерсоном переглянулись.

– Вам известно, где он теперь? – спросила Эрика, стараясь выудить как можно больше информации.

– Несколько лет назад. Его нашли там. Мертвым. – Старушка качнула головой в сторону лачуги.

– Вы знаете, как его звали?

– Я же сказала: Старый Боб.

– По паспорту?

– Боб Дженнингс.

– А вас как зовут? – осведомилась Эрика.

– На кой ляд вам сдалось мое имя? Я и так отвечаю на ваши вопросы.

– Очень мало свидетелей гибели Джессики Коллинз, если таковые вообще есть. Ей было всего семь лет, когда ее утопили. Ее тело, завернутое в полиэтилен, утяжеленное грузом, пролежало на дне двадцать шесть лет. Мы даже не знаем, была ли она еще жива, когда ее бросили в воду...

Старушка оторопела.

– Бедное дитя...

Питерсон, шагнув вперед, обаятельно улыбнулся женщине.

– Возможно, у нас возникнут еще вопросы, мэм. Вы хорошо знаете здешний район, и в расследовании ваши обширные познания нам очень быгодились.

Она посмотрела на него внимательно и спросила у Эрики:

– Он со мной флиртует?

– Ну что вы, вовсе нет, – смутился Питерсон.

– Надеюсь, что нет, молодой человек! Или вам в полиции больше заняться нечем?

– Уверяю вас, – поспешила вмешаться Эрика, подавив улыбку, – мы очень серьезно относимся к своей работе и к данному расследованию в частности, и ваша информация об этом районе была бы нам крайне полезна...

Старушка, поморщившись еще больше, смерила их быстрым взглядом с головы до ног.

– Есть сведения, что в день исчезновения Джессики возле ее дома видели темноволосого мужчину. Полиция его так и не выследила, но после того, как в карьере нашли останки девочки, у нас есть все основания полагать, что это мог быть Боб Дженнингс.

– Боб? Причастен к убийству? Нет-нет-нет. Он был чудаковат, глуповат, но чтобы убить ребенка... Нет. Исключено.

– Откуда такая уверенность? – спросила Эрика.

– Потому что я живу здесь всю жизнь. И могу отличить тухлое яйцо от свежего. На этом закончим, господа. Доброго вам дня.

Она свистнула собаке и загашала прочь. Лабрадор засеменил за хозяйкой.

– Так вы готовы помочь нам, раз вы так хорошо знаете здешних людей и местность? – крикнула ей вслед Эрика, но старушка даже не обернулась, продолжая удаляться от них.

Они смотрели, как она, хлюпая кроссовкой с надорванной подошвой, исчезает за деревьями.

– Флиртует... – проворчал Питерсон. – Много о себе возомнила.

– Нет. Ей известно больше того, что она выдала нам, – заметила Эрика. Она поспешила к деревьям, Питерсон – за ней. Когда они завернули за угол, там никого не оказалось.

– Куда она делась-то? – удивилась Эрика. Перед ними меж деревьями тянулась узкая тропа, в воздухе все еще висели клочья тумана, и их снова окутала неестественная тишина.

– Может, это был призрак, – предположил Питерсон.

– И собака тоже?

Они остановились на минуту. Эрика вытащила телефон.

– Мосс, это я. Попробуйте узнать, держал ли кто на карьере лодку, проверьте, не задокументировано ли где, что местный совет убрал с карьера какое-либо судно. Они очень педантичны в этом плане, любят все регистрировать... Также выясните, для чего конкретно использовался карьер; разновидность песка или гравия, что в нем добывали. Может быть, история подкинет нам какую-то зацепку... Чем черт не шутит.

– Порой только и нужно, чтоб черт пошутил, – прокомментировал Питерсон, когда Эрика отключила трубку. Он повернулся, глядя в ту сторону, где простирался карьер, замаскированный вереском и травой. – Подумать только, что все это время она была здесь, меньше чем в миле от дома, – промолвил он.

Глава 24

В ту ночь Эрика спала беспокойно. Ей снилось, что она тонет в ледяной темной воде Хейзского карьера. Светила полная луна, а она медленно опускалась на простиравшееся под ней дно, подсвеченное, будто лунный ландшафт. Она плыла параллельно дну, не чувствуя онемевших рук и ног; легкие разрывались от боли. Вокруг нее вздымался ил, заслоняя видимость. Но потом муть улеглась, и она увидела Джессику, стоявшую на дне карьера, – девочку, а не ее скелет. Она была нарядно одета, явно для похода в гости на день рождения подруги; ее длинные белокурые волосы веером струились вокруг ее головы; ткань розового платья лениво раздувалась в слабых потоках подводных течений. Ее ноги в украшенных узором сандалиях не утопали в грунте, а будто парили над ним. Под мышкой она держала подарок – маленький квадратный сверток с рисунком в черно-белый горошек.

Джессика улыбнулась, выпустив струйку крошечных пузырьков через дырочку на месте отсутствующего переднего зуба. Не двигая ни руками, ни ногами, все так же с подарком под мышкой, она тронулась с места и поплыла.

На некотором удалении на дне карьера Эрика теперь видела ряд знакомых домов, вереницу дубов, образующих темную размытую линию. Это была улица Эйвондейл-роуд в саване из илистых отложений. Далеко впереди мигнул свет – один раз, второй, и Джессика быстрее заскользила по подводной улице. Пытаясь нагнать ее, Эрика изо всех сил дрыгала руками и ногами, но только будоражила донный песок. Наконец она все же настигла Джессику, схватила ее за руку и начала подниматься на поверхность. Но стоило ее пальцам сомкнуться вокруг крошечной ручки Джессики, как кожа на ней стала отслаиваться, оголяя кости. Потом облезла кожа с лица, оголив череп и зияющие глазницы. К тому времени, когда Эрика вынырнула из воды, Джессика превратилась в скелет.

Пытаясь отдышаться, Эрика хватала ртом холодный ночной воздух, и когда ее зрение обрело четкость, она увидела на краю карьера две фигуры.

* * *

Эрика пробудилась с криком. Простыни пропитались потом, но саму

ее бил озноб. За окном ее спальни все еще было темно, часы у кровати показывали 4.30 утра. Она встала и залезла под душ. Долго стояла под горячей водой, чтобы прогреть кости, заledenевшие в холодной воде карьера. Наконец, когда душевая вода стала остывать, она укуталась в толстый халат и прошла на кухню. В эти дни она знакомилась со следственными материалами, что отобрал для нее Джон, и сейчас, приготовив кофе, она принялась просматривать стопку архивной документации, которую принесла домой с работы.

* * *

Около восьми утра Эрика прибыла в отделение полиции Бромли и, выйдя из лифта на первом этаже, увидела весьма занятную сцену. Группа патрульных стояла вокруг старой магазинной тележки с чучелом, которое они изготовили для сжигания в Ночь Гая Фокса^[16], набив старыми газетами форму карикатурного полицейского. Вместо головы – воздушный шарик, на котором стойким маркером нарисовано скорбное лицо с большими глазами. На макушке – полицейский шлем, из-под которого торчат кудри рыжего парика. По-видимому, патрульных остановил суперинтендант Йель, который теперь распекал их, стоя перед тележкой.

– Уровень террористической угрозы повышен до серьезного^[17], а вы, вместо того чтобы бдительно нести службу, решили поразвлечься?

– Сэр, сегодня Ночь Гая Фокса, и мы собираем средства для детской больницы на Грейт-Ормонд-стрит, – объяснила невысокая женщина-констебль в бронежилете и светоотражающей куртке.

– А если высокое начальство нагрянет с проверкой? И увидит, как вы тут стоите веселитесь?

– Так мы все только что сменились с дежурства, сэр. Подумали, что, если останемся в форме, соберем больше денег, – сказал другой патрульный.

– А вы успеете все это объяснить?

Эрика сообщила, что Гай имеет невероятное сходство с суперинтендантом Йелем.

– Разве Гай Фокс был не террорист? – спросил высокий худой полицейский с мальчишеским лицом, сунув обе руки под бронежилет. – Мы и про терроризм могли бы лекцию прочитать, провести, так сказать учебное занятие.

– По предупреждению соскучились? – рявкнул Йель. – Ну-ка, вон отсюда, и пугало с собой заберите!

Патрульные развернули тележку и поспешили из отделения.

– Гай Фокс пытался взорвать здание Парламента, – ворчал высокий полицейский.

– Доброе утро, сэр, – поприветствовала Йеля Эрика, стараясь сохранять каменное лицо.

– Какое ж доброе? – Она собралась было ответить, но он, не давая ей открыть рот, сообщил: – Адвокаты Джейсона Тайлера нам и суду выкручивают руки. Теперь он отказывается говорить, где хранятся компьютерные файлы, пока мы не обязуемся выступить в суде с ходатайством об отсрочке исполнения наказания.

– Какой гад, – в сердцах произнесла Эрика. Вот что получается, хотелось напомнить ей Йелю, когда вступаешь в сделку с наркодилерами, но она промолчала. Тот покачал головой и, бормоча себе под нос, пошел прочь по коридору.

Эрика поднялась по лестнице на верхний этаж, где расположился оперативный отдел. Ее поразило, что почти все члены следственной группы уже находились на своих рабочих местах. Была пятница, и она понимала, что прошла неделя со времени обнаружения останков Джессики, на протяжении которой ее команда трудилась на износ. Звонили телефоны, все столы были завалены бумагами. Констебль Найт обновляла на демонстрационной доске уголок, где были размещены все данные по расследуемому делу, а также сведения об Аманде Бейкер.

– Доброе утро, босс. Можно вас на два слова? – спросила Мосс. Выскочив из-за стола, она перехватила Эрику на пути к ее кабинету за стеклом и последовала за ней туда, на ходу запихивая в рот булочку и запивая ее кофе.

Эрика положила сумку на стол, отметив, что на нем уже громоздится новая стопка приготовленных для нее материалов, с которыми ей требовалось ознакомиться.

– Как команда, Мосс?

– Хорошие ребята. Разве что констебль Крофорд сиськами трясет. Но я видала сиськи и побольше.

Эрика закатила глаза.

– Не в настроении шутить, босс?

– Не совсем, – улыбнулась она.

– Вчера вечером секретарь некоего королевского адвоката по имени Оскар Браун оставил вам пару сообщений. Он хочет встретиться с вами на

своей территории.

– По какому вопросу? – спросила Эрика, усаживаясь за стол.

– По делу Джессики Коллинз, босс.

– Постой, – осенило Эрику. – Оскар Браун. Бывший парень Лоры Коллинз? Тот, с кем она путешествовала, когда исчезла Джессика?

– Да. Они вместе учились в университете. Но потом он уехал, теперь известный барристер^[18].

– Что ему от меня нужно?

– Хочет с вами побеседовать.

– О чем?

– Он спрашивал, можно ли поговорить с вами лично. Я пыталась выяснить подробности, но он больше ничего не сказал.

Из своего кабинета Эрика обвела взглядом оперативный отдел. Ей казалось, что она зашла в тупик, а новая груда материалов на ее столе, она не сомневалась, лишь будет издеваться над ней, насмехаясь над ее неспособностью установить подозреваемого.

– Узнайте, готов ли он встретиться со мной в ближайшие часы. Принесите мне все, что у нас есть на него в архивных материалах. В свое время он наверняка давал показания. Алиби он представил?

– Представил. Вместе с Лорой он путешествовал по Уэльсу. Марианна проводила их за день до исчезновения Джессики. Есть показания одного работника кемпинга, который видел, как они прибыли. Он говорит, что Оскар был единственным чернокожим парнем, которого он видел за все лето, потому он его и запомнил.

Эрика вскинула брови. В дверь постучали, вошел Джон с какими-то документами.

– Доброе утро, босс. Я узнал кое-что о Бобе Дженнингсе, о старике, что жил в лачуге у Хейзского карьера. Он всю жизнь обитал в Бромли, время от времени попадал в различные психиатрические больницы в Кенте. Судимости у него тоже есть, но, главным образом за мелкое воровство, совсем мелкое. В восемьдесят шестом году стащил из овощной лавки шесть бананов, в восемьдесят восьмом украл ожерелье с витрины в магазине «Рэтнерс». О случаях насилия с его стороны данных нет. Муниципалитет трижды предлагал поместить его в приют, но он каждый раз отказывался.

– Из чего следует, что он предпочел поселиться в домике у карьера? – предположила Эрика.

– Я постараюсь еще что-нибудь накопать, – пообещал Джон.

– Это и есть наш подозреваемый? Умерший старик, свистнувший

шесть бананов и паршивое ожерелье? – спросила Мосс. Эрика промолчала. – Ладно, босс, пойду устраивать вашу встречу с Оскаром Брауном. А вам, по-моему, не мешает выпить кофе.

– Спасибо, Мосс. – Эрика откинулась на спинку стула и потерла глаза. Дело Джессики Коллинз, казалось, бесконтрольно расползлось по всем направлениям.

Глава 25

После полудня Эрика села на станции Бромли на скоростной поезд и получасом позже прибыла на лондонский вокзал Виктория. Адвокатская фирма «Фортитудо» размещалась в здании из красного кирпича, расположенного в нескольких минутах ходьбы от вокзала, близ театра «Аполло».

На вид это была серьезная контора. Строгая женщина за стойкой в приемной; величаво роскошный вестибюль: отделка из резного камня, высокие потолки с лепниной. Эрику проводили в кабинет Оскара Брауна на верхнем этаже, откуда открывалась широкая панорама Лондона.

– Старший инспектор. – Он поднялся из-за стола, обошел его, чтобы пожать ей руку. – Что желаете? Чай? Кофе? Или, может, воды?

– Нет, спасибо, ничего, – поблагодарила Эрика.

Оскар Браун был высоким представительным мужчиной с проседью в темных волосах. Одет изысканно: дорогой английский костюм, дорогие туфли. Оскару было восемнадцать, когда исчезла Джессика; значит, теперь ему сорок четыре, прикинула Эрика, опускаясь в удобное кресло перед его столом. По всему было заметно, что это офис дорогого адвоката: толстые ковры, темное полированное дерево, бдительная секретарша. Видать, отбирали ее со всей тщательностью, рассудила Эрика: у нее не столь яркая внешность, чтобы отвлекать внимание деловых мужчин, но достаточно привлекательная: сразу видно, что в компании работают молодые энергичные люди. Оскар дождался, когда секретарша уйдет, и лишь потом продолжил разговор.

– Я был крайне огорчен, когда узнал, что обнаружили останки Джессики. С одной стороны, двадцать шесть лет пролетели слишком быстро, с другой – все это словно вчера произошло. – Голос у него был звучный и хорошо поставленный, как у актера. Эрика не сомневалась, что на судебных заседаниях Оскар максимально использует его природные качества для достижения нужного эффекта.

– Не думаю, что для Коллинзов эти годы пролетели быстро, – ответила она.

– Нет, конечно, нет. У вас есть зацепки? Подозреваемые?

Склонив набок голову, Эрика прямо посмотрела ему в лицо.

– Мистер Браун, я пришла сюда не для того, чтобы обсуждать с вами версии или подозреваемых. Так зачем вы хотели меня видеть?

Он улыбнулся, сверкнув ослепительно белыми зубами.

– Я по сей день поддерживаю связь с семьей Коллинзов и лично был свидетелем того, как велось предыдущее расследование. Оно причинило им много горя и нанесло большой вред.

– Мне известно, что произошло.

– Коллинзы попросили меня выступить их представителем.

– Но ведь вы адвокат, а не пресс-секретарь их семьи?

– Совершенно верно.

– Тогда вы должны понимать, что здесь возникает конфликт интересов. Вы – потенциальный свидетель событий, имевших место двадцать шесть лет назад...

– И я также мог бы оказаться в списке подозреваемых, – закончил он.

Эрика молчала.

– Так вы меня подозреваете? – улыбнулся он.

– Мистер Браун, я не намерена обсуждать с вами это дело.

– В таком случае могу я говорить с вами как сознательный гражданин? – спросил он.

– Разумеется.

– Первое расследование, которое проводила Столичная полиция, привело к плачевным результатам. Злодеи победили, а у семьи остались вопросы. Правильно ли велось следствие? Все ли было учтено?

– Вы были в отъезде вместе с Лорой Коллинз? Значит, алиби у вас есть?

– Алиби? – вспыхнул он, но потом сел и обезоруживающе улыбнулся Эрике. – В свое время я дал следователю все необходимые показания, вместе с Лорой. Мы с ней были в турпоходе.

– Путешествовали по полуострову Гауэр в Уэльсе?

– Да, это чудесный край.

– Почему вы остановили свой выбор на Уэльсе?

– Мы оба были студентами университета в Суонси. А это совсем рядом. В предыдущий год на Пасху мы ездили туда с друзьями, а потом решили устроить себе настоящее путешествие вдвоем – только я и она.

– Вы до сих пор близки с Лорой?

– Я не сказал бы, что мы близки. Наш роман продлился недолго. Мы расстались в начале девяносто первого.

– Почему?

– В сентябре девяностого нам предстояло начать учебу на втором курсе. Я изучал юриспруденцию, она – математику. Естественно, на занятия она не вернулась. Вы учились в университете?

– Нет, не училась, – ответила Эрика враждебнее, чем намеревалась.

– Тогда позвольте объяснить: университет – это обособленный мир, в котором жизнь бьет ключом. Я встретил другую девушку. Лора была расстроена, я тоже, но расстались мы по-дружески, и я всегда готов был подставить ей плечо.

– То есть вы ее бросили?

– Я бы выразился иначе. Лора и сама вам скажет, что для нее это был тяжелейший период. Она не знала, как ей жить дальше. С ней...

– Что?

– С ней стало невыносимо находиться рядом. И я ее ничуть не осуждаю. – Последние три слова он подчеркнул ударами ладони по полированной поверхности стола.

– Вы отдыхали на лоне природы, вдали от благ цивилизации. Как вы так скоро узнали о пропаже Джессики?

– Это допрос?

– Мне казалось, я беседую с сознательным гражданином?

Оскар широко улыбнулся.

– В кемпинге был кафе-бар. На следующий день мы зашли туда выпить и увидели репортаж в вечерних новостях. Мы сразу же поехали назад... Как я говорил, все это я засвидетельствовал в своих показаниях.

– Все это вы могли бы сообщить мне и по телефону. Приезжать к вам мне было совершенно не обязательно.

– Я предпочитаю личное общение... Несколько раз я говорил с Марианной по телефону. Ее беспокоит, что вы не захотите перепроверять роль Тревор Марксмена в исчезновении Джессики. Она боится, что вы испугаетесь трогать его, поскольку один раз он уже выиграл гражданский иск у Столичной полиции.

– Я сама позвоню Марианне и лично заверю ее, что мы тщательно рассматриваем все возможные версии. Тревор Марксмен теперь живет во Вьетнаме.

– Вот как? Где именно?

Эрика напрягла память, вспоминая точный адрес.

– У нас есть его координаты в Ханое.

– И вам также известно, что недавно он отсидел полтора года во вьетнамской тюрьме за растление несовершеннолетних?

– Мы пока работаем с архивной документацией, – не сразу отвечала Эрика, пытаясь скрыть досаду. – Этой информации у нас еще нет.

– И вам также известно, что Марксмен вернулся в Великобританию и сейчас живет в Лондоне?

– Что?

– Значит, вы не знали?

Эрика силилась сохранять самообладание. Оскар полез в выдвижной ящик, вытащил большой конверт из оберточной бумаги и бросил его на полированный стол перед Эрикой.

– Здесь все: его адреса – здешний и временный в Ханое; недавно он учредил новую компанию, которая должна заниматься его активами в сфере недвижимости. Он ведь довольно богатый человек.

Эрика придвинула к себе конверт.

– Как вы это узнали?

– Я провел кое-какие изыскания. Я ведь адвокат, это мой хлеб... Теперь понимаете, почему я настаивал на личной встрече с вами? Но если вам потребуется связаться со мной, я дам вам свой прямой телефон. – Оскар взял со стола небольшой листок бумаги с наименованием и координатами его фирмы и дорогой черной авторучкой подчеркнул номер телефона, что стоял в его кабинете. Двумя линиями. Эрика с трудом скрыла свое раздражение. Несколько секунд он смотрел ей в глаза, затем протянул руку.

– Благодарю, что уделили мне время, мэм. Надеюсь, я и впредь смогу вам помогать, представляя новую информацию.

– Да, спасибо, – поблагодарила она.

Оскар сверкнул обаятельной улыбкой, но она, не меняя выражения лица, покинула его офис.

* * *

Выйдя на улицу, Эрика нырнула в пустой дверной проем и, вскрыв конверт, бегло просмотрела лежавшие в нем бумаги. А потом позвонила в оперативный отдел. Трубку взял Питерсон, и она сердито поведала ему о случившемся.

– Как получилось, что мы об этом ничего не знали? – гневно спросила она. – Я выглядела полной идиоткой.

– Босс, мы изучаем архивные материалы, а их уйма. На столе у меня лежит напоминалка, что нужно собрать о нем новую информацию, но мы зашиваемся.

– Да знаю я, – сказала она. – Вы не поверите. Тревор Марксмэн живет в пентхаусе на Боро-Хай-стрит!

– Хотите его навестить?

– Пока нет. Мне нужно все обдумать, – ответила она.
– Что мне сказать команде? Мы завтра выходим на работу?
– Да, – распорядилась она. – Придется поднапрячься. У нас пока нет ни одного подозреваемого.

Закончив телефонный разговор, Эрика направилась на вокзал. Она решила нанести визит тому, кто поймет ее душевное состояние.

Глава 26

Смеркалось, когда Эрика постучала в окно Аманды Бейкер. Спустя мгновение штора отодвинулась, подъемное окно открылось. Появление Эрики, да еще с бутылкой белого вина, удивило Аманду.

– Вот, решила поработать вашим курьером, – сказала Эрика, приподнимая бутылку.

Аманда склонила набок голову, подозрительно глядя на нее.

– В некотором роде это светский визит, – объяснила Эрика.

– В некотором роде? Ладно. Обойдете? – спросила Аманда.

– Я лучше через окно.

Аманда протянула руку, помогая Эрике забраться на карниз и перелезть в дом. Эрика присела на диван, Аманда пошла заваривать чай. Когда она вернулась с двумя дымящимися чашками, Эрика отметила, что в ней произошли перемены. Шаг стал пружинистый, одежда чистая, голова вымыта, и длинные сидящие волосы скручены в узел, заколотый двумя карандашами. В гостиной было прибрано, на журнальном столике возле кресла стояла чистая пепельница и лежала стопка блокнотов. Один был открыт, листки исписаны черной ручкой, тонким неразборчивым почерком.

– Может, все-таки что-нибудь покрепче? Вы ведь не на службе?

– Нет, спасибо, – поблагодарила Эрика, беря чашку с чаем. – Мне кажется, я круглые сутки на службе.

– А я сегодня выпила всего два бокала, хотя обычно к этому времени опорожняю уже вторую бутылку, – призналась Аманда, усаживаясь в свое кресло.

– И что же случилось?

– Вы нашли останки Джессики. Мне это помогло. Как ни странно.

– Как вам это помогло?

– Мне не давало покоя, что она исчезла бесследно. Шли недели, месяцы, годы, а у меня не было ничего, ни одной улики, дело стало разваливаться. В какой-то момент я подумала, что все это чья-то изощренная шутка. Смотрели передачу «Скрытая камера», в которой подшучивают над людьми?

Эрика кивнула.

– Порой мне казалось, что в один прекрасный день откуда-нибудь выскочит мужик с микрофоном, а за ним – Джессика, и они хором запоют: «Ля-ля-ля, старший инспектор Бейкер, а мы вас провели!» И она обнимет

меня, а вокруг соберутся ребята из отделения, и мы все посмеемся от души, а потом пойдем в паб. Ну а Джессика, конечно, отправится домой к Мартину и Марианне.

– Наверно, это самое трудное дело в моей практике. Я умею распутывать сложные дела, выслеживать преступников. Но здесь – *ничего*. Я читала ваши следственные материалы. На Эйвондейл-роуд шестьдесят домов. На момент исчезновения Джессики седьмого августа обитатели двадцати девяти из них находились в отъезде на отдыхе, жители еще тринадцати где-то гуляли. Остальные соседи, сидевшие дома в тот день, ничего не видели.

Аманда кивнула, взяла блокнот и вытащила из волос один из карандашей.

– Я тут много всего написала; взгляните, может, натолкнет на какую мысль. Мне это помогает. У меня всколыхнулась часть мозга, которую я не задействовала много лет.

– Мозг следователя, – согласилась Эрика.

– Мы ведь обыскали все палисадники и внутренние дворы на Эйвондейл-роуд, смотрели, нет ли недавно вскопанных участков. – Аманда пролистала свои записи. – Тринадцатого августа мы взяли пробу почвы на наличие метана в саду дома № 34.

– Пойдите, в деле об этом ни слова, – встрепелась Эрика.

– Неудивительно. Дом принадлежал Джону Марри, который тогда был главой муниципалитета Бромли.

– Что заставило вас обыскать его сад?

– В глубине двора мы увидели вскопанный участок. Нас это насторожило.

– Почему это не отражено в материалах дела?

– Прodelки муниципалитета. У него больше власти, чем кажется. Кое-что «потерялось».

– Думаете, Джон Марри был причастен к исчезновению Джессики?

– Нет. Он пытался защитить свою репутацию. Экспертиза почвы на метан вызвала подозрения, и я распорядилась перекопать весь сад. Мы нашли только разлагающийся кошачий труп. Бродячей кошки, которую экономка похоронила там тремя неделями раньше без ведома хозяев. Газеты за это ухватились. Напечатали фото землекопа в его саду. Нам пришлось поднимать тротуарную плитку, беседку. А его жена только что благоустроила участок. – Аманда закурила. – Им удалось вытребовать компенсацию по страховке, но его имя навечно связали с исчезновением Джессики. Боб Дженнингс тоже дал слово местным властям не

распространяться о социально-реабилитационном центре. И молчал.

– В имеющихся у нас документах о нем нет ничего.

– Его не считали подозреваемым. Но своим молчанием он нанес непоправимый вред. Подробности я выяснила только через несколько дней, и еще пару дней ушло на то, чтобы вычислить Тревора Марксмэна. Вот это и не дает мне покоя. Алиби он представил, но ведь у него мог быть подельник, и имелось окно в несколько дней, пока мы на него вышли.

Эрика глотнула чаю, думая про конверт со сведениями о Марксмэне, вернувшемся в Великобританию.

– На допросе он насмеялся надо мной, после ареста... Я места себе не находила, когда пришлось его отпустить.

– Но вы не оставили его в покое? – уточнила Эрика. В комнате внезапно стало зябко.

Аманда кивнула, впившись в нее взглядом.

– Ну нет, я продолжала его *доставать*, – прорычала она.

Глава 27

В шести милях от дома Аманды Бейкер, в квартире на верхнем этаже одного из небоскребов в Мордене на юге Лондона, Джерри, сидя за компьютером в дальней тесной комнате, слушал разговор женщин.

В наушниках звучал сиплый голос Аманды, звучал громко, непривычно близко, будто она орала ему в ухо. Он предположил, что она сидит в кресле прямо под датчиком дыма.

– Пару недель Марксмэн находился у нас под наблюдением. У него был автобусный проездной, и он целыми днями кружил по Лондону, пересаживаясь с автобуса на автобус. Мы быстро сообразили, что он заметил слежку... Теперь я понимаю, что он отвлекал наше внимание от Хейза...

Речь умолкла. Джерри услышал звяканье чашки о блюде – видимо, ее поставили на стол.

– И что же вы предприняли? – Это был голос Эрики.

– Я старалась поддерживать боевой дух. Никто из моих сотрудников не хотел гоняться за Марксмэном, но нельзя было упускать его из виду, мы должны были убедиться, что он колесит по городу не для того, чтобы отделаться от нас... Вам известно, за что его посадили?

– Нет.

– Когда Марксмэн жил в западной части Лондона, – продолжала Аманда, – возле Эрлз-Корт, он похитил пятилетнюю девочку. Шел как-то раз по Кромвель-роуд, недалеко от станции метро. А там полно старых четырехэтажных домов. И в окне одного он увидел играющую маленькую девочку. Он остановился, завел с ней разговор и убедил пойти с ним. Сказал, что он друг ее мамы и живет по соседству. Сказал, что у него есть щенок. И она пошла с ним. А он усыпил ее и отнес в сарай на садовом участке в миле от ее дома. Она пробыла там три дня. Он ее насиловал. Ей было всего пять лет. Стоял январь, холод собачий. И он решил, что в это время туда никто не сунется. На земле лежал снег, место пустынное. А через несколько дней какой-то мужчина выгуливал там собаку и увидел, как Марксмэн заходит в сарай с пакетом игрушек... Он поднял тревогу. Девочка, когда ее нашли, была в одной ночной сорочке. Перепуганная до смерти, с пневмонией...

– Что с ней случилось?

– Выжила. Где она теперь, я не знаю. Сумела ли оправиться от того,

что с ней произошло, и жить, как все нормальные люди?!

На некоторое время разговор прекратился. Джерри смотрел на монитор. Цветной индикатор звука на экране застыл.

– Вот почему я на это решилась, – нарушила молчание Аманда. – Взяла правосудие в свои руки. Я хотела, чтобы этот подонок сгорел заживо. Пылал жарче, чем солнце, и испытал адскую боль... Меня чуть кондрашка нехватила, когда я узнала, что он выкарабкается, что огонь его не уничтожил. А теперь думаю, что это даже к лучшему. Видели, какой он стал?

– Да. – Голос Эрики, тихий.

– Жуткий уродец. А прежде внешность у него была вполне обычная. По крайней мере, теперь он к детям просто так не подойдет, они от одного его вида шарахаются.

Джерри увидел, что на столе рядом с ноутбуком засветился дисплей его мобильного телефона. Убедившись, что запись идет, он снял наушники и ответил на звонок.

– Все работает. Звуковой сигнал из дома Аманды Бейкер доходит отлично. У нее сейчас Эрика Фостер, – доложил он.

– Что она там делает? Что происходит? – встревожился голос на другом конце линии.

– Остынь. Она в полной растерянности. Ничего не раскопала. Пришла к Аманде просто так – видимо, чтобы поговорить, почувствовать себя уверенней.

– Что с телефонами? – спросил голос.

– В Амандин я внедрился без проблем. У нее простейшая модель на базе *Android*, и доступ я получил, послав ей эсэмэс с «трояном». В ее аппарате полно игр, и она участвует во многих телефонных телеконкурсах. Она не обратила внимания на пустое сообщение, а я его удалил. То же самое я только что проделал с телефоном Крофорда.

– А телефон Фостер? Ее тоже нужно слушать.

– Рискованно. Она бдительна и умна. Если засечет попытку взлома...

– Мне нужно знать, что происходит.

– Говорю тебе, черт побери: у нее ничего нет.

– Полегче. Не забывай, с кем говоришь, – ледяным тоном предупредил голос.

Джерри откинулся на спинку стула и забросил ноги на стол.

– Я – твои глаза и уши.

Пауза.

– Внедрись в телефон Фостер. Если тебя отследят, я устрою так, что

ты будешь ни при чем. Обещаю.

– Ладно, – сказал Джерри. – Попробую.

Глава 28

От Аманды Бейкер Эрика вышла поздно вечером. Ей казалось, она стала несколько лучше понимать эту женщину, но она по-прежнему осуждала Аманду за то, что группа «активистов» по ее указке бросила зажигательную бомбу в дом Тревор Марксмэна. Дойдя до своей машины, которая стояла чуть поодаль на темной улице, Эрика села за руль, заперлась изнутри и включила свет.

Вскрыв толстый конверт, она достала бумаги, бегло просмотрела их. Тревор Марксмэн был очень богатым человеком. В 1993 году суд вынес решение о возмещении ему ущерба в размере почти трехсот тысяч фунтов. Эти деньги он инвестировал с умом и теперь был миллионером. Эрика глянула на распечатку с его лондонским адресом. Марксмэн жил в элитном многоквартирном доме в Боро, близ Лондонского моста.

Она вытащила телефон и позвонила Маршу. Он ответил почти сразу.

– Прошу прощения за поздний звонок.

– Еще только девять. Я не ложился, – сказал он.

– Что-то случилось? Голос у тебя какой-то подавленный?

Марш вздохнул.

– Сплю плохо... Марси хочет, чтобы были официально установлены часы, в которые я могу видеться с дочками. Ей не нравится, что я являюсь, когда захочу. *Являюсь*. Вообще-то это мой дом, черт возьми!

– Мне очень жаль, Пол...

– Да сам виноват. Слишком много работаю. Ладно, я ответил на твой звонок. Ты же звонишь не для того, чтобы расспросить меня про мой брак?

– М-м, нет...

– В чем дело?

– Тревор Марксмэн. Что происходило после того, как суд рассмотрел его иск?

– Ему присудили компенсацию. Столичной полиции пришлось раскошелиться на огромную сумму по меркам начала девяностых. И принести извинения. По этому поводу в прессе разгорелась полемика: этично ли извиняться перед насильником?

– Я хочу поговорить с ним.

– Исключено, Эрика. Арестовав его, ты откроешь адскую банку с тараканами.

– Я не собираюсь допрашивать его в качестве подозреваемого. Хочу

побеседовать с ним как со свидетелем.

– Со свидетелем?

– Да. Никто ведь ничего не видел: ни соседи, ни местные жители, никто. Единственным человеком, кто, по нашим сведениям, наблюдал за ней в последние дни перед ее исчезновением, был Тревор Марксмэн. Он извращенец, не спорю, но если на минутку забыть об этом, вполне вероятно, что он видел и слышал что-нибудь.

– Ничего такого он не говорил.

– А его спрашивали?

Марш медлил с ответом.

– Ладно, – наконец произнес он. – Но ты должна прежде спросить, согласен ли он побеседовать с тобой. Прояви дипломатичность. Конечно, раз он живет во Вьетнаме, нужно подумать, как с ним общаться... ну, не знаю, по скайпу, что ли...

– Он не во Вьетнаме. Он вернулся. Живет в Лондоне.

– Что за черт? Почему мы об этом не знали?

– Он не обязан отчитываться перед нами. Он был осужден и отсидел за изнасилование девочки до того, как в девяносто седьмом году был принят закон о сексуальных преступлениях. Как тебе известно, этот закон не имеет обратной силы и не касается осужденных до девяносто седьмого года.

– Значит, ты хочешь просто побеседовать с ним?

– Да.

– И ставишь меня в известность?

– Я теперь другая. Все делаю по правилам, докладываю начальству о каждом своем шаге.

– Рассказывай эти сказки кому другому. Ну и насмешила.

– Хоть настроение тебе подняла...

– Эрика...

– Что?

На другом конце провода молчали. Наверно, собирается что-то спросить, решила Эрика.

– Ничего. Держи меня в курсе. И смотри не напортачь. – Марш повесил трубку.

Глава 29

Эрика встретила с Питерсоном в электричке, отходившей в 9.30 утра в направлении вокзала Лондон-бридж. Он сел в Сиднэме, на предыдущей остановке, и занял ей место. Эрика вошла в вагон на станции Форест-Хилл. Питерсон, с угрюмым видом, сидел у окна и, казалось, не был расположен к общению. Эрику это вполне устраивало, ведь она и сама не выспалась. Она подумывала о том, чтобы взять с собой к Марксмэну Мосс, но та, на взгляд Эрики, была незаменима в оперативном отделе, работу которого она координировала с поразительной эффективностью. Эрика также подумала о Джоне, но его болтовня с утра пораньше свела бы ее с ума, а Питерсон, как ни крути, все же слыл более опытным сотрудником.

– Зима будет чертовски долгой, – произнес он. После станции Нью-Кросс-Гейт поезд замедлил ход, проезжая мимо гигантского мусоросжигательного завода. Небо висело низко, и многоквартирные дома, казалось, смыкались вокруг железнодорожных путей.

На вокзале Лондон-бридж они сошли с поезда и направились к выходу на Боро-Хай-стрит. На улице непрерывным потоком катили машины, туристы заполняли рынок Боро. Вдоль тротуаров уже выстроились торговые палатки с рождественскими украшениями; в морозном воздухе витал аромат глинтвейна, доносившийся до них через дорогу. Они прошли под железнодорожным мостом, пересекли проезжую часть и несколько минут пробирались сквозь плотные толпы людей, пока не остановились перед высокими черными железными воротами.

– Как же получилось, что Тревор Марксмэн живет теперь в таком доме? – промолвила Эрика. Сквозь щель в воротах она увидела мощный двор. Питерсон нашел номер квартиры и нажал кнопку звонка.

– Вот-вот, порой начинаешь сомневаться, а есть ли на свете Бог, – мрачно отозвался он.

Эрика осознала, что сама она редко задавалась этим вопросом.

– Мы встречаемся с ним как со свидетелем, – напомнила коллеге Эрика, заметив гнев в его лице. – Возможно, он располагает ценной информацией.

Питерсон хотел ответить, но в домофоне раздался треск, и чей-то голос попросил их показать в камеру удостоверения. Они вытащили документы и по очереди приставили их к крошечному объективу. В следующее мгновение огромные ворота бесшумно распахнулись вовнутрь.

Они шагнули в большой двор, окруженный ухоженными газонами. Ворота за ними закрылись, и они сразу оказались отрезанными от шума оживленной улицы.

– Это не он там нас ждет? – спросила Эрика. Они направились к высокому зданию из красного кирпича с большим стеклянным входом, возле которого их ждал рослый лысеющий мужчина.

– Нет, не он. Его помощник, – определил Питерсон.

Они поравнялись с мужчиной, тот сдержанно им кивнул. Кожа его имела восковой оттенок, на голове сияла лысина. Лоб рассекал розовый шрам, исчезавший за левым ухом.

– Доброе утро, господа. Можно еще раз взглянуть на ваши документы? – учтиво попросил он. В его отрывистой речи слышался южноафриканский акцент. Эрика обратила внимание, что под его костюмом скрывается довольно накачанное тело. Они показали свои удостоверения, которые он внимательно изучил, время от времени поглядывая на них. Затем, удовлетворенный, улыбнулся и кивнул:

– Прошу вас.

На лифте они поднялись на верхний этаж и вышли в небольшой коридор. Между двумя блестящими синими дверями стоял большой черный стол с лаковым покрытием. На столе – высокая изящная ваза с красивым рисунком в виде роз. В элегантности коридора сквозило нечто зловещее, и Эрика с любовью вспомнила подъезд в своем доме: маленький столик, заваленный номерами бесплатных газет и рекламными листовками кафе, торгующих едой на вынос.

– Как вас зовут? – обратилась она к мужчине, который молчал, пока они ехали в лифте.

– Джоэл, – ответил тот. Глаза у него были серые, взгляд – спокойно-сдержанный. – Снимите обувь, пожалуйста, – добавил он, распахивая синюю дверь справа.

Из коридора они попали сразу в просторную гостиную открытой планировки. На полу лежал голубой ковер, окаймленный орнаментом в виде кремовых и белых роз. В комнате было очень тепло, стоял резкий навязчивый запах освежителя воздуха, работавшего от розетки. Джоэл не отходил от них, пока они снимали обувь. Эрика заметила, что Питерсон излишне скован и напряжен.

– Пожалуйста, проходите.

Они двинулись через гостиную с книжными полками по стенам и светлыми диванами, расставленными вокруг большого низкого журнального столика, на котором лежали фотоальбомы с детскими

фотографиями. На одной, в частности, была запечатлена девочка в красном купальнике, строившая замок из песка на берегу моря. Надув губы, она с серьезным видом смотрела в объектив большими голубыми глазами. Стены украшали несколько больших фотографий с изображениями маленьких детей. Плененные щелчком фотозатвора мгновения детской чистоты, которые развесили в этой квартире для услаждения взора ее хозяина, подумала Эрика. Снимки были вполне безобидные, но в контексте обстоятельств жизни Тревор Марксмэна они вызывали тревогу.

Комната загибалась влево, и, завернув туда, они увидели человека, сидевшего в кресле у огромного венецианского окна. Он смотрел на Темзу, на низкое серое небо. Небольшое буксирное судно тянуло за собой по пенящейся воде длинную баржу. Других судов на реке не было.

– Тревор Марксмэн? – окликнул мужчину Питерсон.

Тот обернулся, и Эрика на несколько секунд онемела. Его череп покрывала кожа, но как будто не своя – чужая. Словно кто-то раскатал большой кусок кожного покрова и затем небрежно насадил ему на голову. Вокруг глаз кожа была так туго натянута, что даже век не было. Губ вообще не существовало.

– Присаживайтесь, прошу вас, – произнес Марксмэн. Взрывной звук «п» давался ему с трудом. На нем были свободные брюки и рубашка с расстегнутым воротом, в котором виднелась изуродованная шрамами шея. Ядрено-красные руки походили на когтистые лапы. Остатки ногтей имелись только на левом большом пальце и правом указательном.

– Спасибо, что согласились нас принять, – сказала Эрика, кладя сумку на пол и снимая пальто. Она взглянула на Питерсона. Его лицо, обращенное на Марксмэна, искажала жгучая ярость. Она тоже испытывала отвращение, но взглядом велела ему взять себя в руки и сосредоточиться. Повесив пальто на спинку стула, она села. Питерсон сел рядом.

– Чаю или кофе? – предложил Тревор. Глаза у него были ярко-синие и холодные; Эрика помнила их по первому снимку, который был сделан в августе девяностого года, когда его задержали для допроса. Казалось, они смотрят из глубины уродливой маски, что надевают на Хеллоуин.

– Мы будем кофе, – ответила Эрика.

– Джоэл, будь так любезен, – попросил Марксмэн. Говорил он с мучительной надсадой в голосе. Джоэл улыбнулся и скрылся за углом – там, очевидно, находилась кухня, предположила Эрика.

– Не знаю, как бы я обходился без Джоэла. У меня больное сердце. Два шага сделаю и отдыхаю.

– Значит, больше не рыскаете вокруг детских площадок. Или это он

для вас делает? – спросил Питерсон.

– Мы знакомы с вашим досье, но пришли к вам поговорить не об этом, – вмешалась Эрика, бросив на Питерсона предостерегающий взгляд.

– Меня признали виновным только в одном преступлении... – заметил Марксмэн.

– Да. В похищении и изнасиловании маленькой девочки, – отчеканил Питерсон. – Вы накачали ее наркотиками.

– За это я отсидел семь лет и теперь каждый день сожалею о содеянном, – хрипло ответил Марксмэн. Он закашлялся, прикрывая безгубый рот красной когтистой лапой. Кивком показал на бокал с соломинкой, что стоял на подоконнике рядом с Питерсоном. Тот демонстративно откинулся на спинку стула, сложив на груди руки. Эрика встала, взяла бокал и поднесла его ко рту Марксмэна. Комнату огласили звуки всасывания жидкости через соломинку и затем бульканье пузырьков в опустевшем стакане.

– Спасибо, – поблагодарил он, откидываясь в кресле. – Голос и горло так и не восстановились после дыма. – Врач сказал, я как будто за один раз выкурил десять тысяч сигарет.

Эрика поставила бокал на место и села. Марксмэн взял салфетку, лежавшую сбоку в его кресле, и вытер лицо. Увидев, что Питерсон буравит его злым взглядом, он положил салфетку и поднял руки к груди. Затем медленно, пересиливая боль, расстегнул три пуговицы на рубашке, оголив обожженную грудь, на которой висело красивое серебряное распятие. Эрика обратила внимание, что у него нет сосков.

– Я вымаливал у Господа прощение. Вымаливал, и Он простил меня. Вы верите в прощение, детектив Питерсон?

– Я – инспектор полиции, – холодно ответил тот.

– Вы – инспектор полиции, но вы верите в прощение?

– Я верю в прощение, но считаю, что есть вещи, которые прощать нельзя.

– Очевидно, это вы о таких, как я.

– Именно. – Эрика взглядом велела Питерсону замолчать, но он продолжал: – Наш местный священник изнасиловал мою сестру, когда ей было шесть лет. Он пригрозил, что убьет ее, если она кому-нибудь расскажет.

Марксмэн задумчиво кивнул.

– Духовенство привлекает все самое лучшее и самое худшее. Он раскаялся?

– Раскаялся?

– Он молил о прощении...

– Мне известно, что это значит! – заорал Питерсон. – Раскаялся! Он изнасиловал мою сестру, когда она была ребенком. И этого не исправить словами и молитвами! – Марксмэн хотел что-то сказать, но Питерсона уже было не остановить. – Он умер своей смертью, по естественным причинам; перед судом он так и не предстал. А моя сестра... ей не посчастливилось умереть в мире и покое. Она покончила с собой...

– Питерсон, мы здесь, чтобы задать вопросы мистеру Марксмэну как свидетелю, – ровно произнесла Эрика. – Сядьте на место.

Перед встречей с Марксмэном она провела с ним беседу, просила сохранять хладнокровие. Тяжело дыша, Питерсон с ненавистью смотрел на Тревора Марксмэна. Тот, маленький и сгорбленный, утонул в кресле.

– Соболезную. – Его невозмутимость сводила с ума. Как и на фото Марксмэна, что видела Эрика, пересаженная кожа на его лице походила на маску, в глубине которой синели холодные глаза. Кожа над одним глазом сморщилась, и Эрика сообразила, что он вскинул отсутствующую бровь.

Питерсон вскочил на ноги, со стуком опрокинув стул и, прежде чем Эрика успела среагировать, схватил Марксмэна за грудки, подняв его с кресла. Тот, безвольно болтаясь в руках Питерсона, не выказывал страха.

– Как ее звали? – тихо спросил Марксмэн у самого лица Питерсона.

– Что?

– Вашу сестру? Как ее звали? – повторил Марксмэн с приводящим в бешенство спокойствием.

– Не смей спрашивать ее имя! – взревел Питерсон, с силой встряхнув Марксмэна. – НЕ. СМЕЙ. СПРАШИВАТЬ. КАК. ЕЕ. ЗОВУТ. ГРЕБАНЫЙ ИЗВРАЩЕНЕЦ!

– Питерсон! Джеймс. Отпустите его! СЕЙЧАС ЖЕ! – приказала Эрика, хватая его за руки. Но он продолжал трясти Марксмэна.

– Вы поймите, мы же такие не по своей воле, – прохрипел Марксмэн. От тряски его голова болталась взад-вперед.

Джоэл, внезапно появившись рядом с Эрикой, мускулистой рукой обхватил Питерсона за торс.

– Отпусти его. Или я шею тебе сверну, – негромко пригрозил он.

– Мы – офицеры полиции. Прошу всех успокоиться, – сказала Эрика, встав так, чтобы смотреть Питерсону в лицо.

– Вы совершили нападение, я вправе защищаться, – заявил Джоэл.

– Никто ничего не предпринимает. Питерсон, прекратите, а вы – уберите от него руки, – распорядилась Эрика. С минуту длилась немая сцена, потом Питерсон выпустил из рук Марксмэна, и тот рухнул в кресло.

Джоэл отпустил Питерсона, но стоял рядом, раздувая ноздри.

– Отойди! – рявкнул Питерсон.

– Ну уж нет, приятель, – отказался Джоэл.

– Питерсон. Уйдите, прошу вас. Я вам позвоню... УХОДИТЕ! – повысила голос Эрика.

Питерсон обвел всех сердитым взглядом и вышел. Мгновением позже дверь за ним захлопнулась.

Страсти улеглись. Джоэл шагнул к Марксмэну, застегнул на нем рубашку, помог ему удобнее устроиться в кресле, после чего Марксмэн жестом отослал его прочь.

– Прошу прощения за случившееся, – извинилась Эрика. – Я пришла сюда, чтобы расспросить вас как свидетеля, и ожидала, что к вам будет соответствующее отношение.

– Вы очень любезны, – кивнул он.

– Нет. Я выполняю свою работу... Я просмотрела ваши показания и протоколы допросов от августа девяностого года. Вы утверждали, что следили за Джессикой пятого и шестого августа и вели за ней наблюдение возле ее дома утром седьмого числа.

– Да.

– Зачем?

Марксмэн прерывисто вздохнул.

– Я был влюблен в нее... Я вижу, вы кривитесь. Но вы должны понять: я не в состоянии контролировать свои чувства. Меня воротит от собственных желаний, но я не в силах их контролировать. Она была прелестной девочкой. Впервые я увидел ее у газетного киоска в Хейзе, вскоре после того, как освободился из заключения. Она была с матерью. Это случилось, должно быть, в начале весны девяностого. Джессика была в голубом платице, такой же лентой были завязаны сзади ее волосы. От волос исходило сияние. Она держала за руку младшего брата, щекотала его и смеялась. Ее смех. Он звучал как музыка. Я услышал, как ее мать, расплачиваясь за газету, назвала их домашний адрес. Ну и стал... следить за ними.

– И какое впечатление производили на вас Коллинзы как семья?

– Они казались беззаботными. Хотя...

– Что?

– Пару раз я наблюдал за Джессикой в парке, где она гуляла с матерью и сестрой.

– С Лорой?

– Она такая темноволосая? – уточнил Марксмэн.

– Да, это была Лора.

– Джессика качалась на качелях, а мать с Лорой сидели на скамейке и все время ругались.

– Из-за чего?

– Не знаю. Издалека я не слышал.

– Где это было?

– Скамейка стояла на противоположной стороне парка.

– Там, где вы сфотографировали Джессику?

– И на видео заснял. Я выиграл видеокамеру на конкурсе, проводимом Кооперативом^[19]... – Марксмэн улыбнулся своим воспоминаниям. Глаза его просияли, кожа вокруг них натянулась. – Ссора приняла ожесточенный характер. Марианна залепила Лоре пощечину. Я также видел, что Марианна и Джессику била по ногам, довольно часто. Но, полагаю, тогда время было другое. Теперь бы люди за головы схватились. А в ту пору любой родитель считал, что он вправе отшлепать своего ребенка. Ну а католики... те наказывать умеют.

– Лоре уже исполнилось двадцать, и мать ударила ее по лицу?

Марксмэн кивнул, а потом опустил на грудь подбородок, на котором обожженная кожа сморщилась, как креповая бумага.

– Правда, та тоже в долгу не осталась – сдачи дала будь здоров. – При этом воспоминании он с присвистом рассмеялся.

– А куда делись ваши видеозаписи и фотографии?

– Их изъяла полиция.

– Копии вы сделали? – спросила Эрика.

– Нет. А мне их так и не вернули. Непонятно почему. Это ведь просто видеосъемка парка.

– Вы не замечали кого-то еще подозрительного?

– Помимо меня? – рассмеялся он.

– Тревор. Я прошу у вас помощи.

– Не знаю. В том парке всегда полно было народу – родители, дети. От случая к случаю ниггеры забредали, но те сразу понимали что к чему...

– Давайте без оскорбительных словечек.

– Вы видели Хейз? Очень зажиточный район и, наверно, такой же молочно-белый, каким был в девяностых.

– Прошу вас...

– Там был один местный дурачок. Боб Дженнингс. Эрика чуть не подпрыгнула на стуле.

– Боб Дженнингс?

Тревор кивнул.

– Что он там делал?
– Вы о нем слышали?
– Просто скажите, чем он занимался. Пожалуйста!
– Он был муниципальным садовником. Немного заторможенный, так что муниципалитет мало ему платил как пить дать. – Марксмэн снова зашелся свистящим смехом.

– Что в этом смешного?
– Он имел привычку мастурбировать в кустах парка. Питал слабость к старым матронам с большими буферами.

– Его арестовывали?
– Да бог его знает, – пожал плечами Тревор. – Муниципалитет раза три-четыре назначал его на разные должности. Он работал дворником, мусорщиком. Его кислорожая сестрица, старая стерва, всегда знала, кому надо на ушко шепнуть, чтобы скандал замяли. Их семья из поместного дворянства, из тех, кто манерно говорит, как будто у них слива во рту.

– Кто его сестра?
– Достопочтенная ^[20] Розмари Хули. Поганка из консерваторов. Не знаю, жива ли она еще. Скорей всего, жива. Эти сволочи с голубой кровью подолгу землю топчут.

Эрика на мгновение замерла.
– Постойте, она жила в Хейзе?
Тревор кивнул.
– У нее был шрам на губе?
– Это она и есть. У нее была овчарка, давно уже, в рожу ее цапнула. Помнится, Боб очень переживал, а я предположил, что она своему псу попробовала отсосать... Есть люди, которым это нравится... отсасывать у животных. – Эрика видела, что Марксмэн провоцирует ее, хочет вывести из себя. Он рассмеялся и зашелся кашлем. Тут же появился Джоэл со стаканом воды.

– Думаю, ему нужно передохнуть, – сказал он.
– Не надо. Я уже закончила. – Эрика встала, взяла пальто и сумку. – Спасибо.

Она поспешила из пентхауса, подошла к лифту и, вытащив телефон, позвонила Питерсону.

Глава 30

Эрика нашла Питерсона на набережной Темзы. Прислонившись к перилам, он держал стакан кофе и курил. Маленький в сравнении с «Золотой ланью»^[21], кораблем-музеем, который вздымался из дока, отсвечивая чернью и золотом на фоне серой реки. Свирепствовал холодный ветер, но после липкой, клейкой атмосферы квартиры Тренора Марксмэна это было даже приятно.

– Я взял вам кофе. – Питерсон нагнулся и, подняв стакан, что он держал между ног у самой земли, дал его Эрике. – Остыл уже, наверно.

– Спасибо, – поблагодарила она, отпивая глоток.

– Вы пили его кофе? У Марксмэна?

– Нет.

– Слава богу.

– Угостите сигаретой, пожалуйста.

– Я думал, вы бросили, – сказал он.

– Снова начинаю.

Питерсон протянул ей пачку сигарет. Она закурила.

– Простите. Не следовало брать вас с собой. Не подумала, – извинилась она.

– Ерунда. Он того не стоит.

– Да нет. Он дал нам зацепку, причем сам о том не подозревая.

Питерсон повернулся к ней, и впервые за все утро его взгляд просветлел.

Они пошли по набережной. Эрика передала ему свой разговор с Марксмэном. На Чаринг-Кросс они перехватили по сэндвичу и сели на прямой поезд до Хейза. Железнодорожная компания, как всегда, подала состав из двух вагонов.

– Почему же та старушка скрыла, что Боб Дженнингс ее брат? – вполголоса задалась вопросом Эрика. Все сидячие места были заняты, и им пришлось встать в самом конце переполненного вагона.

– Она и представиться не пожелала, – напомнил Питерсон.

– Но ведь она была в курсе, что мы недавно нашли скелет... сами знаете кого сами знаете где, – сказала Эрика.

Рядом с ними вплотную стояла невысокая женщина. В руках у нее был журнал, но она смотрела на них. Женщина отвела взгляд, как только они повернулись к ней.

– Я хочу поговорить с ней, и плевать мне, что она из помещного дворянства. Терпеть не могу всю эту бредятину, – заявила Эрика. – В Словакии полно проблем, но, к счастью, мы избавлены от дурацкой классовой системы.

* * *

От вокзала Хейза до дома по адресу, который им сообщили из диспетчерской, идти было недолго. Розмари Хули жила в одном из претенциозных домиков, что стояли в ряд близ въезда в природный парк Хейз с Кройдон-роуд. Все они фасадными окнами выходили на гравийную стоянку и парк, все были отделены от тихой дороги большими садами. В воздухе носился слабый запах древесного дыма, который усиливался по приближении к «Старому дому священника», где обитала Розмари. Эрика отворила маленькую белую калитку. Дом имел тростниковую крышу, фасад – в идеальном состоянии, ухоженный мшистый газон усеивали опавшие листья. Одно из окон давало обзор на две стороны, и сквозь уютную маленькую комнату они увидели на заднем дворе Розмари Хули, сгребавшую в кучу пожухлые листья. На ней были все тот же старый спортивный костюм, спортивная шапочка с символикой футбольного клуба «Челси» и шарф «Манчестер Юнайтед». Палевый лабрадор, должно быть, услышав их, с лаем выскочил из-за угла.

– Серж! – крикнула Розмари, а в следующую минуту и сама появилась из боковой калитки. При виде Эрики с Питерсоном она протяжно вздохнула и оперлась на грабли. – А... Так и думала, что еще раз встречу вас. Хотите чаю?

– Да, спасибо, – ответила Эрика.

Розмари сняла изношенные перчатки и жестом пригласила их следовать за ней.

* * *

В кухне доминировала блестящая зеленая печь «Ага», которая создавала в помещении атмосферу тепла и уюта, защищая дом от холода извне. Розмари стянула с себя шапку, но, не снимая пальто и резиновых сапог, принялась хозяйничать, доставая чашки, молоко, сахар и бисквитный торт «Виктория» на старинном блюде с синим узором в китайском стиле.

Эрика с Питерсоном, испытывая неловкость, сидели за деревянным столом, на котором лежали старые номера *Radio Times*^[22] и автомобильный радиоприемник с торчащими сзади проводами, а также стояла чаша с почерневшими бананами. На самой середине дремали две тощие кошки. У одной в шерсти на голове Эрика заметила огромного клеща.

Розмари подошла к столу, всучила блюдо с тортом Эрике, а сама взяла одну кошку и сбросила ее на пол. Та ловко приземлилась на все четыре лапы. Потом она взяла вторую кошку, с клещом, и одним резким движением вывернула его из головы животного. После чего кинула кошку на пол, а клеща поднесла к свету, зажимая его меж пальцев.

– Вот видите, как надо вытаскивать – чтоб целехонький остался... – Она протянула Питерсону клеща, дрыгающего черными мохнатыми лапками. Тот отвернулся, содрогнувшись от омерзения.

Розмари прошла к раковине и опустила клеща в слив, включив взрепевший измельчитель пищевых отходов. Эрика отметила, что она не вымыла руки перед тем, как вернулась к столу с подносом, на котором стояли принадлежности для чаепития, и принялась резать торт.

– Н-да. Мертвая девочка на дне карьера... Ужас... Кошмар, – произнесла Розмари, отхлебнув из чашки чай. Обмочив подбородок, она вытерла его рукавом пальто.

– Несколько дней назад мы спрашивали вас про дом у карьера... – начал Питерсон.

– Да, помню.

– Вы сказали, что там обитал один человек... Боб Дженнингс. Почему вы не упомянули, что он ваш брат? – осведомилась Эрика.

– Так вы не спрашивали, – спокойно ответила Розмари.

– А теперь спрашиваем. И нам нужна вся информация. Карьер теперь рассматривается как место преступления, а ваш брат жил рядом. Сколько времени он прожил в том домике? – поинтересовалась Эрика.

Розмари, как будто немного пристыженная, снова глотнула чаю.

– Долго... не знаю, наверно, одиннадцать лет. Еще несколько месяцев – и он вступил бы в права собственности. А он, несчастный горемыка, умер.

– Конкретно с какого по какой год он жил там? – допытывалась Эрика.

Розмари откинулась на спинку стула и на мгновение задумалась.

– С семьдесят девятого, надо полагать, по октябрь девяностого.

– И когда он умер?

– Он скончался в конце октября девяностого. – Заметив, что Эрика с Питерсоном переглянулись, она спросила: – Это имеет значение?

– У вас есть свидетельство о смерти?
– Под рукой нет. – Она сложила на груди руки.
– Что вы можете сказать о психическом состоянии вашего брата? – задал вопрос Питерсон.

Розмари медлила с ответом. Впервые ее морщинистое лицо чуть смягчилось.

– Мой брат был пропащий человек. Один из тех, кому не находится места в обществе.

– Он испытывал трудности в учебе?

– Точный диагноз ему никогда не ставили. Он был старше меня, а в те годы такие, как он, обормоты просто просиживали штаны на последней парте, детских психологов ведь не было. Работу ему только муниципалитет предоставлял... Я пыталась держать его здесь, со мной, но он бродил по ночам, исчезал в любое время суток, оставив дверь открытой. Тогда муж мой был еще жив и дочка была маленькая. Мы не могли позволить, чтобы он жил с нами. Он неделями где-то пропадал, а потом неожиданно появлялся здесь у задней двери. Я кормила его, давала ему денег. Он дважды сидел в тюрьме за воровство – крал сущие пустяки. Увидит в магазине что-нибудь блестящее, вещь ему понравится, и он сунет ее в карман. Без всякого злого умысла.

– Заранее прошу прощения за свой вопрос, но его когда-либо подозревали в причастности к исчезновению Джессики Коллинз? – спросила Эрика.

При этом предположении поведение Розмари резко изменилось.

– Да как вы смеете?! Моего брата можно назвать кем угодно, но детоубийцей?! Нет. Никогда. В нем не было злого начала, но даже будь у него приступы агрессии, такого он ни за что не смог бы спланировать.

– Спланировать? – переспросил Питерсон.

Розмари разволновалась, утратив самообладание.

– Это ведь был сложный случай, да? Она исчезла без следа... Я входила в число волонтеров, помогавших в те дни полиции. Мы прочесали весь парк, обыскали все сады.

– Полиция его допрашивала?

– Не знаю. Нет! Разве не вы должны это знать?

– Как я сказала, мне жаль, что мы вынуждены спрашивать об этом...

– Расследование было проведено самым тщательным образом! И теперь, двадцать шесть лет спустя, вы спрашиваете, не мой ли брат убил семилетнюю девочку?

– Миссис Хули, мы просто задаем вопросы, только и всего, – сказал

Питерсон. – И честно говоря, нам непонятно, почему при первой встрече, в парке, вы вели себя скрытно.

– Скрытно? В чем проявилась моя скрытность? Вы спросили, кто жил в доме у карьера, и я ответила, что это был Боб Дженнингс... С какой стати я должна была перед вами исповедоваться? Я вам не лгала. Просто ответила на те вопросы, что вы задали.

– Но вы ведь знали, что мы обнаружили останки Джессики?

– А моего брата давно нет в живых. И мне простительно... Я страдаю старческой забывчивостью. Так это теперь называется?

– Ваш брат был знаком или общался с Тревором Марксмэном? Его арестовывали в девяностом в связи с исчезновением Джессики.

– Нет. Мой брат не «общался» с осужденными педофилами.

– У вас есть ключ от дома у карьера?

Розмари закатила глаза.

– Нет. Сомневаюсь, что у него вообще был ключ. Он ведь жил там на птичьих правах.

– Как вы поступили с личными вещами брата?

– А он таковых практически не имел. То, что было, я сдала в местные благотворительные лавки. У него было серебряное ожерелье со святым Христофором, так оно похоронено вместе с ним.

– По-вашему, он был склонен к самоубийству?

Розмари глубоко вздохнула, лицо ее немного обмякло.

– Нет. Не было у него такой склонности. Что же касается повешения, он жутко боялся что-либо вешать себе на шею. В детстве он отказывался носить галстук и застегивать рубашку. Это одна из причин, по которой он остался неучем. Его исключали из всех школ, в которые ему случалось ходить. Святого Христофора, которого я упомянула, он носил на запястье. Поэтому, чтобы он сделал петлю и повесился... – Ее глаза заволокли слезы, и она вытащила из рукава салфетку. – Думаю, вы злоупотребляете моим временем и гостеприимством... Будут еще вопросы – приходите с адвокатом.

* * *

На улице заметно похолодало. Эрика с Питерсоном, выйдя за калитку, в окно с обзором на две стороны увидели, что Розмари вернулась на задний двор. Груда листьев теперь пылала. В руке старушка держала банку – по-видимому, с бензином. На дорогу падали оранжевые отблески.

– Думаете, это Боб Дженнингс? – спросил Питерсон, когда они зашагали к вокзалу.

– Не знаю. Может быть, – ответила Эрика. – Нужно найти видео, которое Марксмэн сделал в парке. Не исключено, что на пленках есть и Боб Дженнингс. Шансы невелики, но, возможно, у нас появится зацепка. И мы бы использовали ее, выступая с обращением в прессе.

– Если это он, придется доказывать, что Джессику убил мертвец, – заметил Питерсон.

– Я хочу выяснить, когда он умер. Хочу увидеть его свидетельство о смерти.

– Думаете, он еще жив?

– Я не знаю, что думать, – ответила Эрика.

Глава 31

Следственная группа под руководством Эрики больше недели усердно трудилась без отдыха, и в воскресенье она предоставила своей команде первый выходной. Сама она тоже попыталась расслабиться дома, понимая, что даже после короткой передышки будет чувствовать себя посвежевшей, но к полудню уже чуть не лезла на стену. Сразу же после обеда она прибыла в отделение Бромли и принялась искать видеозаписи, изъятые у Тревора Марксмэна. Несколько часов она рылась в архивных папках, надеясь найти пленки, DVD-диски или хотя бы флешку, но все было тщетно. Потом спустилась в громадное хранилище вещественных доказательств отделения Бромли. Пленки изымала местная полиция, и не исключено, что они могли пылиться где-нибудь в подвале отделения. Она знала только регистрационный номер видеозаписей.

Эрика уже хотела пойти вниз, но тут явился Крофорд.

– Не ожидал увидеть вас здесь, – произнес он.

– А я – вас, – парировала Эрика, смерив его взглядом. Одет он был в джинсы, джемпер и пальто. Она стояла, ожидая объяснения.

У него на лбу выступила испарина.

– Мобильник забыл... – И только эти слова сорвались с его губ, засигналил телефон в кармане его пальто. Крофорд вытащил его, сбросил звонок. – Другой свой сотовый, – добавил он.

– Понятно.

Эрика взяла чай и направилась в оперативный отдел. Крофорд пошел следом. Она стала возиться с бумагами, краем глаза наблюдая, как он ищет телефон на полу под своим столом.

– Я подумал, что выронил телефон здесь, но его тут нет.

– Техничка утром убиралась. Что за телефон?

– М-м, *Samsung*. Смартфон. Одна из старых моделей. Сзади на корпусе трещина.

– Я посмотрю.

Крофорд постоял с минуту и удалился. Эрика встала у окна, наблюдая, как он покинул отделение и перешел через дорогу, все это время о чем-то увлеченно разговаривая по телефону. Она отметила про себя, что надо бы за ним понаблюдать.

В начале седьмого Эрика тоже уехала из отделения. Долгие поиски в пыльном хранилище ни к чему не привели. Она позвонила в отдел по

расследованию нераскрытых преступлений. Ей ответила молодая женщина, и Эрика назвала регистрационный номер пленок, фигурировавший в одной из архивных папок, но та ее не обнадежила, сказала, что поищет.

Эрика ненадолго заскочила домой, где приняла душ и переоделась, а потом отправилась на традиционную встречу, которую она с нетерпением ждала. На ужин к Айзеку Стронгу.

* * *

К Айзеку она прибыла около восьми. Он жил в красивом доме в Блэкхите, отличавшемся неброской изысканностью обстановки, которая на Эрику всегда действовала умиротворяюще. Она планировала заночевать у него, чтобы они могли спокойно посидеть, выпить и от души наговориться. Айзек встретил ее в джинсах, футболке и синем фартуке. Из кухни выплывал аппетитный запах жарящегося цыпленка в сочетании с ароматом розмарина.

– Привет. Так, дай-ка я сначала на тебя посмотрю, потом впущу, – улыбнулся он. Эрика протянула ему две бутылки красного вина, которые купила заранее. Щурясь, он посмотрел на этикетки. – Словацкое. Интересно. Я еще такого не пробовал.

– С Радошинского виноградника. Приятное и весьма уважаемое британской королевской семьей. Так что для старой королевы вроде тебя в самый раз!

– Вот нахалка. – Он обнял ее.

Она проследовала за ним в кухню, светлую и изысканную, в стиле французской рустики: расписанные вручную белые шкафы, рабочие поверхности из светлого дерева. Из массивной белой керамической мойки он взял ведро со льдом, в котором охлаждалась бутылка просекко.

– Давай для начала что-нибудь игристое, – предложил Айзек, наполняя ее бокал.

Эрика обвела взглядом кухню и, как всегда, подумала, что Айзек, будучи судмедэкспертом, наверно, умышленно не использовал в интерьере металл. Она пытливо всматривалась в его лицо, пока он наливал вино.

– Как дела? – спросила Эрика. У нее еще не было времени поговорить с ним о чем-то другом, кроме расследования.

– Отлично, – машинально ответил он и добавил: – За дружбу. – Они чокнулись.

– Точно? Нельзя держать все в себе. – Она имела в виду гибель

возлюбленного Айзека, Стивена, убитого несколько месяцев назад.

– Мне трудно скорбеть о нем, не испытывая гнева... Это была игра в одни ворота. Я любил его, а он... Не знаю, были ли у него ко мне вообще какие-то чувства, – тихо произнес Айзек.

– Думаю, ты приносил в его жизнь стабильность, наполнял ее любовью – давал то, в чем он нуждался, – ответила Эрика.

– Именно что «давал». Я только и делал, что давал, ничего не получая взамен.

Возникло неловкое молчание. Айзек шагнул к плите, поставил на газовую конфорку кастрюлю.

– Я ценю, что ты не кормишь меня дребеденью, но я предпочитаю вообще не говорить об этом... хотя понимаю, что так и с ума сойти недолго.

– На этот счет правил не существует, – заметила Эрика. – Просто помни, что я всегда готова тебя выслушать.

– Спасибо... А теперь давай сменим тему.

– Ладно. О чем хочешь поговорить?

Айзек помешал в кастрюле и положил ложку на специальную подставку.

– Я не хотел сегодня говорить о работе, но экспертиза образца костного мозга, который я взял у Джессики Коллинз, выявила кое-что любопытное.

– Что именно? – Эрика поставила бокал на стол.

– В образце костного мозга, что я взял из правой большеберцовой кости, обнаружен высокий уровень химического соединения под названием тетраэтилсвинец.

– Еще раз – как?

– Тетраэтилсвинец. Это органическое соединение свинца, компонент, добавляемый в бензин для повышения его октанового числа. Теперь использование ТЭС запрещено, его перестали добавлять в бензин с девяносто второго года.

– Когда бензин стал неэтилированным, – закончила Эрика.

– Да. Я знаю, голова у тебя круглые сутки занята работой, но это, мне подумалось, должно тебя заинтересовать. – Айзек вернулся к столу и долил вина в ее бокал.

– Как тебе так много удалось выяснить по анализу костного мозга?

– У меня, естественно, не было возможности поработать с образцами ткани или крови, но условия, в которых находилось тело – завернутое в пленку, на дне озера, – обеспечило сохранность костей.

– Она была здоровым ребенком, хорошо питалась, и заботились о ней хорошо, насколько я могу судить.

– Уровень концентрации ТЭС позволяет предположить, что она подвергалась воздействию этилированного бензина перед смертью или что это вещество способствовало ее гибели.

– А это говорит в пользу моей версии о том, что ее похитили и держали в плену несколько недель до того, как утопили в карьере... Возможно, она подвергалась воздействию ядовитых газов, пока находилась в плену, – заключила Эрика.

– Ну, это уж тебе выяснять.

– Терпеть не могу, когда ты так говоришь.

– Всегда рад помочь, – криво усмехнулся Айзек.

Эрика отпила большой глоток вина, поставила бокал на стол и пальцем смазала конденсат на стекле.

– А вообще, в каком состоянии находится труп через двадцать шесть лет после захоронения?

– Смотря как он был захоронен, – заметил Айзек.

– Ну, как обычно – в могиле, в гробу.

– Зависит от обстоятельств.

– От каких?

– От разновидности гроба, условий захоронения. Порой можно видеть трупы, которые, пролежав много лет под землей, сохранились в удивительно хорошем состоянии. Процесс разложения замедляется, если тело похоронено в оцинкованном гробу из красного дерева. Дешевые гробы разрушаются, оставляя труп на милость земли и микроорганизмов. А что? Собираешься кого-то выкапывать? – Айзек встал, прошел к кухонному столу и вернулся с чашкой жареного миндаля.

– Не знаю. Может быть. Прежде, разумеется, мне придется дать обоснование. Я буду искать доказательство причины смерти. – Эрика взяла горсть миндаля и сунула его в рот, с наслаждением грызя орешки и смакуя на языке соль.

– А причина смерти установлена?

– Пока жду свидетельства о смерти. У меня есть подозреваемый, скончавшийся двадцать шесть лет назад... – В двух словах она рассказала Айзеку о Бобе Дженнингсе. – Причиной смерти называют суицид, но сестра говорит, ее удивило, что он покончил с собой.

– Если был задействован яд или смерть наступила в результате перелома костей, тогда следы могут остаться, но по прошествии двадцати шести лет, боюсь, ты просто рискуешь расстроить его родных.

- Он повесился, по документам это и есть причина смерти.
- В этом случае после стольких лет мало что можно обнаружить. От внутренних органов почти ничего не осталось. Правда, если шея была сломана, я это увижу.
- А кости? Что, если у него тоже в костях высокая концентрация тетраэтилсвинца?
- Ну и как ты увяжешь это непосредственно с Джессикой Коллинз?
- Да, ты прав, – вздохнула Эрика.
- И помни, чтобы эксгумировать тело, тем более по прошествии многих лет, нужно представить суду конкретные факты. Одним чутьем тут не обойдешься... Так, теперь совершенно другой вопрос: ты есть хочешь?
- Я голодна как волк, – с улыбкой ответила она.
- И от десерта не откажешься?
- Десерт я ем всегда. На данный момент только в этом я уверена абсолютно.

Глава 32

Перескакивая сразу через две ступеньки, Эрика поднималась на второй этаж отделения Бромли. В руках она сжимала толстую папку с материалами дела, на ходу уже в пятый раз проверяя, все ли бумаги уложены в должном порядке.

Был понедельник, ранний послеполуденный час. Более десяти дней назад были обнаружены останки Джессики, и теперь ей предстояло выступить перед высоким начальством с докладом о ходе расследования.

Пройдя через двустворчатые двери, она столкнулась с суперинтендантом Йелем. Тот держал в руке чашку с надписью «Кто здесь босс?», из которой чуть не выплеснулся чай.

– Уфф! Осторожней, Эрика! – воскликнул он, отпрыгивая назад, чтобы чай, если уж выльется из чашки, закапал не его туфли, а ковер.

– Простите, сэр! – извинилась она.

– Отлично выглядите, – похвалил он, заметив, что на ней черный костюм. – Кавалерия в полном сборе: командер Марш, помощник комиссара Брейс-Козуорси и пресс-секретарь с бегающими глазками...

– Коллин Скэнлан. Простите за чай, – еще раз извинилась Эрика, протягивая Йелю салфетку. – Мне жаль, что вас выставили из вашего кабинета, сэр. Командер Марш только час назад позвонил и предупредил, что помощник комиссара собирается быть у нас, хочет узнать, как продвигается следствие...

– Жарковато здесь, да? У вас вон верхняя губа вспотела, – указал он, промокая капли на чашке.

Эрика вытерла рот и двинулась дальше.

– Простите, сэр, мне нужно бежать...

– Сегодня взяли прихвостней Джейсона Тайлера! – крикнул он ей вслед. – Мы как следует его прижали. Пригрозили отнять детей у его жены. Он слил нам информацию на шестерых своих подельников, а также указал доступ к счетам в *PayPal*, которыми они пользовались. Скоро можно будет дело закрывать!

– Поздравляю, сэр. Великолепная новость. Только давайте потом...

Йель смотрел, как Эрика исчезает в дверях.

– «Потом»? Ха! Эх, Эрика. Продолжала бы вести это дело, так вся слава досталась бы тебе. А может, и повышение заслужила бы, – сочувственно пробормотал он. Потом, глотнув еще чаю, пошел вниз.

Эрика постучала в дверь кабинета Йеля. За его столом в накрахмаленной белой рубашке сидела Камилла – помощник комиссара. Ее белокурые волосы до плеч были разделены пробором на левую сторону, открывая высокий лоб. Бледное лицо изборождено морщинами, ярко-красная помада наложена столь густым слоем, что на стене, если б Камиллу отшвырнули к ней, остался бы отпечаток ее губ, подумала Эрика. Марш примостился на низеньком столике, стоявшем слева. Глаза усталые, рубашка мятая. Значит, все еще живет отдельно от Марси, сделала вывод Эрика. Колин Скэнлан, пресс-секретарь Столичной полиции, сидела справа, положив свои бумаги на краешек стола. Ее взгляд скользил по Эрике, Маршу и Камилле. На ней был строгий серый костюм, и, как многие женщины старше пятидесяти лет, она носила экстремально короткую стрижку, так что волосы торчали на ее голове каштановыми пучками.

– Простите, немного опоздала, – извинилась Эрика.

– Присаживайтесь, старший инспектор Фостер, – сказала Камилла. – Пока мы здесь прохлаждались, у меня заодно и кофе остыл. А то прям кипятик был, правда, Пол? – Она взяла стакан с кофе и отпила глоток, оставив на ободке алый отпечаток своих губ.

– Да, на вокзале готовят отменный кофе, – подтвердил Марш.

– Кто бы мог подумать, – согласилась она.

Эрика затруднялась определить, язвит Камилла или ведет светскую беседу. Коллин осторожно отпила из своего стакана и согласно кивнула.

– Итак, – произнесла Камилла, наблюдая за Эрикой. Та села за стол и принялась раскладывать материалы дела. – Вы подготовили для меня список подозреваемых? – Она протянула руку с безупречным маникюром, в ожидании пошевеливая пальцами с длинными красными ногтями.

– Прежде чем составить этот список, мне хотелось бы обсудить с вами возможных подозреваемых, – ответила Эрика.

– Понятно, – проговорила Камилла. – То есть вы предлагаете нам выполнить за вас вашу работу?

– Я этого не говорила, мэм.

– А о чем вы говорите? Обрисуйте же нам ситуацию... – Камилла имела привычку каждую свою фразу пропитывать наигранной учтивостью, что сбивало Эрику с мысли.

– За то короткое время, что я занимаюсь этим делом, мне удалось установить возможного подозреваемого. Это Боб Дженнингс, одинокий

старик, обитавший в хижине близ Хейзского карьера, где он поселился самовольно.

– Хорошие новости. И почему же вы не спешите вносить его в список?

– Роберт Дженнингс умер двадцать шесть лет назад, через три месяца после исчезновения Джессики. Повесился в хижине у Хейзского карьера.

– Думаете, его замучило чувство вины?

– Возможно. Я также подозреваю, что это был не суицид, потому и не спешу записывать его в подозреваемые. – И Эрика рассказала начальству то, что ей сообщила о самоубийстве брата Розмари Хули.

– После исчезновения Джессики карьер обследовали дважды. Скончался он через несколько дней после вторых поисков.

– Но ведь полиция обыскивала его дом?

– Да, одновременно с карьером. Но Джессика могла находиться в его хижине какое-то время в период с седьмого августа девяностого года до того дня, когда ее сбросили в воду. Сегодня утром из архива муниципалитета Бромли мне прислали вот это фото. – Эрика вынула из папки снимок.

Камилла взяла его, надела очки с тонкой золотой цепочкой, которая покачивалась, пока она рассматривала на фотографии лицо, как у гнома, с красными прожилками, крупный красный нос и копну темных волос с проседью.

– Я получила результаты токсикологической экспертизы останков Джессики Коллинз. В образцах костного мозга высокая концентрация химического соединения под названием тетраэтилсвинец. Это органическое соединение свинца...

– ...которое добавляли в бензин для повышения его октанового числа, таким образом получая этилированный бензин, – закончила за Эрику Камила.

– Да, мэм. Сегодня утром я разговаривала с Розмари Хули, и она подтвердила, что в хижине Боба имелся генератор, работавший на бензине. Это свидетельствует в пользу моей версии о том, что Джессику, возможно, держали в том доме, где она подвергалась воздействию бензиновых паров.

Камилла с минуту поразмыслила над ее словами, затем передала фото Маршу.

– Как я понимаю, вы встречались с Тревором Марксмэном?

– Да, и Тревор сообщил, что он знал Боба Дженнингса. Может, конечно, он мутил воду или подливал масло в огонь, однако имя его он упомянул сам. Как нам известно, на седьмое августа девяностого года у Тревога железное алиби, а где-то через неделю за ним установили

наблюдение. С Бобом Дженнингсом его никогда не связывали. Однако, возможно, Боб был подельником Тревора и помог ему похитить Джессику. – Далее Эрика сообщила, что пытается найти пленки, изъятые из видеокамеры Марксмэна.

– Я вижу, что работа проведена большая, Эрика, – сказала Камилла. – Но остается слишком много если и но, а мужчина тот умер, и, разумеется, допросить его не представляется возможным.

– Мэм, я хотела бы взять людей и обыскать хижину, пусть бы эксперты там поработали. Я видела план дома, там есть подвал. Шансы невелики, но вдруг мы обнаружим ДНК Джессики. И если найдем, тогда можно будет подать ходатайство об эксгумации тела Боба Дженнингса. Возможно, это позволит получить какую-то информацию. В обоих случаях шансов на успех очень мало.

– В последнем случае особенно, Эрика, но держите меня в курсе. Обыщите дом. И не тяните с расследованием. – Камилла переключила внимание на Коллин, которая сидела прямо и выглядела взволнованной. – В ближайшие дни организуйте пресс-конференцию с участием родных жертвы. Подготовьте новое обращение. Попробуйте встряхнуть людскую память. Эрика, желательно найти утерянные видеозаписи Тревора Марксмэна до пресс-конференции, при обращении они окажутся ценным подспорьем.

– Слушаюсь, мэм.

– Коллин, вы сумеете провести пресс-конференцию вместе с командером Маршем? Меня здесь не будет следующие несколько дней. Желательно, чтобы он погладил рубашку, прежде чем появиться перед камерами.

Марш, опустив глаза, разгладил на себе рубашку.

– Слушаюсь, мэм, – ответила Коллин. – Я планирую привлечь всю семью Коллинзов.

– Великолепно. Сплоченность и семейные ценности всегда производят хорошее впечатление. Я буду в отъезде, но пресс-конференцию посмотрю.

* * *

По окончании совещания Эрика спустилась с Маршем на подземную парковку. Они мирно беседовали и вдруг увидели, как из лифта выходит Камилла – вся в рокерской коже, с портфелем в руке. Они оба рты разинули от изумления. Камилла подошла к блестящему серебристо-черному

мотоциклу «Ямаха», положила портфель в корзину на багажнике, надела серебристо-черный шлем и толстые перчатки. Затем опустила визор и перекинула ногу через сиденье.

– Зато без пробок! – крикнула она. Взревел мотор. Махнув им на прощание, Камилла промчалась мимо к пандусу и оттуда выскочила на подъездную дорогу.

– Тебе не предложила прокатиться с ней на заднем сиденье, – заметила Эрика.

– Очень смешно. Если б предложила, это означало бы повышение. Весьма оригинальная женщина, – ответил он.

– Есть в ней что-то хищническое. Так и вижу, как она устраивает шумные вечеринки, на которых бросают ключи в фруктовую вазу на середине ковра.

– Она замужем за судьей одного из высших судов, – сообщил Марш, отпирая машину и открывая дверцу.

– Тогда, должно быть, они точно дают приемы.

– Ты бы делом лучше занялась. С ней ведь шутки плохи, Эрика.

– Слушаюсь, сэр. Я сообщу вам о результатах обследования домика у Хейзского карьера. И в следующий раз поглажу вам рубашку.

Марш повел глазами, сел за руль и тронул машину с места, выехав с парковки отнюдь не столь эффектно, как Камилла.

Глава 33

– Почему ты живешь здесь, на самом конце линии? – полюбопытствовала темноволосая девушка. С сигаретой в руке она стояла, опершись на перила балкона. Перекинув через плечо длинные темные волосы, она повернулась к Джерри. В одних спортивных штанах, он стоял у перил на другом краю балкона. Оценивающим взглядом она скользнула по его голому торсу – от мускулистой груди до пупка, тонувшего в темной поросли. – В Мордене. Это ведь самый конец линии метро, – добавила она.

– Нет, не конец, – возразил он тихо, с угрозой в голосе. – Это как посмотреть. Для кого-то конец, для кого-то – исходная точка множества направлений.

Джерри посмотрел на девушку, которую подцепил в супермаркете на Морден-Хай-стрит. Он надеялся, что она совершеннолетняя, во всяком случае, она не выглядела малолеткой. На ней была только его белая футболка, едва прикрывавшая ее ягодицы. А задница у нее хороша, подумал он, глядя на девушку. Она во всем была чертовски хороша. И знала это. Он почувствовал, что возбуждается.

– Ты всегда говоришь загадками? – улыбнулась она. – Чем ты занимаешься? Кем работаешь? – Сделав последнюю затяжку, девушка бросила окуроч с балкона. Они смотрели, как тот медленно летит вниз и, все еще тлея, падает на крышу «БМВ». – Черт, это не твоя? – спросила она со смехом, снова потряхнув длинными волосами.

– Нет, не моя.

Она подошла к нему. Если ее голые ступни и мерзли на бетонном полу, виду она не подавала. Он не предложил ей ни туфель, ни тапочек. Девушка повернулась к нему и стала медленно стягивать с себя футболку. Ее груди поднялись, когда она вскинула руки, снимая футболку через голову. На одном ее соске висела металлическая пластинка. На втором виднелись проколы от пирсинга и маленький шрам. Он подумал, что ей, возможно, нравится грубый секс.

Она улыбалась ему, довольная, что он пожирает глазами ее обнаженное тело, потом протянула руку с футболкой через перила и разжала пальцы.

– Это моя вещь, – возмутился Джерри. Футболка плавно опустилась на крышу «БМВ» рядом с окурком.

– Это же просто футболка.

Он ударил ее по лицу.

– Это не просто футболка.

Она поднесла ладонь к губе, но страх ее быстро исчез.

– Трахни меня здесь, – прошипела она, прижавшись к нему.

– Нет.

– Нет? – вздохнула она. – Ты уверен? – Она развернулась и ягодицами прижалась к его паху. – Ты можешь делать со мной что захочешь... – Она схватила его руку и сунула ее себе между ног. Он даже пальцем не пошевелил, но едва его ладонь коснулась ее лобковых волос, девушка принялась вскрикивать и извиваться. Он убрал от нее руку.

– В чем дело? – спросила она.

– Вскрики, стоны – все это дурацкое дерьмо из порнухи. Фальшь. Вызывает у меня только одно желание – снова ударить тебя.

Она повернулась, сложила на груди руки, ее сексуальный пыл угас. Теперь это была просто голая мерзнущая девушка на балконе.

– Хочешь, чтобы я сходила за твоей футболкой? – спросила она.

– Я хочу, чтобы ты ушла.

Она посмотрела на его грудь, прильнула к его теплему телу. Он видел, что она одинока и хочет остаться.

– Но я же только пришла... – жалобно произнесла она.

Он ударил ее кулаком в лицо, потом схватил за волосы и притянул ее лицо к своему. Учащенно дыша, она смотрела на него ошеломленно. Из носа у нее сочилась кровь.

– Намеков не понимаешь?

Он оттолкнул ее, она кинулась в комнату. Он закурил сигарету, через открытую дверь наблюдая, как она, обливаясь слезами, быстро одевается, подбирая с дивана джинсы и нижнее белье, что были там разбросаны. Напоследок она испуганно взглянула на него и ушла, хлопнув дверью.

Он шагнул к перилам, подождал несколько минут. Она показалась внизу, сойдя с лестницы, и убежала в темноту. Цокот ее каблуков постепенно затих.

– Черт, – выругался он. Было четыре часа утра. Он надеялся, что ему это не аукнется – что эта глупая девица доберется до дому без приключений.

Докурив сигарету, он неспешно спустился вниз по вонючей лестнице многоквартирного дома, минуя граффити на стенах, разбитые окна и мусор на лестничных площадках, и забрал с крыши «БМВ» свою футболку. Это была невзрачная белая футболка, но он носил ее во время двух командировок в Ирак. Эта футболка приносила ему удачу. Он надел ее и

поплелся наверх.

Добравшись до своей квартиры, он открыл дверь и прошел в спальню. Разбудил свой ноутбук, пошевелив мышкой.

Нашел программу с «троянским конем» и в половине пятого утра отправил эсэмэску с вирусом.

Глава 34

На следующий день в сумраке раннего утра по гравийной дороге, пересекавшей пустошь Хейзского парка, катил караван полицейских машин. Эрика вместе со своей командой и группой патрульных ехала обследовать заброшенную хижину у карьера. Автомобили припарковались почти у самой воды, там, где около двух недель назад она останавливалась вместе с сотрудниками Речной службы. Утро выдалось морозным, все были одеты по-зимнему.

Ее команда, всего десять человек, встала кругом, и Эрика провела инструктаж. Потом они взяли стаканы с чаем и кофе, наблюдая, как рассеивается темнота: чернильная синева постепенно светлела, пока на широкой водной глади не появилось отражение серого неба.

Несколько собачников, выгуливавших на пустоши своих питомцев, остановились и стали с любопытством наблюдать за действиями полицейских, но патрульный, занявший пост на удалении нескольких сот ярдов от каравана машин, велел им идти своей дорогой. Был установлен полицейский кордон, огорожен по периметру большой участок парка – кусок травянистой пустоши, подступающей к карьеру, а также подлесок с той стороны и заросли вокруг хижины.

Первую половину утра расчищали мелколесье и срезали кусты куманики вокруг заброшенного домика. Холодный воздух наполнился заунывным визгом электрокосилок.

Вместе с Джоном, Мосс и Питерсоном Эрика нетерпеливо ждала у одного из фургонов служб технической поддержки. Чтобы не замерзнуть, они пили чай и пританцовывали на месте. В начале десятого у Эрики зазвонил телефон, но только она достала его из кармана, он умолк.

– Уже третий такой звонок за утро, номер не определяется, – сообщила она, раздраженно глядя на дисплей.

– Рекламщики, – предположила Мосс, дуя на чай. – Меня они атакуют каждый вечер, как только сажусь ужинать. Силию это сводит с ума.

– В половине пятого мне пришло пустое сообщение. Номер не определился, – сказала Эрика.

– Это сообщение надо бы проверить, босс. Вы его не открывали?

Эрика покачала головой.

– А я никогда не получал эсэмэсок с закрытых номеров, – доложил Питерсон.

– Значит, твои подружки предпочитают оставлять на автоответчике пикантные сообщения? – усмехнулась Мосс.

– Отвали, – рассмеялся Питерсон.

К ним подошел Крофорд.

– Над чем смеемся? – спросил он, желая присоединиться к разговору.

– Над Питерсоном и его сексуальными цыпочками, – ответила Мосс.

– Я не прочь пошутить, но сегодня, вот честно, совсем не до вашего тупого юмора, – вспылила Эрика.

Они все уткнулись взглядами в землю. Крофорд нервно рассмеялся.

– В девяностом я оба раза принимал участие в обследовании карьера. – Театрально надув щеки, он кивнул в сторону водоема. – Сразу понимаешь, как быстро проходит жизнь. На следующий год мне исполняется сорок семь, – сказал он.

– А хижина? В ней оба раза искали? – спросила Эрика.

– Мы ничего не нашли. Решили, что она пустует.

– Но ведь Боб Дженнингс-то в ней жил, – заметил Питерсон, подув на чай.

– Зачастую трудно определить, занят кем-то заброшенный дом или нет. Самовольные поселенцы, они ведь в грязи живут, в нищете. Потому их и зовут скваттерами. – Повернувшись к Мосс, он возвел глаза к небу, рассчитывая на ее поддержку. – Кому-нибудь еще чаю? А то я собрался себе налить.

Они покачали головами, и Крофорд зашагал прочь. Жужжание электрокос продолжалось.

– Он меня бесит, – признался Питерсон.

– Со мной разговаривает свысока, хотя мы в одном звании, – сообщил Джон.

– Не волнуйся, приятель. Повышение не за горами, скоро ты его переплюнешь, – успокоил его Питерсон.

– А меня раздражает его манера шутить. Вечно пытается умничать, да еще таким веселенько-жизнерадостным тоном, – добавила Мосс.

Эрика умолчала, что в воскресенье видела Крофорда в отделении и вел он себя подозрительно. За ним следует понаблюдать, решила она.

Визг электропилы, треск дерева – и несколько кустарников в подлеске упали, обнажив половину хижины со стороны воды. Они повернулись, наблюдая, как оттаскивают прочь поваленную растительность.

– А дом в более приличном состоянии, чем я думал, – произнес Питерсон. Дымовая труба обрушилась, но крыша на вид была целой и невредимой. Почти все окна были разбиты, однако сами рамы уцелели.

- Какие сведения от коммунальных компаний? – спросила Эрика.
  - К энергокомпаниям дом не подключен, электроэнергии нет. Водопровод был, и септик тоже есть. Канализации нет, – ответил Питерсон.
  - Возможно, в септике сохранились какие-нибудь улики, – встрял в разговор Крофорд, подходя к ним сзади со стаканом горячего чая в руке. – Если, конечно, его не опорожнили.
  - Вы правы. Не возражаете, если я поручу вам найти септик и исследовать его содержимое? – спросила Эрика.
  - Э-э... ну, вообще-то я надеялся принять участие в обследовании внутренних помещений дома... – начал Крофорд.
  - Нет, я хотела бы, чтобы вы занялись септиком. Возьмите себе в помощь двух патрульных. Перчатки и защитная одежда в фургоне службы технической поддержки.
  - Слушаюсь, босс. – С кислым выражением на лице Крофорд направился к фургону.
- Мосс и Питерсон отвели глаза, едва сдерживая улыбки.

Глава 35

Продираясь сквозь заросли, окружавшие хижину, в сопровождении двух молодых патрульных, Крофорд размышлял о своей жизни. Он был неплохим полицейским. Трудился усердно, порой – не жалея себя, но так и не достиг высот, к которым стремился, которых, по его мнению, заслужил. Он мечтал о звании суперинтенданта или даже старшего суперинтенданта, но мечты его разбились в пух и прах, и в сорок семь лет он по-прежнему оставался констеблем.

Совсем недавно он принимал участие в расследовании одного убийства, выполняя приказы старшего инспектора, который был на пятнадцать лет моложе, что приводило его в бешенство. А теперь вот ищет отстойник. Увидев на земле гребень борозды, однородную длинную выпуклость, что тянулась рядом с тонким стволом срубленного дерева, на мясистом срезе которого блестела влага, Крофорд остановился, пнул ногой грунт, думая, что нашел край септика, но бугор осел под его ботинком.

Вздыхнув, он оглянулся на фургон, у которого стояли Мосс, Питерсон, констебль Макгорри и старший инспектор Фостер. Джон Макгорри был на двадцать лет моложе него, но в скором времени, по всей видимости, этого парня ждало повышение.

Сам Крофорд давно утратил интерес к службе, особо не усердствовал – лишь бы претензий к нему не было, но все равно считал, что он достоин большего.

Много лет он занимался сбытом наркотиков, изъятых на черном рынке. Неплохой приработок, рассуждал Крофорд, один из способов получить то, что ему причиталось. Но он не зарывался, зарабатывал на стороне лишь столько, чтобы немного улучшить свое материальное положение, не вызывая подозрений. В этот бизнес втянула его Аманда Бейкер еще лет пятнадцать назад. Жена его не догадывалась, что он спал с Амандой, а потом их отношения выдохлись сами по себе. Но теперь Аманда снова объявилась, напоминала о себе, как колючка в боку, угрожая выдать его, если он не окажет ей ту или иную услугу. За минувшие годы он несколько раз помогал ей избавиться от штрафов за неправильную парковку и дважды аннулировал протоколы, составленные на нее за вождение в нетрезвом виде, иначе она попросту лишилась бы водительских прав.

В кармане у Крофорда зазвонил телефон, он вытащил свой мобильник. Увидел, что он достаточно далеко отошел от своих помощников,

производивших поиски ближе к хижине, и теперь находился на более ровной, каменистой поверхности. На дисплее высвечивался номер Аманды Бейкер.

– Ты где? Что там за шум? – спросила она. Ни здрасьте, ни как дела. Ни капли уважительности в тоне. Она по-прежнему разговаривала с ним, как начальник.

– Я на работе, – шикнул он в трубку. – Не могу сейчас говорить.

– Она рядом, старший инспектор Фостер?

– Нет.

– Тогда можешь. Мне нужны видеозаписи, те, что изъяли у Тревора Марксмена.

– Нам не удалось их найти.

– Затем я и звоню. Я тут перебирала в уме события того времени и кое-что вспомнила. Я просила кое-кого в Кройдонском отделении посмотреть эти пленки, и их отправили туда. Организуй, чтоб кто-нибудь порылся у них на складе вещдоков. Возможно, пленки все еще там. Только сначала сделай с них копии, а потом уж отдавай Фостер.

– На что они тебе? – спросил он.

– У меня чутье. Пока ничего объяснять не буду, а вот докопаюсь до сути, дам тебе эксклюзив, и вся слава достанется тебе... Может, наконец получишь долгожданное повышение, – добавила она, издав издевательский клокочущий смешок.

Крофорд оглянулся на хижину. Подступы к дому расчистили, прибывшая группа экспертов-криминалистов обменивалась рукопожатиями с Фостер, Мосс и Питерсоном. *Даже этот дебильный молокосос Джон Макгорри в самом центре событий,* – подумал он, – *а мне она поручила искать чертов отстойник.*

Сжимая в руке телефон, он повернулся к ним спиной.

– Ладно. Пленки постараюсь достать, – шепотом ответил он. – Надеюсь, буду стараться не зря.

Глава 36

Первыми в дом вошли эксперты-криминалисты. Эрика ждала, расхаживая по берегу карьера. Утренние часы сменяли один другой. Солнце оставалось за облаками, но водоем, окаймленный сухими камышами и кое-где – голыми деревьями, поражал удивительной красотой. Она смотрела, как легкий ветерок бередит воду, образуя на ее поверхности рябь. Шесть уток стайкой одновременно опустились на воду и поплыли, оставляя за собой на ее глади двенадцать ровных полос. Эрике стало стыдно, что она любит красоту карьера.

– Нас просят подойти: в доме что-то нашли, – раздался у нее за спиной голос Мосс. Эрика быстро смахнула с глаз слезы и повернулась.

Возле хижины они втроем – Эрика, Мосс и Питерсон – залезли в синие бумажные комбинезоны и надели на лица маски. Руководитель группы криминалистов Нилз Акерман, молодой мужчина чуть старше тридцати лет, с красивым лицом и высоким нордическим лбом, откинул на одну сторону длинную полиэтиленовую простыню, что укрывала входную дверь. Он с улыбкой кивнул, пропуская их в дом.

В хижине было сумрачно, что Эрику поразило. Дверь открывалась прямо в тесную комнатку; в нос ей сразу ударил сладковато-кислый запах запустения. Оглянувшись на Мосс с Питерсоном, Эрика поняла, что вонь им тоже противна. Пол представлял собой покрытие с черно-белым узором, усеянное битым стеклом.

– Пол – птичье дерьмо, его здесь тонны, – сообщил Нилз. – Мы поскребли немного по краям: ниже паркет. – В его безупречном английском слышался едва уловимый шведский акцент.

– Некоторые платят огромные деньги, чтобы так украсить пол, – пробормотала Мосс.

В обсыпающемся потолке виднелись гнилые балки, на штукатурке расплывались водяные разводы, усугублявшие атмосферу сырости. Посреди комнаты громоздилась обмякшая груда, заляпанная птичьим пометом и заваленная старыми газетами и осколками стекла. В нескольких местах из нее торчали ржавые пружины, указывавшие на то, что это были остатки дивана. Одна из криминалистов старательно трудилась под ярким светом: сняв слой помета и обивку с истончавшей подушки, она пыталась исследовать наполнитель – поропласт. От жара лампы диван испускал пар.

В углу у грязного растрескавшегося окна находился стол со старыми

кружками и следами попыток развести огонь. В комнате были еще два пепелища: одно у задней стены, второе – у входной двери. У испачканной в саже стены валялся мусор, оставленный наркоманами: обрывки почерневшей фольги, шприц, согнутые чайные ложки. Эрика прошла к участку стены, испещренному коричневыми точками.

– Брызги крови, скорее всего, наркоманов, но образцы мы взяли, – сказал Нилз.

– Что наверху? – поинтересовалась Мосс, взглянув на оседающий потолок.

– Там еще никто не был. Лестница сгнила и обрушилась. Нужно проверить, насколько надежны элементы конструкции, только потом будет ясно, можно ли туда подняться.

Мимо окна с потрескавшимся стеклом скользнула тень. Эрика вздрогнула.

– Черт, – выругалась она, сообразив, что это всего лишь силуэт одного из патрульных, работавших снаружи.

Нилз повел их через низкий дверной проем вглубь хижины. Кухня была старой и такой же грязной, как жилая комната. Вдоль одной стены тянулся низкий рабочий стол со шкафами без дверец, в которых, кроме парочки пыльных кастрюль и в одном месте – черной подпалины, ничего не было. Такие же шкафы некогда висели и над столом, но теперь, разломанные, они валялись посреди комнаты. В стене от них остался один крепеж – дыры с дюбелями. На потолке вместо светильника – дырка с торчащими из нее проводами.

– Что это за запах? – спросил Питерсон, ладонью в перчатке зажимая спрятанный под маской нос.

Нилз кивком показал на небольшое окно над каменной мойкой. В стекле была порядочная дыра, измазанная засохшей кровью и забитая разлагающимся трупом голубя, который, видимо, пытался через нее вылететь.

Эрика шагнула к мойке. Вонь усилилась.

– Это... – начала она, заметив в раковине засохшие бурые кучки.

– Дерьмо, – подтвердил Нилз. – Возможно, наркоманы навалили.

По потолку, который был чуть выше, чем в жилой комнате, проходила опорная балка.

– Боб Дженнингс случайно не на ней повесился? – спросила Мосс.

– Трудно сказать. Зато я нашел вот это, – ответил Нилз.

Он подвел их к высокому дверному проему в углу помещения; сама дверь, гнилая, лежала на полу. Яркая лампа, прикрепленная к косяку,

освещала узкую грязную лестницу, убегавшую в темноту, где клубилась пыль. Несколько ступенек покрывали затвердевшие коричневые кучки, птичий помет и мусор.

Нилз шагнул на лестницу и рукой в перчатке показал вверх. С крюка на потолке над лестницей свисал обрывок истлевшей веревки.

– Возможно, это от петли, – сказал Нилз. – Все, что осталось от веревки, я возьму на экспертизу. – При обнаружении висельника полиция всегда следила за тем, чтобы петлю как вещественное доказательство снимали, не нарушив узел. – Пожалуйста, идите за мной, – продолжал Нилз. – Только под ноги смотрите и ступайте по краю ступенек. – Вслед за ним они шагнули на лестницу и стали спускаться вниз по скрипучим ступенькам.

Подвал был маленький, тесный, с низким потолком, и Эрика почувствовала, как ее охватывает паника. В углу на подставке стояла еще одна лампа, и хотя светила она ярко, местами подвал оставался в тени. Его стены имели темно-коричневый цвет, углы заросли паутиной, пол был земляной, неровный. Сверху, где работали люди Нилза, доносился приглушенный скрип.

– А здесь тепло, – заметила Мосс.

– С приближением зимы земля отдает запасенное тепло, – объяснил Нилз.

Как и в верхних помещениях, здесь тоже виднелись несколько маленьких пепелищ с горстками горелой фольги и сожженного дерева. На утрамбованном светло-коричневом полу выделялись большие участки черного цвета. Эксперты, стоя на коленях, внимательно исследовали выкопанные комки почерневшей земли.

– Эти участки грунта пропитаны жидкостью, – доложил Нилз.

Он взял прозрачный пакет, в который была насыпана земля, и дал его Эрике. Она понюхала грунт и, хоть и была в маске, запах узнала сразу.

– Бензин, – произнесла она, отдавая пакет Питерсону. – Думаете, здесь находился генератор?

– Возможно. Судя по всему, наркоманы и тут огонь разводили, так что это может быть и жидкость для розжига, – сказал Нилз. Питерсон передал пакет с землей Мосс. – Вентиляции здесь нет, и если генератор стоял в подвале, концентрация отработанных газов тут была высокая.

Они втроем переглянулись.

– Кажется, я что-то нашел, – раздался приглушенный маской голос одного из криминалистов. Он повернулся к ним, держа пинцет с каким-то мелким предметом. – В землю был втоптан.

У Нилза был наготове маленький целлофановый пакетик, в который и положили находку. Он поднял пакетик к свету, и они все вытянули шеи, разглядывая его содержимое.

Это был маленький зуб. Несколько мгновений длилось молчание. Эрика посмотрела на Мосс и Питерсона.

– У Джессики Коллинз, когда мы обнаружили ее скелет, отсутствовал один передний зуб... Срочно на токсикологический анализ, – распорядилась Эрика, стараясь говорить спокойно. Нилз кивнул. – Если подтвердится, что зуб принадлежит Джессике, значит, дело почти раскрыто.

Глава 37

Когда эйфория, вызванная находкой зуба, улеглась, они поднялись наверх и присоединились к группе Крофорда, занятой поисками отстойника, но его так и не нашли. Дом стоял в густых зарослях, куда многие годы сбрасывали землю и всяческий мусор, поверх которых разрастались деревья и кустарники.

Нилз уехал вместе со своей командой экспертов-криминалистов, забрав с собой зуб, найденный в подвале. Эрике казалось, что они близки к разгадке и в то же время бесконечно далеки от нее. Зуб мог предвещать скорое раскрытие преступления, но где гарантия, что он не принадлежал кому-то из наркоманов или самовольных поселенцев, ютившихся в этой жуткой хижине за последние двадцать шесть лет? Оставалось только ждать результатов экспертизы.

В половине восьмого вечера операция по обследованию дома была прекращена. Полицейские упаковали свои вещи, расселись по машинам и караваном покатали прочь от карьера. Эрика ехала в микроавтобусе с Мосс, Питерсоном, Джоном, Крофордом и еще двумя сотрудниками отдела по раскрытию преступлений, принявших участие в поисках. Снова засигналил ее телефон. Она достала его и увидела, что звонят с анонимного номера. Сбросив звонок, Эрика прислонилась головой к окну, не обращая внимания ни на то, что стекло холодное, ни на тряску, которой сопровождалось их медленное продвижение к выезду из парка. Мимо проплывали голые деревья.

* * *

По прибытии в отделение Бромли Эрика пригласила свою команду в один из пабов на центральной улице, где они заняли длинный стол. В зале было оживленно, шумно, многие посетители пришли сюда расслабиться после тяжелого трудового дня.

— Скорей всего, ее держали в той хижине у карьера... — промолвила Эрика, пальцем рисуя на запотевшем бокале. Вместе с Мосс и Питерсоном она сидела на одном конце длинного стола. — У того, кто похитил Джессику, времени было мало. Не исключено, что сначала ее похоронили там, в подвале.

– И криминалисты это раскопают, босс. Нужно просто немножко подождать, – сказала Мосс.

Глянув на остальных своих сотрудников, которые болтали и смеялись, Эрика понизила голос:

– Завтра хочу поговорить с Крофордом. Он принимал участие в первом расследовании и, вероятно, мог бы ответить на многие наши вопросы относительно пропавших документов и вещественных доказательств. Проблема в том, что тех людей, которых не воспринимаешь всерьез, зачастую просто не замечаешь. И в этом я не оригинальна.

– Не надо есть себя поездом, босс.

– Вы достали его досье?

– Да. Заурядный полицейский, без взлетов и падений. Нудный, инертный, но черных пометок напротив его фамилии нет.

Эрика отпила большой глоток пива.

– Если выяснится, что зуб принадлежит не Джессике, мы сядем в лужу. Но даже если зуб ее, мне придется доказывать, что девочку убил человек, прежде не имевший склонности к агрессии и к тому же скончавшийся двадцать шесть лет назад.

– Если это он, вы только представьте, сколько денег вы сэкономите тюремной службе, – заметил Питерсон. – С минуту они молча потягивали пиво. – Простите, босс. Неудачно пошутил.

– Ерунда. Нам всем хотя бы на пару часиков нужно попытаться расслабиться. От меня толку мало, не умею я веселиться.

– Что верно, то верно, – подтвердила Мосс. – И за это я вас люблю. И нам не обязательно веселиться. Я готова поскучать рядом с вами. Благодаря вам я избавлена от морщин. На три года моложе выгляжу из-за того, что мало улыбаюсь. – Эрика рассмеялась. – Ну вот, теперь и морщины появятся, – со смехом добавила Мосс. Зазвонил ее телефон, она достала его. – О. Это Силия. Извините, но я должна ответить.

Она протиснулась мимо них и вышла на улицу.

– Хотите верьте, хотите нет, но мне нравится работать с вами. Я скучал по вас, – признался Питерсон. Эрика посмотрела на него, испытывая легкое головокружение, и отметила, что пьет уже третий бокал.

– Неужели? Не может быть!

– Ну разве что чуть-чуть. – Питерсон подмигнул ей. Задержал взгляд на ее лице. Она улыбнулась в ответ. Он стал говорить что-то еще, но Эрика, вдруг запаниковав, его перебила:

– Я в уборную.

Она протиснулась мимо него, прошла в туалет и заперлась в одной из

кабинок. Сидя на опущенной крышке унитаза, сделала глубокий вдох. Ей было стыдно, что она отдыхает в пабе, в то время как убийца Джессики Коллинз все еще разгуливает на свободе. Стыдно, что не может напасть на след убийцы. Ей было неловко, что Питерсон флиртовал с ней... А он с ней флиртовал? Или она втайне надеялась, что он флиртовал?

– Соберись, – вслух велела себе Эрика.

– Что? – спросили из соседней кабинки.

– Ничего, простите, – пробормотала Эрика. Она вытащила свой телефон и увидела, что на автоответчик поступили еще два сообщения с анонимного номера. – Кто бы это мог быть? – буркнула она себе под нос. Хотела проверить свой автоответчик, но сигнала не было. Несколько минут она еще посидела в кабинке. Где-то рядом смыли унитаз, затем зашумела сушилка для рук.

Мысли Эрики снова переключились на Джессику Коллинз. Будь та жива, теперь бы ей было тридцать три года. А что, если б она не отправилась на тот злополучный день рождения много лет назад? Что, если б она вышла из дома на несколько минут раньше или позже? Возможно, сейчас она была бы одной из тех женщин в баре – развлекалась, играла в «Кто хочет стать миллионером?» на игровом автомате, смеялась с подругами.

А потом Эрика задумалась о своем прошлом. Что, если б они с Марком решили остаться в постели в тот роковой день, когда проводилась операция по захвату нарколаборатории? Ее жизнь сложилась бы иначе. Сейчас она была бы с ним дома, они смотрели бы телевизор, или предавались любовным утехам, или обсуждали ее рабочий день... *Я – вдова, – думала она. – Но мне только сорок четыре... Я могла бы иметь детей. Почему бы нет? Ведь есть же женщины, которые благополучно рожают и на пятом десятке.*

От рулона туалетной бумаги она оторвала листик и промокнула глаза, решив, что ей пора домой. Три бокала – это ее предел.

Выйдя из уборной, она увидела, что Питерсон сидит один за длинным столом, охраняя их напитки.

– Долго я отсутствовала? Надолго потеряла счет времени? – спросила она.

– Нет. Джону позвонила его подруга, интересовалась, где он пропадает. Мосс позвонила Силия: у Джейкоба температура и она переживает за него... Патрульные только что свалили в «Уэзерспунс»^[23].

– Понятно. – Эрика села напротив Питерсона. Возникло неловкое молчание.

– Надеюсь, я не очень вас смутил. – В рубашке с закатанными рукавами, с кривой улыбкой на красивом лице, он откинулся на спинку стула. – Я просто хотел сказать, что мне вас не хватало. Я не ждал какой-то особенной реакции. Просто хотел, чтобы вы это знали.

– Нет, ничуть. На самом деле это комплимент, так что спасибо. – Она приподняла бокал, они чокнулись и допили свое пиво.

– Еще по одному? – спросил Питерсон.

– Нет, мне пора. Завтра хочу пораньше быть на работе. Нужно найти видеопленки, поторопить криминалистов с экспертизой зуба...

– И то верно.

Только они встали, собираясь уйти, от стойки бара, у которой толпились посетители, к столу вернулся Крофорд с подносом, полным напитков.

– Куда народ подевался? Я три часа в очереди стоял, чтобы всех угостить.

– Все ушли, приятель, – ответил Питерсон.

Все трое смущенно топтались на месте.

– Спасибо, – поблагодарила Эрика. – Вы уж извините, я не могу остаться.

– Я тоже, – вторил ей Питерсон. – Спасибо, приятель, не обижайся. – Они попрощались и ушли, оставив его одного с подносом напитков.

– Вот сволочи, – буркнул Крофорд. Он сел за пустой стол и взял один из бокалов.

Глава 38

Эрика с Питерсоном вышли на центральную улицу, по которой разгуливали компании, переходившие из паба в паб. В молчании они направились к железнодорожной станции, там стояло одно-единственное такси с работавшим вхолостую мотором.

– На такси? – спросил Питерсон.

– Да. Сил нет.

– У меня тоже.

Они оглядели дорогу из конца в конец. Других машин не было. Закапал дождь, быстро превратившийся в ливень.

– Едете или нет? – спросил водитель, опуская стекло. За рулем сидел старик, на вид довольно жалкий, с редкими седыми волосами, едва прикрывавшими его голову. Питерсон открыл дверцу, они оба сели на заднее сиденье, оставив между собой зазор.

– Куда? – спросил таксист.

– Сначала ее, в Форест-Хилл, потом в Сиднэм, – ответил Питерсон.

– Нет, сначала тебя. В Форест-Хилл ехать через Сиднэм, – сказал старик.

– Нет уж, сперва ее завезем, она – мой босс, – пошутил Питерсон.

Закатив глаза, старик тронул машину с места. Они ехали в молчании; по крыше автомобиля стучал дождь; мимо скользила темнота. Машин на дорогах было мало. Эрика украдкой посмотрела на Питерсона. В кои-то веки ей не хотелось быть придавленной грузом жизни, горя и ответственности. Хотелось заснуть в объятиях мужчины. Хотелось по пробуждении увидеть рядом кого-нибудь, чтобы не чувствовать себя несчастной и одинокой.

Питерсон повернул к ней голову, их взгляды встретились, и они оба тотчас же отвели глаза. У Эрики гулко стучало сердце. Такси свернуло на Манор-Маунт и стало взбираться на крутой холм к ее дому. Мимо промелькнули здания, и вот они уже на месте.

– Первая остановка, – объявил водитель, затормозив. На дверцах щелкнули автоматические замки.

– Хотите глотнуть кофе? У меня дома? – предложила Эрика.

В лице Питерсона отразилось удивление.

– Не откажусь... Было бы здорово.

Они расплатились с расстроенным таксистом, выбрались из машины и

бегом кинулись через парковку к дому. Эрика увидела свет в подъезде и белокурую женщину с детьми.

У двери она стала рыться в сумочке, доставая ключи. Питерсон обнял ее одной рукой, привлек к себе и чмокнул в щеку. Эрика повернулась к нему, улыбнулась. Хотела что-то сказать, но услышала возглас:

– Эрика!

Дверь распахнулась, и из подъезда выскочила высокая блондинка. Копия Эрики. С миловидным славянским лицом и миндалевидными глазами. На плечи ей падали длинные влажные светлые волосы. Она была в длинном черном пальто, надетом поверх облегающих синих джинсов и кофточки с глубоким вырезом. За ней Эрика увидела маленького темноволосого мальчика и девочку, тоже с темными волосами, а еще дорожную детскую коляску, в которой спала малышка. Блондинка крепко обняла Эрику и затем отступила от нее на шаг.

– Как же я рада видеть тебя. Целый день названиваю! – вскричала она.

– Кто это? – опешил Питерсон.

– Моя сестра, Ленка, – ответила Эрика.

Глава 39

Эрика помогла Ленке занести в квартиру чемоданы, коляску и племянника с племянницей. В окно подъезда она видела Питерсона. Тот, натянув на голову куртку, стоял на обочине под проливным дождем, пытаясь поймать такси. Она предложила ему зайти к ней, вызвать по телефону такси и в квартире дожждаться его приезда, но Ленка что-то тараторила ей по-словацки, а потом заплакала малышка, и он ушел, на прощание смущенно махнув ей рукой.

Ее племянник и племянница, Якуб и Каролина, выглядели очень утомленными, но, несмотря на обстоятельства, при виде них она почувствовала, как ее сердце наполнилось радостью. Теперь им было пять и семь лет. Эрика с изумлением отметила, что дети сильно подросли. Она включила свет, центральное отопление и попросила гостей пройти в гостиную, сказав, что скоро вернется.

А сама выскочила в подъезд, оттуда – под дождь и, опустив голову, помчалась по гравийной тропинке. На тротуаре было пусто. Она различила вдали задние красные огни такси, заворачивавшего за угол у подножия холма. С минуту Эрика постояла под дождем, заливавшим ее лицо. У нее было такое чувство, будто она кого-то потеряла. Но ведь это же Питерсон, напомнила себе Эрика. Завтра она его увидит.

Эрика вернулась в дом. Дверь в ванную была плотно закрыта. Якуб с Каролиной сидели на диване, малышка – между ними. Сжимая в кулачке указательный палец Каролины, беззубым ртом она улыбалась брату и сестре. Головку ее покрывала розовая шапочка, спереди украшенная разноцветными пуговками.

– Как маленькая Эрика?

– Мы зовем ее Эвой, – сообщил Якуб. Вцепившись в свою футболку с символикой футбольного клуба «Манчестер Юнайтед», он откинулся на спинку дивана.

– Мама в туалете, – доложила Каролина, робко поднимая на нее глаза.

– Ну, и как у нас дела? – спросила Эрика, подходя к детям. Каролина позволила ей поцеловать себя, но Якуб со смехом увернулся. – Я скучала по вас.

– В Лондоне всегда так дождливо? – спросила Каролина.

– Да, – улыбнулась ей Эрика, пощекотав под подбородком ее маленькую сестричку. Якуб достал свой мобильный телефон и принялся

умело просматривать игры.

– Новый? – любопытствовала Эрика.

– Да, последняя модель, – беспечно бросил он. – Какой у тебя пароль вай-фая?

– Пока не заплатишь, – не скажу, – заявила Эрика. – Два поцелуя за час доступа.

– Что? – рассмеялся он.

– Цена пароля...

Якуб закатил глаза, подставляя ей свое лицо.

– Чмок-чмок! – произнесла Эрика, целуя его. – Пароль – «Я-Диббл1972»^[24].

Мальчик поморщился, и она помогла ему набрать незнакомое слово. Каролина тоже достала свой айфон, тоже последней модели. Эрика и ей помогла завести пароль.

– Пить хотите?

Дети кивнули. Эрика прошла к буфету, нашла сок черной смородины, который она купила для племянников в их предыдущий приезд, налила каждому по бокалу. Ставя сок на журнальный столик, Эрика увидела, что на нем все еще лежат снимки скелета Джессики Коллинз. Она успела убрать папку до того, как дети заметили фотографии. Послышался шум воды, спускаемой в унитаз. Из ванной вышла Ленка. Бледная и озабоченная.

– Ты почему не сообщила, что приезжаешь? – спросила Эрика, беря на руки малыша и прижимая ее к себе.

– Я пыталась – звонила тебе, оставляла сообщения, а ты трубку не брала!

– Постой, так это у тебя анонимный номер?

– Да...

– Почему?

– Я теперь таким пользуюсь, – уклончиво ответила Ленка.

– Я работаю. Работа у меня нервная, и я была бы очень признательна, если б ты заранее предупредила о своем приезде. Ты же видишь, какая крошечная у меня квартирка, и...

– Я хотела предупредить, но ты не отвечала!

– Даже если б я ответила, ты все равно поставила меня в известность в последний момент!

– Но я же твоя сестра!

Раздалось хлюпанье: Якуб допивал сок, не отрываясь от айфона. Каролина на секунду отвлеклась от своего телефона и спросила:

– Кто был тот большущий негр?

– Что? А-а, коллега. Сотрудник полиции. Мы с ним вместе работаем...

Каролина посмотрела на Ленку. Та, вскинув брови, заметила:

– Он обнимал тебя. А было почти десять часов...

– Ленка, давай позже об этом поговорим, – серьезно произнесла Эрика.

– Непременно. Я все хочу о нем знать.

Эрика улыбнулась. В душе она была рада встрече с сестрой.

– Итак. Кто хочет есть? – спросила она. – Кому пиццу? – Дети заулыбались, вытянули вверх руки. – Отлично. В выдвижном ящике есть меню.

Они заказали пиццу, потом, пока Ленка купала детей, Эрика прибралась в гостиной, постелила на диване постель. Всякое раздражение на сестру улетучилось, когда она услышала пронзительный смех племянника и племянницы, помогавших матери купать малышку. С появлением родных ее квартира преобразилась. Пахло духами ее сестры. Пахло домом.

Через час доставили пиццу. Дети набросились на нее, хватая горячие куски, подбирая губами волокна расплавленного сыра. Ленка привезла с собой DVD-диск с мультфильмом «Рапунцель: Запутанная история». Она поставила его и, сидя в кресле у окна, что выходило во двор, стала кормить малышку.

Дети, насытившись, устроились на диване перед телевизором и заснули прямо на середине фильма.

– Я ведь видела их несколько месяцев назад, а они вон уже как повзрослели, – промолвила Эрика, глядя на порозовевшие спящие лица. Эва после кормления тоже заснула, и Ленка положила ее в коляску под одеяло. Эрика поцеловала детей, накрыла одеялом Якуба и Каролину.

– Каролина такая высокая стала, – заметила она.

– Знаю. Уже ругаюсь с ней из-за губной помады. Малюется, а ведь ей только семь.

– Ты себя вспомни. Краситься начала, едва научилась ходить, – сказала Эрика. – Только выпустила изо рта мамкину сиську и сразу за «Макс Фактор».

Ленка рассмеялась, но потом сникла.

– Мы можем поговорить?

– Конечно. – Эрика открыла дверь во двор и увидела, что дождь прекратился. Они надели пальто и вышли на холод.

– Это твой сад? – спросила Ленка, всматриваясь в темноту.

– Квартиру я снимаю, но, в принципе, да. Так ты объяснишь, почему

явилась в Лондон, ко мне домой, неожиданно-негаданно?

– Я же объясняла. Я пыталась дозвониться до тебя, но ты не брала трубку и сообщений моих не слушала.

– Виновата, извини. Почему ты звонишь с анонимного номера?

Ленка прикусила губу.

– Дома все сложно. Нужно было уехать. Да и дети давно не видели Лондон.

– Ну-ну. Учебный год идет. И ты забрала их из школы, чтобы они погуляли по Лондону в начале ноября? Где Марек?

– Он... э-э... – Глаза Ленки наполнились слезами. – У Марека небольшие неприятности, в бизнесе.

– Его бизнес – организованная преступность.

– Не говори так!

– А как, по-твоему, я должна говорить? Мафия? Или прикажешь сделать вид, что он владеет самым прибыльным киоском мороженого во всей Восточной Европе?

– Эрика, у него настоящее коммерческое предприятие.

– Знаю. И почему вы оба не можете этим удовлетвориться?

– Ты же знаешь, какая жизнь дома. Сама ты давным-давно уехала и назад не возвращалась.

– Где Марек?

– Уехал.

– Куда?

– В Высокие Татры. Один из местных парней считает, что Марек его обкрадывает.

– Из местных мафиози?

Ленка кивнула.

– А он обкрадывает?

– Не знаю... он ничего мне не рассказывает. На прошлой неделе заставил меня сменить симку в телефоне. А сегодня утром велел уехать, скрыться и не возвращаться, пока все не утрясется. – Ленка теперь плакала, по ее лицу струились слезы.

– О, мне очень жаль... иди ко мне... – Эрика обняла всхлипывающую сестру. – Не расстраивайся, поживете пока у меня. Здесь вам ничто не грозит, а мы что-нибудь придумаем.

– Спасибо, – поблагодарила Ленка.

Чуть позже они лежали бок о бок в кровати Эрики. Якуб и Каролина крепко спали в гостиной. Эрика устроилась у окна, чтобы Ленка была ближе к малышке в коляске, которую она поставила рядом.

– Тот парень, которого ты видела... это мой коллега. Питерсон. Зовут его Джеймс. Я собиралась пригласить его на кофе, – сказала Эрика.

– Только на кофе? – уточнила Ленка.

– Да. Может быть... Не знаю.

– Симпатичный.

– Да. Но дело не в этом... не только в этом. Мне хотелось, чтобы рядом со мной был кто-то, когда я проснусь, чтобы не пробуждаться в одиночестве каждое утро. Я немного выпила. Хорошо, что ты оказалась здесь. Было бы глупо прыгать с ним в койку. Нам работать вместе.

– Ты и с Марком вместе работала.

– Это другое. Мы уже были вместе, когда пришли в полицию. Уже состояли в браке, когда оба начинали службу с констеблей. Все принимали это как данность... Теперь же я расследую убийство. Под моим началом люди. Незачем бегать на свидания и вступать в случайные связи на одну ночь с кем-то из своих подчиненных.

– Я скучаю по Марку, – сказала Ленка. – Он был хороший человек. Лучший.

– Да. – Тыльной стороной ладони Эрика вытерла слезы.

– А вот Марек не очень хороший.

– Он любит тебя и детей. Заботится о вас. От бед никто не застрахован, но падать духом нельзя.

– Может, и хорошо, что я здесь. Скрашу твоё одиночество. По крайней мере, завтра утром, когда ты проснешься, рядом с тобой буду я, – улыбнулась Ленка.

– Вот и верь после этого людям. Любую ситуацию обернешь в свою пользу, – рассмеялась Эрика. Повернув голову, она посмотрела в темноте на сестру. Они во многом были схожи, но Ленка не боялась экспериментировать со своей внешностью. Она всю жизнь пользовалась косметикой, и волосы у нее были длинные – не то что у Эрики, носившей короткую стрижку.

– Что за преступление ты расследуешь?

Эрика в двух словах рассказала ей о деле, которое она вела, о Джессике Коллинз.

– Каролине столько же лет. Даже представить не могу, что было бы, если бы ее похитили, – промолвила Ленка.

Слова сестры, казалось, повисли в воздухе. Эрике еще долго не

удавалось заснуть.

Глава 40

Дождь не утихал, поливая Манор-Маунт. Вода хлестала в водостоках, текла по обочинам, ускоряющимися потоками устремляясь с холма, гулко гремела в канализационных люках.

Джерри стоял в темноте на противоположной стороне дороги, прячась под большим деревом и лесами строящегося здания. Его могучий мускулистый торс укрывала длинная воцеленная куртка, лицо утопало в натянутом на голову капюшоне.

Вечером он на своих двоих обследовал квартал, где она жила, придумывая план. Найти ее адрес не составило труда. В списке избирателей, к которому он получил доступ через Интернет, фигурировала только одна Эрика Фостер. Над Амандой Бейкер наблюдение он установил. Важной информацией о ходе расследования ее снабжал констебль Крофорд. Однако Джерри, неплохо разбираясь в людях, сразу понял, что Крофорд идиот и не входит в круг доверенных лиц старшего инспектора Фостер.

Доступ к ее мобильному телефону он получил. Отправленное им эсэмэс тревоги не вызвало: ему крупно повезло, что ее сестра оставила ей на автоответчике сообщения с анонимного номера. Теперь нужно было как-то добраться до ее стационарного телефона, чтобы знать, о чем она говорит дома.

Некоторое время назад он заметил, как в такси сел чернокожий парень, работавший в ее команде. И сразу же после его отъезда Джерри, словно в награду, довелось лицезреть и саму Эрику Фостер, выскочившую из дома с выражением огорчения на лице. Когда она увидела, что такси заворачивает за угол, плечи ее опустились. С минуту она стояла на дороге со смеженными веками, обратив к небу гладкое бледное лицо.

Джерри тогда почувствовал, что возбуждается. Мúка в ее чертах, бархатистая кожа, приоткрытые алые губы... Под проливным дождем блузка на ней быстро промокла и прилипла к телу. Грудь у нее была небольшая, но соблазнительная.

Джерри закрыл глаза, прогоняя воспоминание. Он должен быть сосредоточен, должен найти способ проникнуть к ней дом – такой, чтобы можно было быстро войти и выйти. Но на многих окнах нижнего этажа этого старого здания стояли решетки, вход в квартиры лежал через общее парадное.

Эрика вернулась в дом, а он, укрываясь под лесами, продолжал наблюдение, пока в окнах ее квартиры на нижнем этаже не погас свет. Ему это нравилось: темнота, стук дождя на пустынной улице, ощущение, что он затаился, прячется.

В кармане завибрировал телефон. Он достал его, засветил экран.

– Ты вообще, что ль, никогда не спишь? – спросил Джерри.

– Поставил на прослушку мобильник Эрики Фостер? – осведомился голос.

– Да.

– Что у нее есть?

– В подвале хижины у карьера криминалисты раскопали зуб и обнаружили участки грунта, пропитанного бензином...

– Зуб человека? – уточнил звонивший после нескольких секунд молчания.

– Естественно.

– Чей?

– Они не знают. Криминалисты над ним колдуют... Это не важно. Может быть, Боб Дженнингс шалил в своем подвале с местными детишками... Нам это только на руку.

– Ты ведешь себя так, будто это игра, – с тихой угрозой произнес голос.

– Натура у меня такая. Я ведь ирландец, бесшабашный парень, – невозмутимо отвечал Джерри. – И я знаю, что это не игра.

– Ты, главное, помни: если меня спалят, тебе тоже крышка... И денег не получишь. Думаю, последнее для тебя особенно важно.

Звонивший положил трубку.

– Иди ты к черту, – сплюнул Джерри. Убрав телефон в карман, он вышел из-под густых ветвей дерева. Поднял вверх лицо, наслаждаясь ощущением покалывания на коже.

Затем повернулся и ушел под дождь.

Глава 41

Когда Эрика проснулась, было еще темно. Увидев Ленку, расхаживающую по маленькой спальне с Эвой на руках, она опешила, не сразу сообразив, где находится.

– Который час? – спросила Эрика, включая свет. Эва чихнула, почмокивая.

– Половина шестого, – ответила Ленка. – Извини. Я не хотела тебя будить.

– Пустяки. Мне все равно рано вставать. – Эрика села в кровати, потерла лицо. – Какие планы на сегодня? Я буду по горло занята на работе.

– Ключи запасные есть?

– Да.

– А какой-нибудь парк поблизости?

– Тут недалеко музей Хорнимана. Там приятно гулять.

– Это где вы нашли девушку [\[25\]](#)?

– Ну да. Но там огромный парк и музей, чудесное кафе... Или езжайте в центр, посмотрите, как украшен Лондон к Рождеству... – Эрика подумала, что она – безнадежно плохая хозяйка.

– Не волнуйся за нас. Думаю, дети сегодня захотят выспаться, вчера очень устали. Подержи Эву пару минут, ладно? Душ приму, пока все спокойно.

Ленка передала Эрике свой сверток из одеял и пошла в ванную. От Эвы исходило тепло. Она подняла крошечную ручонку и чихнула, глядя на Эрику большими карими глазами. Эрика бережно промокнула маленькое личико муслиновым платком, и ее захлестнула волна любви и грусти. Любви к своей восхитительной племяннице, грусти – из-за того, что у нее самой, вероятно, никогда не будет детей.

Эрика оставила Ленке свой рабочий телефон, ключи и показала на карте, где что находится. Потом поцеловала спящие головки Каролины и Якуба и тихонько вышла из дома. Брезжил рассвет.

* * *

В отделение Бромли она прибыла около половины восьмого и сразу же поднялась в оперативный отдел. С кофе в руках встала перед

демонстрационными досками, глядя на следственные материалы. После обнаружения зуба фотографии Боба Дженнингса и Тревора Марксмэна она прикрепила по обе стороны от снимка с хижинкой и маркером провела между ними линию, объединив в одно целое.

Зазвонил ее телефон. Она увидела, что это Нилз Акерман.

– Нам удалось провести сравнительный анализ зуба, найденного в подвале, по медицинским документам в стоматологической карте Джессики Коллинз, – начал он без предисловий. – Мне очень жаль. Совпадений не выявлено. Это зуб не Джессики.

У Эрики сжалось сердце. Ей пришлось присесть на край стола.

– Это точно?

– Абсолютно. Я начал с простого: приставил зуб к слому в челюсти скелета. Он не подошел ни по одному параметру. Тогда я стал искать совпадения по медицинской карте, ведь могло случиться так, что зуб подвергнулся воздействию огня и обгорел, но ничего такого выявлено не было. Я отдал зуб одному своему коллеге с просьбой постараться извлечь из него пульпу и выделить из нее ДНК, но это зуб не Джессики. Мы также вернулись в подвал, взяли образцы почвы и проверили на метан: ничего, это просто грязь.

– Проклятье!

– Мне очень жаль.

– Да вы-то тут при чем? Теперь у меня больше вопросов, чем ответов... Как детский зуб оказался в подвале Боба Дженнингса?

На другом конце провода молчали.

– Простите, Нилз. Я знаю, что выяснять это – не ваша работа...

– Я вам не завидую, – сказал он.

– В любом случае спасибо, что известили, – унылым тоном поблагодарила его Эрика.

Закончив разговор по телефону, она подошла к демонстрационной доске, на которой рядом с картой природного парка была прикреплена информация о карьере. В нем добывали еще и глину. Эрика шагнула к ближайшему столу, загрузила «Википедию», в поисковой строке набрала «глиняный карьер, кент» и нашла короткую статью:

«Лондонская глина – это твердая горная порода голубоватого цвета, при выветривании обретающая коричневый оттенок. Эта глина до сих пор используется в коммерческих целях для производства кирпичей, плитки и гончарной керамики. Как почва она неплодородна, не подходит для разведения садов и выращивания урожая».

Эрика продолжила поиск и выяснила, что Кент стоит на отложениях мела, песчаника и глины.

– Чем я занимаюсь? Никакой конкретики, все равно что тыкать пальцем в небо, – пробормотала она.

– Да, Кент – огромное графство, – раздался сзади голос. Вздвигнув, Эрика резко обернулась и увидела за спиной Крофорда, смотревшего на экран ее компьютера. – Прощу прощения, – добавил он.

– Никогда больше так не подкрадывайтесь! – рявкнула Эрика.

– Я думал, нам известно, в каких целях использовали карьер?

– Известно. Я просто пытаюсь установить связь, выявить точки соприкосновения...

– Такие длинные слова с утра пораньше, – пошутил он. Она не улыбнулась.

– Джессика пропала много лет назад, а теперь ее останки обнаружили буквально в миле от ее дома. – Эрика стала пересказывать свой разговор с Нилзом. Крофорд, присев на угол ее стола, слушал и кивал. Когда она закончила, он немного помолчал. Потом произнес:

– Вам известно, что побережье Кента, Дуврский пролив, лежит всего в двадцати одной миле от Европы?

– Да. Только что прочитала на экране, – раздраженно бросила Эрика.

– Пойдите. – Крофорд встал. – Вы сейчас говорили, что глину используют в коммерческих целях для изготовления кирпичей и керамической плитки. Вам не кажется, что это может быть ниточка, ведущая к Мартину Коллинзу? Он ведь строитель.

Его кивание Эрику бесило.

– Крофорд, глину в карьере перестали добывать еще перед Первой мировой войной. Мартин Коллинз с семьей переехал сюда в восемьдесят третьем. И это общинные земли; карьер – местная достопримечательность.

– О, – произнес Крофорд, краснея.

В оперативный отдел вошли несколько офицеров, следом за ними Мосс и Питерсон. Эрика вдруг почувствовала, как в ней бурлят, ища выхода, гнев и досада. На кого же их излить, как не на Крофорда? Идеальная кандидатура.

– Это и без того сложное дело, а тут вы еще подкрадываетесь сзади и выдвигаете тупые версии, ни на чем не основанные. Умнее от этого выглядеть вы не стали, только злите меня. Если ничего толкового сказать не можете, тогда не мешайте работать.

Остальные сотрудники на цыпочках разбредались по своим столам,

снимая верхнюю одежду. Крофорд теперь заливался румянцем, глаза его покраснели.

– Только реветь не надо, на это у нас нет времени, – добавила она. – Что с септиком?

– Э-э... жду информацию, – промямлил Крофорд, силясь совладать с собой.

– В таком случае хватит умничать. Идите и ищите. Выполняйте свою работу! – заорала Эрика. Оперативный отдел наполнялся полицейскими. В неловком молчании они снимали куртки и пальто и садились за свои компьютеры. – У кого-то еще есть нелепые версии о том, кто убил Джессику Коллинз? – обратилась Эрика ко всей комнате. Ей никто не ответил. – Вот и славно. Мне только что сообщили, что зуб, найденный в подвале хижины у Хейзского карьера, принадлежит не Джессике.

Несколько человек тяжело вздохнули.

– Да, приятно мало. Поэтому мы обязаны удвоить наши усилия.

Она прошла в свой кабинет и захлопнула за собой стеклянную дверь, но все равно оставалась на виду у подчиненных, что ее удручало. Сев за стол, она стала изучать документы, а их становилось все больше, обновила информацию по делу в системе «Холмес».

Часом позже к ней в кабинет постучали. За стеклом стояла Мосс, размахивая маленькой белой салфеткой.

– Я пришла с миром, – сказала она, открывая дверь.

– В чем дело?

– Ребятам в Кройдонском отделении удалось найти на своем складе вещдоков пленки из видеокамеры Тренора Марксмена, – сообщила Мосс. – Их только что прислали с курьером. Джон пытается найти аппаратуру, на которой их можно посмотреть.

Глава 42

Крофорд стоял у мусорных баков на задворках отделения Бромли, укрываясь от дождя под небольшим пластиковым навесом. Он незаметно покинул оперативный отдел и теперь возбужденно беседовал по телефону с Амандой Фостер, напрягая слух, чтобы слышать ее голос, заглушаемый стуком дождя по навесу.

– А ты не подумал прийти на работу пораньше? Или хотя бы постараться перехватить пленки? – ругалась Аманда.

– Я пришел рано, – проскрежетал Крофорд сквозь стиснутые зубы.

– Видимо, недостаточно рано. Чем занимался вчера вечером?

– Не твоего ума дело! – с негодованием огрызнулся Крофорд. После ухода коллег он остался пить в пабе один и теперь мучился жутким похмельем.

– Пленки мне нужны, Крофорд.

– Трудновато будет их достать. Это теперь самое важное вещественное доказательство. Старший инспектор Фостер сейчас их изучает в одной из просмотровых. Я не могу к ним подобраться.

Он услышал в трубке, как Аманда щелкнула зажигалкой, закуривая сигарету.

– По ходу просмотра пленки будут оцифровывать. Тебе нужно просто скопировать их на флешку. Вставил – и готово.

– Легко сказать, – пробормотал он.

– Вообще-то, я думала, что это ты обращался с просьбой поискать пленки. Так почему ты не в просмотровой? Ты должен быть там.

Как же надоело мне быть на побегушках у этих чертовых баб, – чертыхнулся про себя Крофорд. Ветер изменил направление и теперь гнал дождь по косой, так что Крофорда даже навес не спасал: он промок насквозь.

– У меня другие дела, – заявил он, прижимаясь к одному из вонючих синих мусорных контейнеров.

– Например?

Не отвечая на ее вопрос, Крофорд сообщил, что зуб, найденный в подвале, принадлежит не Джессике.

– Детский зуб в подвале бросает подозрение на Боба Дженнингса; он мог быть одним из поделщиков Тренора. Не исключено, что до Джессики они затаскивали туда и других детей.

Аманда молчала. Он почти слышал, как в голове у нее шевелятся извилины.

– На тех видео, я помню, есть что-то... – наконец произнесла она. – Нутром чую, а понять не могу, никак не ухвачу. Ты давай-ка возвращайся, чтоб не вызвать подозрения, и сделай мне копии.

Аманда отключилась.

– Сейчас тебе есть что ухватить, как пить дать. Поди лакаешь уже третий бокал вина, – сварливо произнес он, заметив, что на его пиджак с мусорного контейнера перекачевало что-то жирное и бурое.

* * *

Джерри сидел в своей маленькой квартирке в Мордене. Шторы он задвинул, отгородившись от ветра и дождя.

На столе перед ним стоял открытый ноутбук. Он снял наушники и включил запись разговора. Маленькую комнату эхом огласил скрипучий голос Аманды:

– На тех видео, я помню, есть что-то... Нутром чую, а понять не могу, никак не ухвачу.

Джерри взял телефон, позвонил:

– Аманда Бейкер нашла на след. Переходим к более жестким действиям? – спросил Джерри.

– Нет. Продолжай слушать, – велел голос. – Если уж действовать, мы должны знать это наверняка.

Глава 43

Эрика и Джон сидели бок о бок в одной из тесных просмотровых кабинок в отделении Бромли. В целях экономии Тревор Марксмэн использовал 120-минутную видеокассету *Ni8* в долгоиграющем режиме, и это означало, что каждая запись длилась четыре часа.

– Теперь кассета номер два, – объявил Джон, собираясь заменить в видеомагнитофоне кассету.

Эрика выпрямилась на стуле, потянулась.

– Он сам-то когда-нибудь собирался просматривать то, что наснимал? – зевнула она.

– Босс, да о чем вы говорите?! Четыре часа извилистых аллей в унылых пустынных парках, движение транспорта на кольцевой дороге, нечеткие кадры с фейерверками, снятыми из окна спальни... – это ж настоящий блокбастер, – съязвил Джон. Работая в латексных перчатках, он вытащил из видака первую кассету и взял другую.

– Что там написано? – спросила Эрика. Джон задержал кассету в руках.

– «ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ГЭРИ, АПРЕЛЬ 1990 Г.», – прочитал он. Затем извлек ее из коробки и поднял к свету. – Магнитная лента на вид в хорошем состоянии.

Джон вставил кассету в адаптер VHS и затем – в видеомагнитофон. Проверив, поступает ли сигнал на ноутбук, он нажал кнопку воспроизведения.

Маленький экран перед ними на столе ожил с треском, показывая телевизионный зал в социально-реабилитационном центре. Черно-белое изображение запрыгало и стало цветным. На полированном деревянном полу стояли кто где двадцать мужчин разного возраста, почти все одетые неряшливо. Тут и там – несколько старых драных диванов, высоко на стене привинчен маленький телевизор. В большом венецианском окне виднелись серое небо и клочок травянистого газона. На несколько мгновений свет извне ослепил камеру. Они услышали голоса, объектив нацелился на зеркало, в котором отражался Тревор Марксмэн, державший в руках видеокамеру. Кожа у него была гладкая, еще не обожженная.

– Сегодня, второго апреля, мы отмечаем двадцать четвертый день рождения Гэри Ланди! – сообщил он своему отражению.

Камера резко развернулась, показывая худого мужчину, который сидел

на протертом диване. У него были удлиненные черты лица и сальные волосы, прилизанные на левую сторону. Огромный нос, один палец по самую костяшку зарылся в левую ноздрю.

– Ты что делаешь? – спросил голос Тревора из-за видеокамеры.

– Ищу пожрать что-нибудь приличное, – ответил Гэри, вытаскивая палец из ноздри. – Не приставай! – прорычал он.

Камера двинулась по залу, разворачивая изображение. В кадре появилась группа жалких омерзительных мужчин, толпившихся вокруг потертого стола, на котором стояли пластиковые миски с чипсами и глазированный торт, украшенный разноцветными шоколадными пуговками. Один толстый коротышка был в бумажном колпаке, из-под которого торчали длинные седые волосы. Резинка, благодаря которой колпак держался на голове, врезалась в его тройной подбородок.

– Боже, и ведь вся эта нечисть жила в двух шагах от Коллинзов, – произнес Джон, не отрывая глаз от монитора.

На экране толстый коротышка в колпаке, глядя в объектив, попросил:

– Дай мне. – Открыв в улыбке рот, в котором было всего два зуба, он потянулся к видеокамере.

– Нет, – отрезал Тревор. Его ладонь, на мгновение появившись в кадре, хлестнула коротышку по руке, схватившей видеокамеру.

– Ну дай, я никогда такой не видел...

– Убери свои поганые лапы! – взвыл Тревор.

Его рука взметнулась и отвесила коротышке смачную затрещину. Тот упал, резинка под его подбородком лопнула. Коротышка поднялся с пола и бросился к видеокамере. Изображение задержалось и исчезло.

– Блин, нам что, всю эту их вечеринку смотреть? – возмутился Джон.

Эрика мрачно кивнула. Экран просветлел, показывая продолжение вечеринки, уже некоторое время спустя. Играла музыка, некоторые мужчины неуклюже танцевали. Камера снова взяла в объектив Гэри. Тот по-прежнему сидел в углу, ковыряя в носу. Вытащив из ноздри палец, он сунул его в рот.

– Фу, мерзость какая. – Джон отвел взгляд от монитора.

– Можете смотреть, его уже нет, – сказала Эрика.

Камера повернулась, снимая толстого коротышку. Тот, уже в новом колпаке, сидел в углу у старого пианино, с жадностью опустошая полную еды тарелку. Еще одна, такая же полная, ждала своей очереди рядом с ним на пианино.

– Что он натворил? – спросил чей-то голос за кадром.

– Да козел он вонючий. На камеру мою губу раскатал, – ответил голос

Тревожа, безжалостно показывавшего крупным планом жующий маленький рот толстого коротышки. – Еще чего не хватало! Я никому не позволю даже пальцем к ней прикоснуться.

Коротышка запихивал вилкой в рот кусок киша, крошками засыпая бороду. Его изображение то расплывалось, то снова обретало четкость.

Раздался визгливый девчачий смех. Камера очертила дугу, взяв крупным планом высокого лысого мужчину с красным лицом и кривыми кроличьими зубами.

– А мне ты ведь дашь поснимать, да? – спросил он.

– НЕТ!

По-видимому, последовала очередная драка, и когда изображение восстановилось, это были уже более поздние кадры. Теперь в комнате отдыха смеркалось, свет исходил только от свечей на торте, который нес какой-то высокий мужчина в сопровождении Тревожа. Они поднесли торт к Гэри, все так же сидевшему в кресле.

– Дуй давай! – крикнул чей-то голос. Гэри сначала воспротивился, но потом все же задул свечи.

– Что ты загадал? – крикнул еще чей-то голос.

– Чтобы сдохнуть, – ответил Гэри. Он откинулся в кресле, сложив на груди руки.

Мужчина, державший торт, на мгновение повернулся к камере и затем вышел из кадра.

– Стоп, – встрепенулась Эрика. – Давай-ка назад.

– Не могу. Оцифровка же идет, – ответил Джон.

Тревожа проследовал за мужчиной к длинному столу.

– Я знаю этого человека, – сказала Эрика. – На днях видела его у Тревожа Марксмена. На паузу, быстро!

* * *

Эрика выскочила из просмотровой и бегом поднялась по лестнице в оперативный отдел. Питерсон только что закончил говорить с кем-то по телефону. Она схватила его за руку и велела идти с ней вниз. Вместе они спустились в комнату, где ждал Джон, и продолжили просмотр. Тревожа теперь снимал человека, который был им знаком. Тот вещал в камеру с шутками-прибаутками, словно вел некую торжественную церемонию на красной дорожке.

– Это тот самый парень, которого мы видели у Марксмена: Джоэл,

кажется? Ну да, Джоэл. На видео он с волосами, но у него все тот же южноафриканский акцент, – заметила Эрика.

– И те же необычные белесо-голубые глаза, – добавил Питерсон. – И шрам, идущий от виска за ухо.

– Он представился Джоэлом, но фамилии не назвал. Мне нужен список всех, кто содержался в том социально-реабилитационном центре в девяностом году, – сказала Эрика.

Они снова обратили взгляды на экран. Из магнитофона зазвучала песня *Careless Whisper*^[26], и Тревор, отдав свою видеокамеру одному из мужчин, соединился в медленном танце с Джоэлом.

Глава 44

После обеда Эрика с Джоном просмотрели еще две видеопленки. Они оказались короче, поскольку съемка велась в стандартном режиме. На них были запечатлены несколько весенних дней, проведенных в парке близ Эйвондейл-роуд. Тревор Марксмэн снимал много местных детишек, причем родители, раскачивая своих чад на качелях или ловя внизу при скате с горок, просили их улыбаться и махать в объектив.

Джессика Коллинз впервые появилась в видеоклипе, помеченном датой «11.06.1990 г.». Она качалась на качелях-весах с некой темноволосой девочкой. Обе заливались смехом, попеременно взмывая вверх и опускаясь к земле. Неподалеку на скамейке под сенью большого дуба сидели более молодые Марианна и Лора. Последняя курила, вполуха слушая мать, которая что-то настойчиво говорила дочери, наклоняясь к ней.

Несколько минут камера вела наблюдение за Джессикой, снимая ее в режиме приближенной съемки с противоположной стороны парка. Эрику поразили красота и беззаботность девочки, танцевавшей с подругой, раскачивавшейся на лазилках... Однако умиление быстро сменилось отвращением, едва она вспомнила, что смотрит на нее глазами Тревора Марксмэна.

Затем на экране появилось дрожащее изображение узкой тропинки в глубине парка. Видеокамера, двигаясь вдоль нее, миновала помятую урну, старую скамейку и остановилась на мужчине, пытавшемся запихнуть в мусорный мешок полную лопату опавших листьев. На ветру ему это никак не удавалось.

– Развлекаемся? – спросил голос. Мужчина обернулся, и они увидели растрепанные каштановые волосы и лицо, как у гнома, – лицо Боба Дженнингса.

– Аатвалиите, сволочи, – буркнул Боб, соорудив гротескную гримасу.

В углу экрана замигал красный индикатор, указывавший на то, что заряд на исходе. Кто-то чертыхнулся. Изображение колыхнулось, потому что камеру передали из рук в руки, и в последний момент, перед тем как батарея полностью разрядилась и экран потемнел, на нем мелькнуло знакомое лицо.

– Черт возьми, это ж был Боб Дженнингс и еще кто-то, на самых последних секундах... Можно промотать назад?

Джон извлек кассету и пододвинул к себе ноутбук. У них теперь

имелась цифровая запись. Он нашел последние несколько минут съемки, включил воспроизведение: встреча с Бобом, мигающий красный значок разряжающейся батареи. Им понадобилось несколько попыток, чтобы «поймать» лицо, которое находилось в кадре всего долю секунды. Это был Тревор Марксмэн.

С минуту они молча смотрели на него.

– Это значит, что кто-то передал камеру Тревору; он не все время вел съемку в парке. А на допросе в ходе предыдущего следствия он утверждал, что всегда снимал сам, – сказала Эрика.

– И на вечеринке заявил, что никого не подпустит к своей камере, – вспомнил Джон.

Он снова включил запись последнего отрывка: камера приближается к воротам, мелькает лицо Джоэла.

– Слышите? Чей-то голос говорит: «Давай». С южноафриканским акцентом.

В дверь постучали. Это вернулся Питерсон.

– Босс, я нашел Джоэла Майклса. Пришлось поднимать досье на его настоящее имя. Он – Питер Майклс. Имя изменил на Джоэла в девяносто пятом году. Ему пятьдесят три. По выходе из тюрьмы пребывал в социально-реабилитационном центре. Сидел шесть лет – с февраля восемьдесят четвертого по март девяностого года за похищение и изнасилование девятилетнего мальчика.

Эрика с Джоном переглянулись.

– В девяностом, – продолжал Питерсон, – Питера Майклса допрашивали наряду с остальными обитателями центра, и, как и у Марксмэна, на седьмое августа девяностого года у него имелось алиби. Однако в последующие недели после исчезновения Джессики наблюдение за ним не вели.

– Как и за Бобом Дженнингсом, – добавил Джон. – Я ничего не могу найти о нем в архивных материалах. Его не допрашивали, не считали подозреваемым...

– А здесь, на пленке, они втроем общаются. Они знали друг друга, – подытожила Эрика.

Глава 45

Поздно вечером Эрика позвонила командеру Маршу из оперативного отдела. Свою команду после долгого трудового дня она отпустила по домам.

– Эрика, я же предупреждал, чтобы ты не трогала Тревора Марксмэна, – сказал Марш. – Еще один судебный иск нам совершенно ни к чему.

– Позвольте сказать, сэр, вы меня не слушаете. Я не собираюсь задерживать Марксмэна. Я намерена арестовать и допросить Джоэла Майклса: пусть объяснит, что связывало его с Тревором и Бобом Дженнингсом, имя которого постоянно всплывает в ходе следствия. Он обитал в той хижине, где в подвале мы нашли зуб ребенка.

– Личность которого пока не установлена.

– Тем не менее это не может не вызывать подозрения!

– Да, но за минувшие двадцать шесть лет в том доме могли обитать другие люди, наркоманы, у которых были дети, а у тех в свою очередь выпадали молочные зубы.

– В подвале хижины мы также обнаружили участки грунта, пропитанного бензином. Сестра Боба Дженнингса подтвердила, что он использовал генератор, работавший на этилированном бензине, а в костях Джессики обнаружена высокая концентрация тетраэтилсвинца, указывающая на то, что она подвергалась воздействию бензиновых паров. Теперь у нас имеются видеоматериалы, из которых явствует, что Тревор, Боб и Джоэл знали друг друга...

Марш молчал на другом конце провода.

– Сэр, Боба нет в живых, – продолжала Эрика. – Тревора трогать нельзя. Попробуем допросить Джоэла Майклса.

– Разумеется, это тебе решать, Эрика, – сказал он.

– Знаю, Пол. Но мне нужна твоя поддержка. Твой совет. Если я права, возможно, мы имеем дело с бандой педофилов.

– Когда ты хочешь это сделать?

– Скоро.

– Завтра утром похороны Джессики Коллинз. До того времени лучше ничего не предпринимать. Я буду на похоронах и думаю, тебе тоже не мешает прийти. Это способствует созданию положительной репутации. Что, как нам известно, имеет большое значение.

– Ладно.

– Ты также должна понимать, что Тревор Марксмэн теперь очень богатый человек. Полагаю, у него найдется хороший адвокат, который поможет его другу, когда ты произведешь арест.

– Меня не это волнует. Я больше обеспокоена тем, что целый день потратила на просмотр многочасового видео, в котором показано, как осужденные педофилы устраивают вечеринки и ездят к морю, а также видео, на которое Марксмэн снимал Джессику Коллинз и других местных детей. Меня гложет, что Джессика теперь – просто груда костей, а ее убийца разгуливает на свободе. Я хочу допросить Джоэла Майклса, и все. И у меня есть улики, подтверждающие мои подозрения.

– Держи меня в курсе, – не сразу ответил Марш. – Но сначала похороны. Увидимся там завтра.

– Хорошо, спасибо. – Положив трубку, Эрика стала собираться домой. Она прошла в кабинет, сложила в сумку свои вещи, а потом вспомнила, что в просмотровой оставила свой блокнот.

Глава 46

Коллеги Крофорда разбрелись по домам, но сам он задержался в отделении – спрятался в мужском туалете и двадцать минут просидел в кабинке, обливаясь потом. Потом он вымыл руки и вышел. Убедившись, что за ним никто не следит, Крофорд спустился по лестнице в просмотровую, где Эрика с Джоном целый день изучали видеопленки Тренора Марксмэна.

Просмотровая находилась на втором этаже в конце длинного коридора, в самой глубине здания. От этой комнаты имелось несколько экземпляров ключей, и днем Крофорд стащил ключ со стола Джона, когда тот разговаривал с кем-то по телефону. Крофорд вставил ключ в замок и вздохнул с облегчением, когда дверь открылась. Он включил свет и увидел, что ноутбук все еще на столе и подсоединен к видеомагнитофону. Он закрыл дверь и заперся изнутри. Комната была маленькая, тесная и без окон. На стеллаже лежали шнуры и провода, руководства по использованию DVD- и видеоаппаратуры и даже одна инструкция от проигрывателя лазерных компакт-дисков.

Не медля ни секунды, Крофорд запустил ноутбук и достал флешки, которые приобрел в магазине электроники «Мэплин» на центральной улице. Его беспокоило, что памяти не хватит. Объем каждой флешки составлял всего 16 гигабайтов, поэтому он купил три. Крофорд стал возиться с большой квадратной упаковкой из формованного пластика, пытаясь извлечь из нее крошечное устройство. От усердия по его лицу катился пот.

Он пробежал взглядом по полкам, но ножниц не увидел. Тогда он вытащил из кармана ключи от машины и принялся ими ковырять пластик. Спустя несколько минут его старания увенчались успехом. Он вытер с глаз пот и вставил одну флешку в USB-порт на боковине ноутбука.

Компьютер зажужжал. Крофорд вывел на экран рабочий стол *Windows*. Наконец появился значок USB-драйвера. Крофорд стал пролистывать видеофайлы, созданные Джоном некоторое время назад, выбрал первый и перенес его на рабочий стол флешки.

Жесткий диск снова зашумел, когда маленькая коробочка стала считывать информацию и на экране появилась надпись:

Копирование двух файлов на USB-драйв 1

11.8 Мбайт из 3.1 Гбайт – ок. 9 мин.

– Ну же, давай, – шепотом подгонял компьютер Крофорд. На клавиатуру с него упала капля пота. И вдруг он услышал, как дернулась запертая дверь и повернулась дверная ручка.

Глава 47

Эрика нажала вниз ручку двери просмотровой, но комната оказалась заперта. Она достала связку ключей, попыталась вставить ключ в замочную скважину – безуспешно. Изнутри его что-то не пускало. Она собралась было снова надавить на дверную ручку, но тут ее кто-то окликнул. По коридору к ней направлялся Питерсон.

– Босс, ваш блокнот у меня, – сказал он, протягивая его ей.

– Спасибо, – поблагодарила она, забирая блокнот, когда Питерсон поравнялся с ней. – Я думала, все ушли домой.

– Да. Я просто ходил в *Waitrose*^[27], нужно было кое-что прикупить, а вернувшись на парковку, увидел, что прихватил это по ошибке, – объяснил он.

– Спасибо.

Они оба смущенно замолчали.

– По поводу вчерашнего вечера... я правда не знала, что объявится моя сестра, – произнесла Эрика.

– Ничего. Как ее дела?

– Прекрасно.

– Отлично, – улыбнулся он. Снова возникла неловкая пауза. – Ладно, завтра увидимся, – попрощался Питерсон.

– До завтра.

Он кивнул и зашагал к выходу. Эрика сделала вид, будто ищет ключи, и, когда Питерсон удалился, прислонилась к двери. Подождав несколько минут, она пошла прочь от просмотровой, собираясь ехать домой.

Крофорд, приложив ухо к двери, силился расслышать разговор, происходивший в коридоре, но голоса стихли. Он быстро поменял флешки и принялся копировать оставшиеся видеоматериалы.

Его рубашка взмокла от пота.

Глава 48

Эрика прибыла домой сразу после половины десятого. Открыв дверь в квартиру, она увидела в коридоре Ленку. Эрика хотела что-то сказать, но сестра прижала палец к губам.

– Каролина с Якубом спят, – шепотом сообщила она. – Уже так поздно. Ты где была?

– На работе, – также шепотом ответила Эрика, снимая обувь и кладя сумку.

– Все хорошо?

– Да, конечно.

– Ты ушла в семь утра!

Эрика сняла пальто.

– Я всегда так работаю.

– И как Марк на это реагировал?

– Ленка, ты позволишь мне войти?!

– Тсс! Я только что их успокоила.

Эрика заглянула в гостиную. На диване из-под одеяла виднелись только макушки спящих детей.

– Ленка, мой компьютер почти разрядился, а зарядка там, – шепотом объяснила она.

– Как она выглядит?

– Что значит «как выглядит»? Зарядка – она и есть зарядка, – прошипела Эрика, шагнув в гостиную, но Ленка ее остановила:

– Не ходи туда. Детей разбудишь. Каролина целый день капризничала, я только-только их уложила.

– Ленка, мне нужна моя зарядка.

– Ты ела?

– Обедала.

Сложив на груди руки, Ленка закатила вверх глаза.

– Поешь хотя бы. Я приготовила. Иди прими душ, а я поищу твою зарядку.

Эрика начала возражать, но Ленка втолкнула ее в ванную и закрыла дверь.

Едва Эрика ступила из душа в коридор, ее окутал аппетитный аромат копченого мяса, картофеля и маринада. Пикнула микроволновка, и Ленка вышла к ней с дымящейся тарелкой *Francúzske Zemiaky*^[28] – блюда из мелко нарезанных картофеля, яиц, корнишонов и копченой колбасы, запеченных в горшочке.

– Вот это да! Запах обалденный. Прямо как мама готовила. – У Эрики потекли слюнки.

Они прошли в спальню, где теперь разместилась коляска Эвы и высилась гора пеленок, а комод превратился в пеленальный столик. Фотография Марка в золоченой рамке была задвинута назад. Его красивое лицо смотрело на Эрику с неувядающей улыбкой. Она села на кровать и принялась поглощать еду с горячей тарелки.

– Вкуснотища! Спасибо.

– Я прошлась по магазинам, – доложила Ленка. – Район здесь милый, только много всякого разного народу – индийцы, негры, китайцы. Дети были немного напуганы... Садик у тебя чудесный, и мы познакомились кое с кем из соседей. С женщиной и двумя ее маленькими дочками с верхнего этажа. Якуб во все двери стучался, пока не нашел их. Потом они вместе играли.

– В самом деле? И как же вы общались с ними?

– Я знаю несколько слов по-английски. Мать – очень приятная женщина. Как ее зовут?

Эрика пожала плечами.

– Ты живешь здесь пять месяцев и не знаешь своих соседей?

– Я все время занята, – промычала Эрика с набитым ртом.

– Как у тебя дела с тем симпатичным парнем, Питерсоном?

– Никак. Мы об этом не говорили.

– Думаешь, у тебя с ним будет что-нибудь? Он славный.

В ответ Эрика лишь повела плечами.

– Пригласила бы его к нам. Я бы что-нибудь приготовила...

Эрика, взглянув на сестру, пробурчала с набитым ртом:

– Давай сменим тему.

Ленка подошла к комоду, выдвинула верхний ящик и принялась укладывать туда матрасик с пеленального столика и несколько одеял.

– Какой-то мужчина сегодня приходил, чтобы снять показания счетчика. Я так поняла. Я с детьми была занята, бегала туда-сюда. Девочки соседские как раз в это время здесь были. Он вон то письмо оставил. – Ленка кивнула на листок бумаги, лежавший на подоконнике.

Эрика пробежала его глазами. Это было уведомление от агентства

недвижимости о необходимости проверки линии газоснабжения и оформлении нового сертификата.

– Продукты питания здесь очень дорогие. Что ты обычно покупаешь?

– Ленка, дай мне минутку передохнуть, пожалуйста! У меня был тяжелый день, а ты все трындишь и трындишь!

Ленка продолжала разглаживать одеяла в ящике комода.

– Ты что делаешь?

– Постель для Эвы готовлю.

– В ящике комода?

Эва в коляске проснулась и заплакала.

– Ну вот, разбудила. – Ленка протиснулась мимо Эрики и взяла дочь на руки. – Ну все, все, успокойся. Тсс, тсс. – Ленка оттянула вниз сорочку и дала малышке грудь, но та завопила еще громче. – Выйди, пожалуйста, и дверь в гостиную закрой, ладно?

Эрика сунула в рот еще картошки с колбасой, с тарелкой в руках протиснулась мимо сестры, вышла в коридор и закрыла дверь в гостиную. Эва заходилась пронзительным криком, и Эрика закрыла дверь и в спальню, а сама села на коврик у входа, поставила тарелку на пол и доела свой ужин.

Только вот не заметила она, что в щиток, где находился электросчетчик, вмонтировано крошечное подслушивающее устройство.

* * *

В начале двенадцатого ночи Аманда Бейкер дремала в своем кресле. Рядом на столе среди вороха распечаток и двух блокнотов стояла недопитая чашка чая. Стена гостиной над диваном теперь была увешана прицепленными вкривь и вкось листками, которые она исписала черной ручкой своим убористым почерком. В самом центре Аманда поместила распечатанную на листе формата А4 фотографию Тренора Марксмена, а также снимки Джоэла Майклса и Боба Дженнингса. На противоположной стене рядом с телевизором находилась фотография Джессики Коллинз.

Тихий стук вывел ее из неглубокого забытья. Неуклюже поднявшись с кресла, Аманда подошла к окну и увидела Крофорда с красным, лоснящимся от пота лица. Она подняла раму, и в комнату ворвался холодный воздух.

– Записи у меня. – Он обернулся, оглядывая дорогу. Она была пустынна.

– Все принес? – спросила Аманда.

Крофорд кивнул, переступив с ноги на ногу.

– Можно войти?

– Поздно уже, мне нужно выспаться, – не разрешила она. – Завтра похороны Джессики Коллинз.

Крофорд устремил взгляд в комнату мимо нее и увидел на задней стороне двери гостинной вешалку с черным платьем.

– Пойдешь?

– Да, – подтвердила Аманда, протягивая к нему руку.

– Можно я войду, просто чтобы выпить... Адский был день, – сказал он.

– Я не пью и не хочу, чтобы ты меня искушал, – ответила она, по-прежнему не опуская руки.

– Шутишь? Неужели бросила?

– Уже три дня не пью.

Из внутреннего кармана куртки Крофорд достал небольшой конверт и отдал ей.

– Спасибо, – поблагодарила Аманда, забирая конверт. Она опустила раму подъемного окна и задвинула шторы.

Крофорд еще немного постоял под окном, глядя на закрытые шторы, затем поплелся к своей машине.

Глава 49

Прощание с Джессикой Коллинз проходило в церкви Святой Девы Марии в Бромли. Маленький зал был убран просто; пахло благовониями и мастикой для пола; в полумраке мерцали свечи.

Джессика лежала в гробу из красного дерева, самого лучшего, какой удалось найти Марианне и Мартину. Он стоял на деревянной подставке. Не совсем маленький, как для младенца, но и не большой, как для взрослого.

Марианна прибыла с первыми проблесками рассвета, чтобы быть уже в церкви, когда гроб доставят из похоронного бюро. Она сидела и смотрела на останки дочери. Скелет, маленький и беззащитный, сложенный в безупречно точном порядке, покоился на атласной подложке, накрытый тонким кружевным тюлем. Красное пальтишко, когда-то подаренное Джессике на день рождения, аккуратно свернутое, лежало рядом с ней на атласной подушке.

Мартин, Лора и Тоби пришли чуть позже. Они тихо постучали в массивную деревянную дверь. Марианна встала ипустила их.

Они замерли в дверном проеме, словно остолбенели.

– Почему гроб открыт? – удивился Мартин, глядя на скелет, который был собран так, будто кости Джессики только что забрались в гроб и улеглись спать. – Мне казалось, мы договорились, что будем хоронить в закрытом гробу.

– Мы не договаривались. Ты высказал свое мнение, – мрачно произнесла Марианна. – А я хочу видеть свое дитя. Хочу прикоснуться к ней. Хочу быть здесь с ней.

Тоби посмотрел на отца, потом на Лору.

– Папа, это нехорошо, – заметил он. Они подошли к гробу с останками Джессики, накрытыми прозрачным кружевом, и Мартин протянул к нему руку.

– О, Джессика. – Он положил ладонь на череп под покровом тюля.

Лора стояла в дверях, зажимая рукою рот; ее глаза наполнились ужасом.

– Иди сюда. Прикоснись к ней, – велела Марианна. – Это Джессика... Твоя сестра.

Лора, все так же тараща глаза, подошла ближе. Марианна, перегнувшись к ней, взяла дочь за руку. Та попыталась высвободиться, но Марианна, крепко держа ее, притянула ладонь старшей дочери к черепу Джессики.

– Потрогай ее волосы, Лора. Помнишь, какие они были, когда их расчесывали?

– Нет! – крикнула Лора, отдергивая руку. Она выбежала из комнаты. Марианна, едва ли обратив на это внимание, не сводила глаз с гроба.

– Тоби, я хочу, чтобы ты прикоснулся к ней. Прикоснись к своей сестре, – потребовала она.

– Нет, мама... Я хочу помнить ее другой. Прости, – отказался он. Тоби взглянул на отца – тот завороченно смотрел на скелет в гробу – и следом за сестрой вышел в коридор.

– Я только хотела, чтобы у нас была еще одна дочь. Чтобы она жила в благополучии и счастье, – сказала Марианна, поднимая глаза на Мартина. – Это нам наказание за то, что мы сделали?

– Мы ведь условились, что никогда не будем об этом говорить, – напомнил Мартин, глядя на нее.

– Согласна. Но ведь это конец, да?

– Нет. Ее отняли у нас, но она с Господом. И мы с ней встретимся. Мы не должны спрашивать, почему Он забрал ее. Просто нужно утешиться тем, что мы нашли ее и она теперь может упокоиться с миром.

– О, Мартин, – всхлипнула Марианна. Он шагнул к ней, крепко обнял, так, как давно не обнимал, и они вместе заплакали, скорбя о своей утрате, заливая слезами чувство вины.

После ухода Мартина Марианна осталась у гроба одна. Свечи догорели, по стене медленно перемещался квадратик разноцветных бликов, отбрасываемых небольшим витражным окном.

Целый день она провела в молитвах, склонившись над маленьким скелетом дочери. Произносила их без запинки, почти машинально, за многие годы заучив наизусть обращения к Господу. Но когда молвила «Прости меня, Отче, я согрешила», создавалось впечатление, что из уст ее эти слова звучат впервые.

Глава 50

После богослужения прихожане и гроб переместились на большое кладбище, где должно было состояться погребение.

Эрика с Маршем присутствовали только на этой завершающей части церемонии, присоединившись к большой группе скорбящих у свежевырытой могилы. В холодном воздухе носилось предвестие бури. Небо на горизонте постепенно чернело.

На похоронах жертв убийств Эрика всегда испытывала неловкость. Формально они находились на службе и должны были наблюдать за собравшимися, но при этом вести себя крайне почтительно, что являлось непростой задачей. Зачастую только на похоронах и удавалось встретить сразу в одном месте всех близких и знакомых жертвы.

Священник встал у могилы, в которую предстояло опустить усыпанный лилиями гроб, и начал:

– Отче наш, сущий на небесах, чрез неповиновение Твоим законам мы теряем Твою милость, и смерть входит в этот мир...

Марианна, вся в черном, в черной шляпе с широкими полями, сидела у могилы в центре полукруга скорбящих. Она не скрывала слез – тихо плакала, сжимая в одной руке четки. Мартин держал ее за другую руку, которую она время от времени высвобождала, чтобы промокнуть глаза белым носовым платком. По другую сторону сидел Тоби. Рядом с ним – Лора, затем – ее муж и двое сынишек. Танвира, заметила Эрика, отослали в задний ряд.

Во втором ряду сидела сотрудник полиции по связям с семьей Нэнси Грин. Она была в черном с ног до головы, и лишь на заживающем носу все еще белела небольшая повязка – единственное цветное пятно в ее внешности. Чуть поодаль сидел Оскар Браун в паре с высокой элегантной чернокожей женщиной. Встретившись взглядом с Эрикой, он чуть дернул головой. Не зная, что означает его телодвижение, она тоже отвела назад голову.

Над ними взмывал густой голос священника:

– В духе покаяния мы страстно молим Тебя: с высоты Своей узри эту могилу и благослови ее...

Эрика взглянула на Марша – заметил ли он Оскара? – но тот зачарованно смотрел на увеличенную фотографию, что стояла на деревянной подставке рядом с горой цветов – фотопортрет Джессики в

красном, что Марианна вывешивала дома в коридоре. Это было не в традиции английских похорон.

– А я все думаю, что это могла бы быть одна из моих девочек, – прошептал Марш. – Все думаю, как бы я реагировал.

На похороны они приехали вместе, и в машине Марш сообщил Эрике, что адвокат Марси предложил дату судебного заседания по вопросу установления попечения над детьми.

В воображении Эрики мелькнула картина похорон Марка: тот момент, когда гроб грузили в катафалк и он сместился под тяжестью находившегося в нем тела...

Она повернулась к Маршу, схватила его за руку. И в это самое мгновение заметила Аманду Бейкер, сидевшую в их ряду на самом краю. Та наблюдала за ней и проследила взглядом за ее рукой, лежавшей на ладони Марша.

Эрика кивнула ей в знак приветствия и попыталась резко убрать свою руку с ладони Марша, но тот удержал ее. Аманда и это заметила и вскинула брови. В ней что-то изменилось. Лицо стало менее обрюзгшим и одутловатым, наряд элегантный, макияж, волосы покрашены в мягкий каштановый цвет.

Священник завершал надгробную речь:

– Мы предаем земле тело рабы Твоей, Джессики. Пусть ее душа вознесется в рай. Мы обращаемся к Тебе через Христа Господа нашего. Аминь.

– Аминь, – вторили ему собравшиеся.

Эрика снова перевела взгляд на Марианну и увидела, что ее черты искажает боль: осознание, что пришло время попрощаться с Джессикой. Мартин стискивал руку Марианны, а Эрика впервые заметила его подружку. Та сидела через два места от Мартина, которые занимали двое их маленьких детей, словно служившие барьером между ними. Девочка, елозя на стуле, задрала на себе пышную юбку своего черного платья, показывая черные колготки. Ее маленький брат, в опрятном костюме, смотрел на небо. Послышались раскаты грома.

Марианна поднялась со стула и, пошатываясь, шагнула к могиле, в которую медленно опустили гроб. Она взяла горсть земли и стояла, держа ее в руке. Снова гроыхнуло, закапал дождь, который в считанные секунды усилился. Марианна погрозила кулаком небу, а потом ее тело как будто обмякло, и она рухнула в могилу.

Дождь теперь лил как из ведра, кладбище озаряли вспышки молнии. Все, кто пришел на похороны, беспорядочной толпой с криками ринулись к

могиле, возле которой выкопанная земля быстро превращалась в трясину.

Глава 51

Дождь не утихал, колотя по крыше машины Эрики, в которой она сидела вместе с Маршем и Амандой Бейкер. Из-за того, что на похороны пришло много народу, да еще и дождь лил, такси у кладбища поймать было трудно, и Эрика вызвалась подвезти Аманду. Они заскочили в «Макдоналдс», чтобы взять чего-нибудь перекусить, и теперь сидели в машине на парковке, в молчании потягивая кофе. Аманда находилась на заднем сиденье.

– Боже всемогущий. Прямо черная комедия, – нарушила она тишину. Марш обернулся, посмотрел на нее. – Ну а что? Так и есть. Она падает в могилу, и ее, вопящую, заляпанную грязью, вытаскивает из ямы священник. Как в фильме ужасов... Она многие годы потратила на то, чтобы стать ближе к небесам, а в результате оказалась на глубине шести футов под землей! – Аманда захохотала. Смех у нее был низкий, утробный. Эрика взглянула на Марша. У того лицо оставалось каменным. – Черт, простите, – извинилась Аманда, смахивая крошки с черного жакета. – Это из меня прут безысходность и отчаяние, копившиеся много лет. – Увидев выражение лица Марша, она снова зашлась смехом. Эрика отвернулась, прикусив губу.

На кладбище в возникшей сумятице все, кто явился на церемонию погребения, столпились у могилы под проливным дождем. Марианну вытащили из ямы, священник и родные отвели ее в церковь. Все остальные попрятались от дождя кто куда.

И лишь выезжая с парковки, Эрика увидела, что Лора и Оскар остались на улице. Они о чем-то горячо спорили, стоя под большим деревом в стороне от церкви.

– Что ж, старший инспектор Бейкер в отставке, я рада, что *вы* от души повеселились... Правда, некоторые из нас еще расследуют это дело, и с моей точки зрения ничего забавного в том нет.

– Нет, конечно, это не смешно, – согласилась Аманда, успокаиваясь и платком вытирая глаза.

Марш посмотрел на часы.

– Да-да, Эрика. Уже половина первого, нам пора на... – Не докончив фразы, он открыл дверцу и кинулся к своей машине.

– Куда вас подвезти? – спросила Эрика.

– На вокзал Бромли. Можно мне пересесть вперед? А то неизвестно,

что люди подумают, – сказала Аманда.

Когда она устроилась на переднем сиденье, Эрика тронулась с места и выехала на дорогу.

– Так куда вы направляетесь? Что у вас за дела с Маршем? Свидание в отеле?

– Нет. – Эрика стрельнула в нее взглядом.

– Я видела, что вы держали его за руку...

– Это не то, что вы думаете. И мне ваше мнение безразлично.

– Никому не безразлично, что о них думают окружающие. Вы арестуете Марксмэна?

– Нет.

– Тогда кого? Вы можете мне доверять.

– Нет. Мы не обсуждаем ход следствия с гражданскими лицами.

– Уф. – Аманда протерла запотевшее стекло со своей стороны. – Между прочим, я по-прежнему разделяю ваши идеалы. По-прежнему хочу, чтобы закон восторжествовал и преступники были наказаны... Скажите хотя бы, как вы считаете, вы близки к раскрытию преступления? У вас есть подозреваемые?

– Что вы думаете о Лоре и Оскаре Брауне? – спросила Эрика. Они остановились на светофоре, впереди она видела автомобиль Марша.

– Вы их подозреваете?

– Нет. Просто пытаюсь понять, что они за люди.

– Желаю удачи. Лично мне так и не удалось определить, встречалась ли Лора с Оскаром, чтобы позлить родителей, или она действительно его любила... Хотя они расстались в ту же минуту, как пропала Джессика. Он сразу ее бросил. По словам Нэнси Грин.

– Вы его подозревали?

– Нет. У него, как и у Лоры, имелось алиби, и Мартину с Марианной Оскар нравился. Перспективный молодой адвокат. Получил персональную стипендию. Думаю, бросить Лору его заставило стремление к успеху. То, что произошло, было ужасно, но ведь началось сущее светопреставление. Горе семьи, внимание прессы. Он не хотел быть причастным ко всему этому.

Они подъехали к железнодорожной станции. Эрика затормозила на стоянке такси.

– Спасибо, – поблагодарила Аманда, отстегивая ремень безопасности. – Знаете, теперь я припоминаю, что на видеокассетах, изъятых у Марксмэна, есть что-то настораживающее. Если угодно, я могла бы подключиться к расследованию в качестве бесплатного консультанта.

Готова подписать необходимые бумаги. Мне хотелось бы помочь вам распутать это дело.

Эрика остановила взгляд на Аманде – та горела энтузиазмом.

– Сегодня не самый подходящий день. Дайте мне время подумать.

– Ладно. Спасибо. И спасибо, что подвезли. – Аманда взяла сумку и вышла из машины.

Эрика смотрела, как она идет в здание вокзала, а сама думала, не будет ли сумасшествием принять ее помощь. И как она объяснит это Маршу?

Она выехала со стоянки такси и покатила к отделению полиции, настраиваясь на напряженные послеобеденные часы работы.

Глава 52

Эрика постучала в пентхаус Тренора Марксмэна. Дверь открыл Джоэл Майклс. В модных джинсах и рубашке, со стаканом кофе, в который была вставлена соломинка, и грязной тарелкой в руках. В глубине комнаты она увидела Марксмэна. Тот лежал в кресле с откидной спинкой у одного из окон от пола до потолка – видимо, дремал после обеда.

– В чем дело? – спросил Джоэл, глядя на Эрику, Мосс и еще двух полицейских в форме. – Почему вы не позвонили в домофон? Кто вас впустил?

Эрика шагнула вперед.

– Джоэл Майклс, вы задержаны по подозрению в похищении и убийстве Джессики Коллинз. Вы имеете право хранить молчание. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде.

Джоэл пробежал глазами ордер на арест, который показала ему Эрика. Марксмэн шевельнулся под одеялом и проснулся.

– Что происходит? – спросил он, с трудом выбираясь из-под одеяла и неровным шагом подходя к ним.

Джоэл поставил тарелку со стаканом на журнальный столик и взял Тренора под руку. Один из полицейских схватил Джоэла. Тот повернулся и оттолкнул его.

– Эй-эй, полегче, – вмешалась Мосс.

– Я ухаживаю за ним, – объяснил Джоэл. Его лысина блестела от пота; шрам, уходящий за ухо, приобрел ядрено-красный цвет.

– Джоэл ничего не сделал, арестуйте меня вместо него. – Марксмэн теперь поравнялся с ними и, чтобы не упасть, держался за спинку дивана. Он посмотрел на Эрику. – Я серьезно говорю. Лучше меня заберите. – Обезображенная кожа вокруг его глаз сморщилась от боли. – Я готов сделать признание. Это я убил Джессику. Похитил ее, когда она шла на день рождения. Схватил на улице и...

– Тревор, прекрати. – Джоэл ласково положил руку ему на грудь. – Позвони Марселу, прямо сейчас... Скажи, что меня арестовали. Куда вы меня повезете?

– В отделение Бромли, – ответила Мосс.

– Скажи, пусть встречает меня там.

– Но это безумие! – вскричал Тревор. – Вам, полиции, лишь бы крайнего найти. – Он смотрел, как двое полицейских надели на Джоэла

наручники и вывели его из квартиры. – Почему вы меня не арестуете? Боитесь?!

– Мы с вами свяжемся, – сказала Эрика, и они ушли.

* * *

Когда они прибыли в полицейский участок Бромли, уже смеркалось. После оформления протокола задержания Джоэла Майклса поместили в камеру. Вскоре приехал его адвокат – седовласый пожилой мужчина в огромных очках. Ему объяснили, на каком основании задержан Джоэл, и затем провели его в комнату для допросов.

* * *

– Все нормально, босс? – спросила Мосс. Они находились в мониторинг, ведя наблюдение за Джоэлом Майклсом и его адвокатом, ожидавшими в допросной. Джоэл, казалось, был невозмутим, сидел за пустым столом, сложив на груди руки. Его адвокат сидел рядом, разложив на столе папку и какие-то бумаги. Наклоняясь к своему клиенту, он что-то серьезно ему говорил, размахивая ручкой.

– Да. Только что-то не нравится мне все это. Я не уверена, что, идя на допрос, имею достаточно...

– А кто из нас когда-то был в том уверен? – перебила ее Мосс. – Будем надеяться, что мы застали его врасплох. Этот подонок много лет не имел дел с полицией, не отмечался в журнале учета сексуальных насильников. Никогда не испытывал на себе такого давления.

– До сего времени, – кивнула Эрика.

Они прошли в допросную. Мосс села напротив адвоката, Эрика заняла место напротив Джоэла, положив на стол свою папку.

– Сегодня четверг, десятое ноября, пять часов вечера. Допрос проводят старший инспектор Фостер и инспектор Мосс, – начала Эрика. Откинувшись на спинку стула, она внимательно посмотрела на Джоэла.

Он не моргая встретил ее взгляд.

– Сегодня я присутствовала на похоронах Джессики Коллинз. Будь она жива, теперь ей было бы тридцать два года.

– Это очень печально, – прокомментировал Джоэл.

Эрика открыла папку, взяла фотографию Боба Дженнингса и

пододвинула ее по столу к Джоэлу.

– Что вам известно об этом человеке? – Джоэл продолжал смотреть на Эрику. – Взгляните на фото.

Джоэл скользнул взглядом по снимку.

– Впервые его вижу.

– Вы уверены?

– Да.

– Его зовут Боб Дженнингс. Он жил в хижине у Хейзского карьера в ту пору, когда исчезла Джессика.

– Интересно, – промолвил Джоэл.

– Я располагаю видеокассетами, принадлежащими Тревору Марксмэну. Он ведь любил снимать видео, да?

– Без комментариев.

– Он выиграл видеокамеру на конкурсе. И ему нравилось снимать детей в Хейзском парке.

– Без комментариев.

– Вы тоже снимали детей на видео для него и, как и он, снимали и Джессику Коллинз. Причем она не случайно попала один раз в кадр. Вы снимали ее по несколько часов. Одержимо следили за семилетней девочкой.

– Без комментариев.

– На видео, что вы сняли камерой Трево́ра Марксмэна, также присутствует Боб Дженнингс. Боб Дженнингс, с которым вы поздоровались, назвав его по имени.

Джоэл, поменяв положение на стуле, поднял вверх глаза.

– Без комментариев.

– На допросе в августе девяностого года вы заявили, что не знакомы с Тревором Марксмэном.

– Без комментариев.

– По поводу данного факта я все же хотела бы услышать ваш комментарий. Вы солгали полиции.

– Должно быть, я ошибся.

– Вам нравятся маленькие дети, верно? Вы находите их сексуально привлекательными.

– Нам обоим известно, что мой клиент был осужден за растление несовершеннолетних. И отбыл срок наказания, – вставил адвокат.

– И как же ему повезло, что ему не пришлось регистрироваться в журнале учета сексуальных преступников...

– А это уже не вопрос, – усмехнулся Джоэл.

Эрика снова откинулась на спинку стула, стараясь сохранять спокойствие.

* * *

Три часа спустя Эрика и Мосс вышли из допросной, глядя вслед Джоэлу, которого повели по коридору в противоположном направлении, обратно в камеру.

– Черт, – выругалась Эрика. – У нас есть все и ничего... У меня недостаточно доказательств, чтобы подступиться к Марксмену; Боба Дженнингса нет в живых. Проклятье.

– Уже почти половина девятого, – сообщила Мосс, глянув на часы. – Пусть посидит ночь здесь, в «Хилтоне» Бромли. А завтра повторим попытку.

Эрика кивнула. Она видела, что Мосс тоже пытается хорохориться, но согласна с ней. У них ничего нет на преступников.

Глава 53

Эрика провела дома мучительную ночь. Ей никак не удавалось уснуть, она металась и ворочалась в постели, задыхаясь от тесноты. Она любила Ленку и ее детей, но ютиться с ними друг на друге в крошечной квартирке было выше ее сил. Утром следующего дня она уехала на работу рано, пока все еще спали. По пути в отделение купила шоколадный круассан с кофе и со своим завтраком поднялась в оперативный отдел.

Потом уселась за один из столов, стала изучать материалы следствия. Фотографии Джессики, карьера, Боба Дженнингса. Ей казалось, что она еще более, чем прежде, далека от разгадки.

Около девяти оперативный отдел стал заполняться сотрудниками, и Эрика пересела за компьютер в свой кабинет, куда без стука влетела Мосс.

– Простите, босс, – выпалила она, задыхаясь. – Вы должны спуститься вниз.

– Черт. Джоэл Майклс? Я думала, он находится под неусыпным наблюдением в целях недопущения самоубийства.

– Нет, не Джоэл. Тревор Марксмэн.

Эрика встала и последовала за Мосс вниз.

Спустившись в вестибюль, они увидели большой черный автомобиль-фургон, в нарушение правил припаркованный у отделения прямо на двойной желтой полосе. Эрика и Мосс вышли на крыльцо. Вскоре стало ясно, что кто-то оповестил прессу. У подножия лестницы, ведущей к главному входу, собралась большая толпа журналистов и фоторепортеров. У черного автомобиля стоял, опираясь на трость с золотым набалдашником, Тревор Марксмэн в длинном черном пальто и черной фетровой шляпе. Скрипучим голосом он обращался к представителям прессы:

– Арестовав Джоэла Майклса только потому, что он ухаживает за мной, Столичная полиция в очередной раз прибегла к тактике запугивания... Джоэл невиновен, но, как вы понимаете, для Столичной полиции это не аргумент. В девяносто пятом году, после того, как одна из их сотрудниц сообщила мой домашний адрес группе «активистов», которые подбросили в мой дом зажигательную бомбу, я призвал их к ответу. И суд встал на мою сторону...

С театральной размашистостью он снял шляпу, обнажив лысую голову, скроенную из лоскутов пересаженной кожи.

– Что за черт?! – воскликнула Эрика, вместе с Мосс наблюдая скандальное зрелище у входа в отделение. – Это надо пресечь!

– Я вынужден жить с таким лицом до конца своих дней! – кричал Марксмэн, морща кожу вокруг глаз. – Гибель Джессики Коллинз – это трагедия, но я доказал свою невиновность! Меня отпустили без предъявления обвинения. Я к ней непричастен. Теперь полиция арестовала Джоэла Майклса, человека, который поддерживал меня двадцать шесть лет. Он осуществляет за мной уход двадцать четыре часа в сутки. Он невиновен, и со стороны полиции это отчаянный шаг, попытка запугать меня, отомстить мне за то, что суд удовлетворил мой иск против полиции.

И вдруг из толпы зевак и журналистов, скопившихся на тротуаре, раздался чей-то голос, а потом появилась Марианна в длинном зимнем пальто. Пошатываясь, в сопровождении Лоры она проталкивалась вперед.

– Детоубийца! – кричала Марианна. – Гнусный лживый убийца!

Она продолжала протискиваться к Тревору мимо телеоператоров и журналистов. Возникла суматоха.

Эрика кинулась к стойке дежурного, схватила трубку телефона.

– У главного входа чрезвычайная ситуация... да, здесь, в Бромли. Все, кто есть в отделении, немедленно сюда.

Положив трубку, Эрика вернулась на крыльцо. Марианна и Тревор теперь стояли неподвижно в нескольких шагах друг от друга. Выпученные глаза Марианны пылали ненавистью. Тревор в знак примирения выставил перед собой свои когтистые руки.

Толпа заметно увеличилась. Помимо журналистов, на видеокамеры в своих телефонах происходящее снимали многие зеваки.

– Ты отнял у меня дочь, убил ее вместе со своими паскудными друзьями, а теперь еще и смеешься над нами! – кричала Марианна срывающимся голосом.

– Прошу вас, выслушайте меня, – просил Тревор. – Я всегда искал возможности поговорить с вами...

– Не указывай мне! Тебе нечего мне сказать! – вопила Марианна. – Ты убил ее, подонок! Убил мою девочку и утопил! Вчера мне пришлось хоронить ее, а от нее остался один скелет!

По лицу Марианны струились слезы. Толпа застыла в парализующем молчании. Народ все прибывал, занимая проезжую часть, поскольку на тротуаре места всем не хватало. Машины сигналили, требуя, чтобы их пропустили, ведь заблокированы были обе полосы.

– Скорей! Где патрульные, черт бы их побрал?! – крикнула Эрика. Дежурная за стойкой снова подняла трубку телефона. Эрика повернулась к

толпе и заметила Лору у машины Тренора Марксмэна. По ее лицу текли безмолвные слезы.

Внезапно в руке Марианны сверкнул большой кухонный нож. Настроение толпы изменилось. Народ хлынул на дорогу, прямо под колеса машин, которые теперь иступленно сигналили на все лады.

Марианна ринулась на Тренора Марксмэна, полоснула его ножом, вонзая острие в его руки, которые он инстинктивно поднял, пытаясь защититься от ударов. Лора, вытаращив глаза, кричала матери, чтобы та прекратила.

– Черт! – громко выругалась Эрика. – Где же патрульные?

Вместе с Мосс они выскочили на улицу, сбежали по лестнице. Следом за ними через несколько секунд примчались шестеро патрульных.

Им удалось схватить Марианну Коллинз и повалить ее на землю лицом вниз. Ее обезумевшее лицо усеивали брызги крови, кровью была измазана и ее левая щека; на белой блузке женщины расплывались три огромных красных пятна. Молодой констебль в бронежилете сумел поймать руку Марианны и вывернуть ее так, что она выронила нож. Носком ботинка он отшвырнул его в сторону, под ноги своему коллеге.

Марианна захлебывалась истошным хриплым криком. Женщина-констебль, повалив, коленом придавила ее к земле. Та продолжала сопротивляться, пока ей не завели руки за спину и не надели наручники.

Эрика подбежала к лежащему на тротуаре Тревору Марксмэну. Он был весь в крови, хлеставшей из трех глубоких ран на его руках. Она увидела, что в одном месте порез уходил до самой кости. Эрика быстро сняла с себя тонкий пиджак и, опустившись на колени рядом с раненым, принялась обматывать им его кровоточащие руки.

– «Скорую», быстро! – крикнула она, перекрывая гомон. – Человек истекает кровью! – Разыгравшаяся перед полицейским участком драма привлекала внимание людей, выходивших из здания железнодорожной станции на противоположной стороне улицы, и толпа на тротуаре стремительно увеличивалась и уплотнялась.

Окровавленную и вопящую Марианну потащили прочь. Из главного входа отделения выскочил полицейский с аптечкой.

А телеоператоры и фоторепортеры продолжали снимать весь этот хаос на видео.

Глава 54

Помощник комиссара Камилла Брейс-Козуорси отвела взгляд от большого телевизора, что висел на стене в ее кабинете, и повернулась к Эрике, стоявшей перед ее столом.

Встреча происходила ранним утром следующего дня. Камилла только что показала Эрике и Маршу двухминутный обзор событий предыдущего дня. Марш сидел в гробовом молчании по одну сторону от нее.

Накануне вечером инцидент у отделения полиции Бромли стал главной новостью во всех средствах массовой информации. Двухминутный обзор представлял собой смонтированную телеканалом *Sky News*^[29] нарезку кадров с основными моментами происшествия, призванных максимально подробно продемонстрировать весь ужас случившегося. Профессиональное видео с выступлением Тревор Марксмэна перед отделением Бромли дополняли кадры любительской съемки на мобильные телефоны, на которых крупным планом было показано, как Марианна Коллинз орудует ножом, и затем ее задержание: как ее повалили лицом вниз на тротуар, залитый кровью Тревор Марксмэна, и заковали в наручники.

Эрика неловко переступила с ноги на ногу. Сесть ей не предложили, а это не сулило ничего хорошего.

– Вам была поставлена задача доставить Джоэла Майклса в отделение для допроса без лишней шумихи. На каком этапе вы пренебрегли осторожностью? – спросила Камилла, глядя на Эрику поверх очков. – Ведь именно это мы посоветовали вам, когда вы поставили вопрос о его аресте.

– Да, мэм. Мы не могли предвидеть такое развитие событий. Совершенно очевидно, что кто-то предупредил Марианну Коллинз, равно как и прессу, – ответила Эрика.

– Вы должны найти утечку и ликвидировать ее, решительно и беспощадно.

– Слушаюсь, мэм. Мои сотрудники проводят тщательную проверку.

– Что мы имеем в сухом остатке?

– Тревор Марксмэн госпитализирован; он потерял много крови, но должен полностью восстановиться. В силу характера его кожных трансплантатов ему придется какое-то время провести в отделении интенсивной терапии.

– Что с Марианной Коллинз?

– Она была арестована, ей предъявили обвинение. Теперь она отпущена под залог.

– А Джоэл Майклс?

– Я вправе удерживать его под арестом еще два дня, – ответила Эрика.

Камилла откинулась на спинку кресла и внимательно посмотрела на нее.

– Разумеется, старший инспектор Фостер, расследованием руководите вы, но на вашем месте я отпустила бы Джоэла Майклса.

– Но, мэм, у меня есть доказательства, что он следил за Джессикой, снимал ее на видео. Он был осужден за растление несовершеннолетних. Он солгал о своем знакомстве с Бобом Дженнингсом. Я считаю, что Джессику прятали в подвале хижины у Хейзского карьера.

– Зуб, найденный в том подвале, принадлежит не Джессике Коллинз.

– Совершенно верно. Однако это детский зуб. И пол в подвале пропитан этилированным бензином. А в костях Джессики обнаружена высокая концентрация свинца.

Камилла вскинула ладонь.

– Вам нужны неоспоримые улики. Вы можете с полной уверенностью утверждать, что Джоэл Майклс или Тревор Марксмэн бывали в том подвале?

– Нет, но...

– Вы можете с полной уверенностью утверждать, что Джессику Коллинз держали в том подвале?

– Нет. – Эрика старалась не опускать глаза, старалась выдержать взгляд Камиллы.

– Мы планировали выступить с телеобращением вместе с семьей Коллинз, – впервые подал голос Марш. – Но, думаю, теперь это неуместно. Образ Марианны Коллинз с ножом засел в людской памяти...

– Да, нам нужна скорбящая мать, а не размахивающая ножом маньячка, – согласилась Камилла. Она сняла очки и сунула в рот кончик дужки.

Эрика чувствовала, как у нее по спине струится пот.

– Ну что, опять то же самое, старший инспектор Фостер?

– Что именно, мэм?

– Не понимаете! – вспылила Камилла. – Вы балансируете на грани блестящей рассудительности и полного тупизма.

– В свою защиту могу сказать, что я немедленно вызвала сотрудников на место происшествия, когда Марианна выхватила нож...

– Это произошло на ступеньках вашего отделения, где ежедневно

находятся от пяти до пятидесяти полицейских. И не надо мне сказки рассказывать! – рявкнула Камилла, хлопнув ладонью по столу. – На этих самых ступеньках, где суперинтендант Йель озвучил свою инициативу по искоренению преступлений, связанных с поножовщиной, и объявил акцию по сдаче колюще-режущих предметов!

Камилла успокоилась и снова надела очки. Эрика собралась было что-то сказать, но та выставила вперед ладонь.

– Я не сомневаюсь, что вы хороший полицейский, старший инспектор Фостер, но теперь все внимание прессы приковано к этому щекотливому делу. Вы уверены, что смогли бы собрать достаточно доказательств против Джоэла Майклса, Тренора Марксмена или Боба Дженнингса, чтобы обвинить их в убийстве Джессики Коллинз?

– Да. Я предлагаю эксгумировать тело Дженнингса.

– Исключено, – отрезала Камилла. – Прошло двадцать шесть лет. Что вы надеетесь найти?

– Наличие вредных веществ, переломы, следы преступления, доказывающие, что он не покончил с собой.

– А дальше что? Доказательств будет ничтожно мало. И к тому же криминалисты уже обследовали коттедж и практически ничего не обнаружили.

– Мы нашли зуб, – возразила Эрика. Она понимала, что проиграла – просто не могла остановиться и отступить.

– Его могли выбить, или он выпал. Люди, самовольно поселяющиеся в заброшенных домах, обычно не придают большого значения гигиене полости рта. Я настоятельно рекомендую вам отпустить Джоэла Майклса. Продолжайте расследование, а я тем временем поищу вам подходящую замену. Возможно, вас это подстегнет. Похоже, в критической ситуации вы добиваетесь лучших результатов.

* * *

По окончании встречи Марш нагнал Эрику у лифтов.

– Могло быть и хуже.

– Куда уж хуже? – усмехнулась Эрика, поворачиваясь к нему.

– На ее месте мог быть Оукли, – с улыбкой заметил он, пожимая плечами.

– С помощником комиссара Оукли я знала, как себя вести. Тип он неприятный, но заглатывал наживку. Его можно было перехитрить. А она...

Она чертовски умна.

– Да. В ее присутствии у меня душа уходит в пятки. Говорю это тебе как друг, а не как начальник.

Двери лифта открылись, и они шагнули в кабинку. Марш нажал кнопку с цифрой «1», и лифт стрелой понесся вниз с двенадцатого этажа здания Скотленд-Ярда. Эрика почувствовала, как у нее закрутило в животе.

– Пол. В моей практике это первое дело, которое... – Она осеклась, опустив в пол глаза.

– Что? – спросил он.

– У меня такое чувство, что я не смогу его раскрыть.

Марш, казалось, хотел обнять ее, но лифт остановился, и в кабинку вошли несколько сотрудников полиции. Эрика отвернулась к стене, стараясь сдержать свои эмоции.

Они вышли на улицу. Мимо с ревом проносились машины. Небо опять грозило дождем. Они зашагали к станции метро.

– Я снова и снова возвращаюсь к тому дню много лет назад: к седьмому августа, – заговорила Эрика. – Снова и снова изучаю свидетельские показания сотен людей, живших в том районе, оставшихся соседей. Как может ребенок исчезнуть без следа?

– Дети пропадают постоянно, каждый день, во всех странах, – отвечал Марш, застегивая пальто на холодном ветру. – В девяностом году в Кенте пропало шестьсот детей. Почти все были найдены живыми. Восемь до сих пор числятся пропавшими без вести.

– И, по-твоему, все это как-то связано с моим делом?

Полил дождь. Они спрятались в дверном проеме пустого административного здания.

– Нет, Эрика. Я просто хочу сказать, что это – не единичный случай. В том же году исчезло еще восемь детей. Кто их ищет? Джессика была белокурой европейкой из среднего класса. Пресса ухватила за ее историю, играя на наших чувствах, раздула ее, и это правильно. Но как же те остальные дети? Подобно Мэдлин Макканн^[30], Джессика из тех девочек, которые западают в души людей. К сожалению, есть преступления, которые раскрыть не удастся. Очень тебя прошу, если не сумеешь раскрыть это преступление – не надо считать это личной неудачей.

Марш с улыбкой обнял ее за плечи.

– Легко сказать, Пол. Единственное, что я умею, это расследовать преступления. Я – не жена, никогда не стану матерью. Служба в полиции – это моя жизнь.

– Эрика, а что будет через десять лет, когда тебе придется выйти на

пенсию? – спросил Марш. – Тебе необходимо найти свое место в этом мире, место, где ты можешь быть счастлива и без службы в полиции.

Глава 55

Из окна оперативного отдела Эрика смотрела, как Джоэл Майклс выходит из отделения на свободу. Он перешел дорогу, остановился на тротуаре перед железнодорожной станцией, повернулся и посмотрел на окно, у которого она стояла. Эрика подавила порыв метнуться в сторону и выдержала его взгляд. Усмехнувшись, он развернулся и смешался с толпой, хлынувшей из-под навеса станции. Интересно, подумала Эрика, куда он направляется? *К Тревору в больницу?*

– Вы по-прежнему считаете, что это он? – спросила Мосс, вставая рядом с ней у окна.

– Да в том-то и беда – я не уверена, – ответила Эрика.

До конца рабочего дня она просидела в своем кабинете, пытаясь сосредоточиться, разобраться в этом сложном деле, если в нем вообще можно было разобраться. Два часа она апатично пролистывала на компьютере следственные материалы, и в половине шестого надела пальто и покинула отделение.

* * *

Неожиданно для себя Эрика осознала, что она едет в Хейз. Она свернула на Эйвондейл-роуд. На улице царил безмолвие, вокруг ни души, припарковано всего две-три машины. Она затормозила у дома № 7. Заперев автомобиль, зашагала по длинной пологой подъездной аллее и у входа увидела невысокую круглолицую женщину и седовласого мужчину с фотокамерой на шее. Приглушенный голос из-за двери требовал, чтобы они ушли.

– Это частная собственность. Вы кто? – осведомилась Эрика, показывая свое удостоверение.

Мужчина и женщина обернулись на ее голос.

– Эва Касл, из *Daily Mail*, – представилась женщина, окинув Эрику взглядом. – Мы просто хотим узнать оценку случившегося с точки зрения ее матери...

Дверь, закрытая изнутри на цепочку, на дюйм приотворилась.

– Мама дома нет! Она в больнице, – прозвучал ответ. Эрика узнала голос Лоры.

– Она пырнула ножом местного педофила на глазах десятков людей... – сказала Эва, наклоняясь к щели в двери. – Где она? В психбольнице? Вы имеете возможность рассказать ее версию случившегося. Мы заплатим.

– Так, уходите, – велела Эрика, жестом предлагая журналистам удалиться.

Фоторепортер взял камеру и принялся делать снимки. Недолго думая, Эрика протянула к нему руку и отвела в сторону объектив.

– Ваши действия можно расценивать как жестокое обращение со стороны сотрудника полиции! – заявил фоторепортер с блеском в глазах. У него был неприятно резкий скрежещущий голос.

– Я могла бы арестовать вас обоих за причинение беспокойства. Вы нарушили границы частного владения, – сказала Эрика, по-прежнему наклоняя вниз объектив. – И я могу сделать так, что вам придется проторчать в участке довольно долгое время: пока будет оформлен протокол задержания, пока у вас возьмут образцы ДНК и т. д. и т. п. Я также конфискую вашу фотокамеру. И, учитывая все бюрократические проволочки, вернут вам ее отнюдь не сразу.

– Пойдем, Дейв, – презрительно усмехнулась Эва. Она достала визитку и сунула ее в дверную щель. – Лора, позвоните мне, если передумаете.

Они пошли к дороге. Эрика проводила их взглядом и затем повернулась к двери. В узком проеме виднелось лицо Лоры.

– Вы позволите войти? Можно с вами поговорить?

Лора сняла цепочку и открыла дверь.

– О чем? – со страхом спросила она. В белой блузке, заправленной в синие облегающие джинсы, Лора демонстрировала весьма завидную фигуру. Но Эрику потрясло, что она выглядит старше без макияжа.

– О вашей маме, о том, что случилось у отделения полиции.

– Я уже дала показания.

– Лора, прошу вас. Это могло бы помочь следствию. Мне только что пришлось отпустить Джоэла Майклса.

– Хорошо. – Она отступила в сторону.

Эрика вытерла ноги и вошла в дом.

Лора провела ее через коридор в кухню.

– Чаю хотите?

Эрика кивнула. Трясущимися руками Лора налила воду в чайник.

– Что будет с мамой?

– Ей предъявлено обвинение в попытке совершения убийства, но, как

вам известно, в соответствии с законом «Об охране психического здоровья» ее поместили в Луишемскую больницу. Она должна пройти медицинское освидетельствование. Судимостей у нее нет, так что ее могут привлечь к суду за нанесение тяжких телесных повреждений или увечий. Мне кажется, суд должен проявить к ней снисхождение. Плохо, что все это случилось.

Лора продолжала заваривать чай.

– А где остальные родственники?

– Папа со своей подругой и детьми сейчас у меня дома на севере Лондона. Я просто пришла, чтобы до конца убраться после поминок.

– Лора, кто предупредил вас о том, что Тревор Марксмен собирается быть в Бромли?

– Маме позвонили, – ответила Лора, ставя чайник.

– Когда?

– Вчера рано утром.

– Кто звонил?

– Не знаю. Я была в саду.

– То есть трубку сняла ваша мама?

– Да, она ответила на телефонный звонок, а потом пришла сюда за мной. – Лора открыла буфет и взяла оттуда две чашки.

– А вы же сказали, что находились в саду?

Лора выронила одну из чашек на пол, и та разбилась.

– Простите...

– Ничего страшного. – Узрев у батареи возле двери совок и щетку, Эрика взяла их и опустилась на корточки, помогая собирать осколки.

– Так и есть, я была в саду. Я хотела сказать, что она туда за мной пришла, – объяснила Лора, осторожно поднимая с пола два больших осколка разбитого фарфора.

– Это была ее идея прийти к отделению на встречу с Тревором? – спросила Эрика, сметая мелкие осколки чашки в совок.

Лора кивнула. Она подняла последние крупные осколки и, выпрямившись во весь рост, отошла к мусорному бачку с крышкой и педалью.

– Вы одобрили эту ее идею?

– Конечно, нет!

– Она сказала, кто ей позвонил?

– Сказала, что какой-то журналист, – ответила Лора, выбросив осколки в мусорный бачок. – Фамилии его я не знаю.

– Так это был мужчина?

Лора снова разволновалась.

– Фамилии журналиста она мне не называла и не говорила, мужчина это был или женщина... Их так много было за минувшие годы, и все шпионили, что-то выпытывали. И обычно это были мужчины.

Стоя спиной к Эрике, Лора налила кипяток в заварочный чайник.

– Мама сказала вам, что конкретно она намерена делать?

– Она сказала, что хочет увидеть Тревора, хочет выяснить у него раз и навсегда, его ли это рук дело.

– Лора, вы понимали, что это плохая затея?

Лора уперлась руками в стол и, опустив голову, кивнула.

– Это случилось на следующий день после похорон и поминок... Она много выпила накануне и сказала, что поедет в город, со мной или без меня.

– Где были остальные?

– Ушли домой с вечера. Я осталась с мамой, чтобы она была дома не одна.

– Вы знали, что ваша мама взяла с собой нож?

– Нет. Я никуда бы ее не повезла, если б знала, что она задумала! Я ясно выразилась? Что теперь с ней будет? – Лора заплакала.

– Вы связывались с Оскаром Брауном?

– Что вы имеете в виду? – резко спросила она.

– Он – блестящий адвокат. Полагаю, он мог бы помочь вашей маме в суде.

– Да, я вас поняла, – сказала Лора. У нее по-прежнему дрожали руки. – Нет, он не давал о себе знать. На похоронах я его, конечно, видела.

– В каких вы отношениях по прошествии стольких лет?

– Да нет у нас никаких отношений. Мы расстались, он исчез из моей жизни. У меня дети, муж. У него тоже...

– Ладно. Я попрошу распечатку ваших звонков. Попробуем найти этого журналиста, – сказала Эрика.

Лора кивнула, нахмурившись.

– Вы все еще хотите чаю?

– Нет, спасибо. Мне пора.

Они пошли к выходу через гостиную с зашторенными окнами. Лора открыла дверь. На пороге стоял Оскар Браун, как раз собираясь позвонить в дверь. Присутствие Эрики его удивило.

– Старший инспектор Фостер пришла расспросить про маму, – быстро объяснила Лора.

– А-а. Ну да, конечно. – Казалось, он приосанился, принял более чопорный вид. – Я здесь как раз по этому поводу. Лора попросила, чтобы я

защищал ее маму в суде.

– Да, – быстро подтвердила Лора. – Простите, у меня сейчас не голова, а сито.

Возникла неловкая пауза.

– Ладно, берегите себя, – попрощалась Эрика.

– Спасибо, что навестили ее, старший инспектор Фостер, – сказал Оскар. Он шагнул в дом и придержал дверь, выпуская Эрику на улицу.

Она вернулась к машине и села за руль. Поведение Лоры и Оскара привело ее в замешательство. Даже голова разболелась. Со всех сторон на нее сыпалась новая информация, и осмыслить ее, увязать все факты воедино она никак не могла. Нужно выпить чего-нибудь и хорошенько выспаться, решила Эрика.

Она тронула машину с места и поехала домой.

Глава 56

Эрика переступила порог своей квартиры и увидела, что Якуб и Каролина с воплями носятся по комнатам, играя в догонялки.

– Привет, тетя Эрика! – прокричали они, пробегая мимо. Младшая голосила в унисон с работающей стиральной машиной; на всю громкость орал телевизор, настроенный на MTV. Ленка вытанцовывала с Эвой на руках – прижимая малышку к плечу, пыталась ее успокоить.

Эрика пригорюнилась. У нее был ужасный день, и сейчас ей хотелось одного – тишины и покоя.

– *Zlatko!* Ты сегодня рано! – воскликнула Ленка. – Хоть раз меня послушала.

Эрика подошла к холодильнику, открыла морозилку. Каролина с Якубом завертелись вокруг Эрики, хватали ее за ноги, пытаясь поймать друг друга.

– Где моя водка? – спросила Эрика.

– Я ее вытащила, освободила место для замороженных овощей. Побоялась, что бутылка лопнет, – ответила Ленка, перекладывая плачущую Эву на другое плечо. Канал MTV стал показывать видеоклип с песней *Spice Up Your Life*. Дети бегом кинулись к дивану, запрыгнули на него.

– Пожалуйста, успокой их! – попросила Эрика.

– Ты их тетя, хоть бы пообщалась с ними немного, а то тебя вообще дома не бывает! – вспылила Ленка.

– Я работаю! И почему они скачут по мебели?

– Это постель, а на постели детям можно прыгать...

– Ленка, это диван, а не кровать.

– Раз он раздвинут, значит, это постель, Эрика.

Дети как угорелые продолжали прыгать на диване под музыку.

– А лед зачем вытащила? – спросила Эрика, увидев в раковине лоток для кубиков льда.

– На что тебе лед в середине ноября? – огрызнулась Ленка, снова перекладывая Эву на другое плечо.

– Я просто хотела выпить чего-нибудь холодного. Всего один бокал! – Глубоко вздохнув, Эрика прошла в спальню. Комната походила на мусорную свалку: постельное белье скомкано, всюду на полу игрушки, у батареи сушится пакет с грязными пеленками, источающими тошнотворную вонь.

Эрика протиснулась мимо детской коляски, почти полностью перегораживающей дверной проем, и увидела, что фото Марка лежит плашмя на комод, а на нем стоит бутылочка с детским маслом. Она взяла рамку, отстегнула задник. Масло просочилось вовнутрь и испачкало верхнюю часть снимка: над головой Марка до самых его волос расплывалось жирное пятно.

С фотографией в руках Эрика ринулась в гостиную, едва не налетев на детей, пробежавших мимо.

– Ты что тут вытворяешь, черт возьми? – заорала она.

Ленка с Эвой на руках повернулась и воззрилась на фото.

– А что такое?

– Ты поставила бутылочку с детским маслом на фотографию Марка...

– Прости, Эрика. Я другую тебе напечатаю. Она есть у тебя на флешке?

– Ленка, у меня нет этой фотографии на флешке... Я делала снимок пленочным фотоаппаратом, – объяснила Эрика надтреснутым голосом.

– То есть ты хочешь сказать, что фотография мужа, которого ты любишь больше жизни, существует у тебя в единственном экземпляре?! Почему же ты ее не отсканировала?

Эрика застыла на месте. Ленка была права. Почему не отсканировала? Это же так просто.

– Ты вообще ничего в голову не берешь, только грязь умеешь разводить! – гневно бросила она.

– Зато ты у нас супердетектив с понтом дела! Что же ты не додумалась сделать копию фотографии, которой так сильно дорожишь?! Я убрала ее с пеленального столика, так ты обратно поставила! Ты же знала, что на комод я переодеваю ребенка! Сама же разрешила нам пожить здесь, а теперь тыкаешь постоянно, что это твой дом!

– Я только попросила не трогать мою фотографию! И посмотри, во что вы превратили квартиру! Это теперь уже не мой дом, а ТВОЙ!

Ленка отвернулась к телевизору. Эва, перестав плакать, таращилась на нее огромными глазами.

– Долго вы еще намерены здесь торчать? Или это все зависит от твоего придурочного муженька?

– Мой муженек хоть и придурочный, зато со мной! – крикнула Ленка. Неожиданно все замолчали.

– Что ты сказала?

– Эрика, я не хотела. – Ленка повернулась к ней с виноватым выражением на лице.

– Значит, так. Чтобы к завтрашнему утру вас и вашего хлама здесь не было. Это ясно?! – гаркнула Эрика. Она вышла из гостиной, унося с собой фотографию Марка, схватила ключи от машины и покинула квартиру.

Лил дождь. Эрика села в машину, завела мотор и поехала куда глаза глядят.

Глава 57

Аманда Бейкер не замечала, что за окном лупит дождь. Она с головой ушла в компьютер, просматривая и пересматривая видео, снятое Тревором Марксмэном. Крофорд потрудился на славу – предоставил копии архивных материалов следствия, которые помогали ей восполнить пробелы памяти.

На стене гостиной над диваном исписанных листков заметно прибавилось.

Аманде всегда нравилось анализировать и сопоставлять факты, разгадывать головоломки, выстраивая связную цепочку развития событий. Сейчас, не испытывая давления начальства и даже необходимости выйти из дома, она чувствовала себя совершенной хозяйкой положения. Как будто это она сама руководила следствием.

Аманда ближе наклонилась к ноутбуку, освещаемая сиянием экрана. Она дошла до той части видео, где фигурировали вместе Марианна и Лора Коллинзы. Ясным солнечным днем они сидели на скамейке под сенью огромного раскидистого дуба. Камера, снимавшая Джессику и еще одну девочку, которые качались на качелях, взлетая все выше и выше, так что у обеих развевались длинные волосы, панорамировала, плавно приближаясь к Марианне с Лорой. Они о чем-то горячо спорили, и снимавший, заинтересовавшись, задержал на женщинах объектив, взяв их крупным планом. На мгновение изображение утратило резкость, но в следующую секунду обрело четкие очертания. Шум ветра несколько заглушал голоса, но Аманда отчетливо слышала все, что они говорили. Она поставила видео на паузу и опустила руку к чаше с карамельным попкорном, что стояла на полу возле ее кресла. Там было пусто.

Она с трудом поднялась с кресла и потащилась на кухню. Аманда упорно воздерживалась от употребления спиртного, а сладкое помогало не впасть в искушение. Открыв холодильник, она увидела, что все мороженое съедено; в шкафах, где она обычно держала печенье и шоколад, тоже ничего не осталось. Аманда открыла дверь кладовой и, экраном смартфона освещая каморку, заскользила взглядом по полкам, высматривая что-нибудь съедобное. Луч прыгал по консервным банкам, приправам, пакетам риса и макаронных изделий. Она была уверена, что в темных уголках непременно завалилось что-нибудь сладкое.

Аманда посмотрела в окно на задний двор. Дождь хлестал по стеклу, неухоженный газон озаряли вспышки молний. В такую погоду за

шоколадом она уж точно никуда не побежит, рассудила Аманда.

Она подтащила к двери кладовой стул, что стоял у кухонного стола, и встала на него. Светя смартфоном, осмотрела верхние полки. Опять консервные банки, просроченная упаковка *Weetabix*^[31]. Луч телефона упал на коробку, стоявшую за небольшой горкой бульонных кубиков «Оксо». Это была очень давняя упаковка апельсинового шоколада *Terry's*. Синяя коробочка запылилась, и через затянутое прозрачным пластиком круглое окошко было видно, что шоколадный шар в фольге растрескался и просыпался сквозь обертку. Однако не это привлекло внимание Аманды, а надпись на коробке. У нее аж дух захватило.

«Это не Терри, это – мое», – произнесла она, читая рекламный слоган. Аманда взяла коробку, спустилась со стула и вернулась в гостиную. – Это не Терри, это – мое... – повторяла она словно в трансе. Она снова села за компьютер, и пару раз просмотрела кусочек видео с кадрами, на которых Марианна бьет Лору по лицу. При этом она внимательно вслушивалась в слова, которые та кричала.

Аманда взяла телефон, набрала номер, но включился автоответчик.

– Крофорд, это я, – сказала она. – Убийца Джессики Коллинз... Кажется, я поняла... Перезвони, как получишь мое сообщение. Мне нужна помощь, чтобы кое-что проверить.

* * *

В другом конце города, в Мордене, Джерри лежал перед телевизором у себя в квартире, располагавшейся в одном из высотных жилых зданий. Раздался ставший уже привычным предупредительный сигнал. Джерри поставил на паузу шоу, что он смотрел, и, сев за компьютер, стал слушать.

Глава 58

Питерсон в одном лишь маленьком полотенце, обернутом вокруг пояса, стоял у себя на кухне и смотрел в холодильник. Все, что он увидел, – полбанки консервированных макаронных колечек в томатном соусе и несвежий хлеб.

Он снимал небольшую квартиру на первом этаже в приличном районе Сиднэма. Соседями его были в основном конторские служащие да еще пара старушек, у которых при встрече с ним всякий раз загорались глаза. Через несколько недель после того, как он поселился здесь, они выяснили, что он служит в полиции. Видимо, они чувствовали себя спокойнее, зная, что рядом живет страж порядка, ну и, как предположил его приятель Дуэйн, вероятно, они ему симпатизировали.

Питерсон со вздохом закрыл холодильник и услышал звонок в дверь. Он подумал, что это, возможно, пришла как раз одна из тех старушек. Под дверь он нашел записку с приглашением на собрание жильцов.

Однако, открыв дверь, он увидел на пороге насквозь промокшую Эрику.

– Привет, босс, – поздоровался Питерсон, подбирая трусы и носки, валявшиеся на полу у ванной.

– Простите, вы не один? – спросила она. Ее взгляд скользнул по серебряному медальону с изображением святого Христофора на его мускулистой груди, по кубикам пресса на его животе, присыпанным мягкой порослью.

– Нет, это просто я такой разгильдяй, – улыбнулся он. – Только что из душа. Извините. – Он натянул белую футболку, при этом едва не потеряв свое полотенце. – Войдете?

– Простите, зря я приехала. – Эрика повернулась, собираясь уйти.

– Босс, на вас же нитки сухой нет, а на улице холодно. Позвольте я хотя бы дам вам полотенце... У меня другое есть, – добавил он, глянув на то, что было обернуто вокруг его пояса.

Питерсон провел Эрику в гостиную, а сам удалился в спальню. Она огляделась и увидела, что попала в берлогу холостяка. На низком столике стоял большой телевизор с плоским экраном и игровой приставкой, к которой были подключены два контроллера. Две стены занимали книжные полки, беспорядочно заставленные книгами и DVD-дисками. Черная кожаная мебель, на стене – календарь Пирелли, все еще открытый на

октябре. Вернулся Питерсон – в белой футболке и свободных спортивных штанах. Эрика отметила, что от него исходит приятный запах.

– Что за календарь? – спросила она, показывая на черно-белую фотографию Йоко Оно, сидящую на стуле в колготках, пиджаке и цилиндре.

– А, ну да, это приятели каждый год дарят мне Пирелли... В этом году у них другая концепция, с претензией на художественность.

– Значит, ни одной цыпочки с обнаженной грудью? – улыбнулась Эрика.

– Увы, ни одной, – усмехнулся он. Питерсон взглянул на ее блузку, и Эрика, проследив за его взглядом, пришла в ужас, увидев, что через мокрую ткань у нее просвечивается бюстгальтер.

– О боже. – Она поспешила прикрыться полотенцем.

– Классно, – прокомментировал Питерсон. – Футболку дать? А блузку я повешу сушиться на радиатор.

Он принес сухую футболку и прошел на кухню, давая ей возможность переодеться. Эрика уединилась в уголке и быстро расстегнула мокрую блузку. Бюстгальтер тоже промок, и несколько минут она пыталась решить, снимать его или нет. В конце концов сняла и надела футболку. Пока прятала влажный бюстгальтер под блузкой на батарее у окна, к ней вернулся Питерсон с двумя бокалами виски. В небе сверкала молния, ветер швырял на стекло струи дождя.

– Вот, согреейтесь. Здесь одна порция – не опьянеете, – сказал он. Эрика взяла виски, они оба пригубили бокалы. Питерсон жестом предложил ей сесть вместе с ним на диван.

– Что по делу? Все нормально? Я знаю, что сегодня был хреновый день, – произнес он.

– Нормально... в принципе...

– Но?

– Да сама не знаю, зачем я здесь, – промолвила она, глядя в бокал с янтарной жидкостью. – Сестра все еще гостит... вы ее видели.

– Разве у вас не одна спальня? – спросил Питерсон, потягивая виски.

Эрика кивнула.

– Сегодня вечером напряжение достигло точки кипения, я взяла и ушла.

– Жаль.

Они оба глотнули виски. Алкоголь теплом разливался по телу, Эрика чуть расслабилась.

– Стерва я, да?

Питерсон раздул щеки.

– В вашем подчинении люди, вам приходится быть жесткой.

– Значит, стерва. Спасибо.

– Да нет, я не то хотел сказать, босс.

– Не называйте меня «босс», зовите...

– ...мисс Росс^[32], – закончил за нее Питерсон.

Эрика прыснула от смеха, он тоже расхохотался. Она опустила взгляд в бокал и, когда снова подняла на него глаза, он придвинулся к ней ближе. Забрал у нее бокал и поставил его на стол, что стоял перед ними. Затем наклонился к ней, бережно взял в ладонь ее подбородок и поцеловал. Губы у него были мягкие, теплые, чувственные. Она ощутила слабые движения его языка. От него пахло виски и мужским естеством, и она растаяла.

Эрика обняла его. Ее ладони поползли вниз по его каменной мускулистой спине, пальцы проникли под футболку. Кожа у него была теплая и гладкая. Его руки пробрались к ней под футболку, пальцы медленно заскользили вверх по ее спине.

– Ты приехала сюда без лифчика? – проурчал Питерсон.

– Он на батарее! – негодуя воскликнула она.

Питерсон перенес ладонь на ее грудь и осторожно стиснул один сосок. Эрика застонала, откинулась на спину. Он наклонился к ней, прижимаясь губами к ее губам.

Внезапно в ее сознании всплыло лицо Марка. Она увидела его так отчетливо, что аж вскрикнула.

– Что? Что с тобой? Я причинил тебе боль? – спросил Питерсон, отстраняясь от нее.

Глядя в его красивые карие глаза, она расплакалась. Вскочила с дивана, убежала в его крошечную ванную и заперлась изнутри. Сидела на бортике ванной и рыдала, сотрясаясь всем телом. Так горько она давно не плакала. Это приносило одновременно облегчение и боль. Успокоившись, она услышала тихий стук в дверь.

– Босс... Эрика. Ты как? Прости, если я позволил себе лишнего, – донесся голос Питерсона.

Эрика шагнула к зеркалу, вытерла лицо и открыла дверь.

– Ты тут ни при чем...

– Ну как же?! Я схватил тебя за грудь.

– Да ну тебя, я же серьезно. – Эрика прижала к носу салфетку. – Трудно быть вдовой. В Марке была вся моя жизнь. Я души в нем не чаяла, а он погиб. Он никогда ко мне не вернется, а я думаю о нем каждый божий день... и это ужасно изматывает, неизбывное горе опустошает. В моей

жизни образовалась огромная брешь, и с этим очень тяжело жить. Но я всего лишь человек, и мне больше всего на свете хочется просто... ну, ты понимаешь... быть с тобой, но меня не отпускает чувство вины. Марк был очень хорошим человеком, верным мужем. – Пожав плечами, она вытерла слезы.

– Эрика, давай просто спустим все на тормозах. Дай мне минутку. Я пойду и подрочу на то фото Йоко Оно...

Она подняла на него глаза.

– Шутить еще не время? – спросил Питерсон.

– Нет, – улыбнулась она. – Мне как раз хохмы не хватало.

Эрика встала, все так же с улыбкой глядя на него. Он стоял, прислонившись к дверному косяку. Она прильнула к нему, снова стала целовать. Они двинулись по коридору от ванной. Он пятился, увлекая ее за собой. Спотыкаясь и оступаясь, они на ощупь добрались до спальни и повалились на кровать. И на этот раз она не дала ему остановиться.

Глава 59

Ленка лежала с открытыми глазами в темноте квартиры Эрики, смотрела в потолок спальни, прислушиваясь к шуму дождя за окном. Рядом с ней в кровати чмокала и посапывала во сне Эва. Ленка протянула к дочери руку, потрогала ее, погладила по головке, покрытой шелковистыми волосиками.

Она сильно переживала из-за ссоры с сестрой. Далеко за полночь ждала ее возвращения, сидя в темной гостиной, где спали старшие дети. Потом попробовала позвонить Эрике. Ее телефон отозвался приглушенным звонком из пальто сестры, висевшего на спинке стула. Ленка выудила его из кармана, но батарейка села прямо во время вызова, а в темноте она не смогла найти зарядное устройство.

Ленка снова села, глядя на Якуба с Каролиной. Она чувствовала себя бесконечно далеко от дома. Она знала, что у Эрики есть друг-судмедэксперт, а также что отца Марка зовут Эдвард Фостер и он живет близ Манчестера. Ленка волновалась за сестру. Уйти и не сказать куда... такая беспечность ей была совершенно не свойственна.

* * *

Голова Эрики покоилась на груди Питерсона, она ощущала тепло и спокойное ритмичное биение его сердца. Он шевельнулся во сне, сильной рукой теснее прижал ее к себе.

Она пребывала в шоке, одолеваемая одновременно волнением и чувством вины из-за того, что между ними произошла сексуальная близость. Дважды. Первый раз судорожно и быстро, а потом почти сразу они снова переплелись, предаваясь наслаждению с неспешной чувственностью. После они заснули, но час назад она пробудилась и с тех пор беспрестанно размышляла, глядя на электронные часы в спальне Питерсона.

Теперь они показывали 3.04 утра. Эрика устроилась поудобнее в кольцо его руки и закрыла глаза, заставляя себя заснуть.

* * *

Ленка повернулась на бок, привстала на кровати, взяла с прикроватной тумбочки телефон и увидела, что уже пять минут четвертого утра. Она снова легла, проверила, крепко ли спит Эва. Малышка тихо посапывала, держа во рту крошечный большой пальчик.

И вдруг Ленка замерла. Она услышала шум, как будто треснул пластик. Звук повторился, а потом раздалось звяканье, словно что-то упало на ковер в гостиной. Ленка быстро вскочила с постели и обвела взглядом комнату. В углу стоял пылесос со скрученным шлангом и отсоединенной металлической трубкой. Она схватила эту трубку и бегом кинулась в гостиную.

Дверь во двор была распахнута, в одном месте пластмассовая панель была оторвана. В проем врывался ветер, раздувая занавески. Не выпуская из руки металлическую трубку, Ленка завертела головой, оглядывая темную комнату: дети, как это ни невероятно, по-прежнему спали под одеялами.

Послышался тихий скрип, и Ленка почувствовала, как ее шею стиснули две сильные ладони. Не раздумывая, она взмахнула металлической трубкой, занеся ее за правое плечо. Шлепок, вскрик. Дети проснулись, завизжали. Ленка повернулась и увидела, что на нее надвигается силуэт огромного мужчины. Она взмахнула трубкой и ударила его в пах. Не сильно, но он застонал, и это дало ей время отступить на шаг, размахнуться как следует и ударить его трубкой по голове со всей силы – один раз, второй. Он повалился на пол, а она продолжала его дубасить. После третьего удара он обмяк и затих.

Якуб с Каролиной ревели, заходясь криком. Ленка велела им идти в спальню и взять Эву. Ей не удавалось как следует рассмотреть мужчину на полу. Она видела только, что он крупный и с густой черной кудрявой шевелюрой. Не сводя с него глаз, она схватила комплект ножей из той части комнаты, что была отведена под кухню, и с базы стационарного телефона – переносную трубку, сунула ее в карман. Не выпуская из руки металлическую трубку от пылесоса, она вышла в коридор.

– В ванную, быстро, – велела она детям, появившимся из спальни. Каролина несла Эву. Малышка, как это ни удивительно, не просыпалась. Все вместе они забились в ванную, и Ленка заперла дверь, поставив перед ней стул. Она видела, что спинка у него низкая, не воспрепятствует повороту дверной ручки.

– Не бойтесь, – успокоила она Каролину и Якуба, которые, словно перепуганные зверьки, съежившись, жались к стене. – Все будет хорошо. Каролина, помогай мне, держи Эву. – Девочка, прерывисто вздохнув,

кивнула.

Ленка растерянно смотрела на телефон. Она не знала ни одного номера. Не знала, как позвонить в полицию, как объяснить по-английски, что им нужна помощь. Она знала только телефон Марека.

Она села под дверь и позвонила мужу в Словакию на мобильный телефон. Якуб, белый как полотно, дергал ее за рукав.

– В чем дело? – спросила она.

– Мама, замок не работает, – прошептал он, весь дрожа. – Тетя Эрика сказала, что он сломан...

Только в трубке пошел вызов, Ленка услышала визгливый скрежет и подняла голову. Дверная ручка у нее над головой поворачивалась. Она почувствовала, как дверь за ее спиной поддалась.

В образовавшуюся щель просунулась большая рука, и на этот раз Ленка завопила вместе с детьми.

Глава 60

Проснувшись утром, Эрика увидела, что Питерсон, ночью отодвинувшись от нее, спит лежа на боку, стянув к своим голым ногам все простыни. Часы показывали 6.01. Столько разных эмоций захлестнуло ее: чувство вины – из-за того, что ей нравилось быть с Питерсоном; глубокая печаль – оттого, что она еще больше отдалилась от Марка. Память о нем немного померкла, затуманилась, растворяясь в прошлом, после новых впечатлений, что она получила в объятиях другого мужчины. Эрика представила, как встретится с Питерсоном сегодня на работе, и у нее упало сердце. Она спустила ноги с кровати, подобрала с пола одежду, надела нижнее белье. Потом отодвинула штору на окне. Еще не рассвело. Питерсон повернулся к ней.

– Доброе утро. Останешься на завтрак?

– Нет. Мне пора, – отказалась она.

– Иди сюда.

– Зачем?

Он приподнялся в постели.

– Что значит «зачем»? Я хочу тебя поцеловать.

Эрика подошла к кровати и села на краешек подле него. Он обнял ее одной рукой.

– Нам надо установить определенные границы, – произнесла она.

Он вскинул брови.

– Ночью я что-то не заметил между нами каких-либо границ.

– Я не шучу. Ведь я твой начальник. Будет проще, если мы не станем говорить об этом на работе.

– Проклятье. А я так хотел встать посреди отдела и всем объявить, что ты чертовски великолепна в постели...

– Питерсон.

– И ведь ты чертовски великолепна в постели, – повторил он, подмигнув ей. Она смотрела на него. – Разумеется, я не стану ничего говорить...

– Вот и хорошо.

– Не хочешь еще раз?

– Не знаю. Давай так: мы провели вместе прекрасную ночь. Провели и забыли, хорошо?

– Забыли?

Эрика встала, высматривая на полу свои носки.

– А что ты хочешь? Завести со мной роман?

– Нет.

– Вот и чудесно. Мне романы совершенно ни к чему.

– Ты это ясно дала понять. – Он сел в постели.

– Отлично. Это был разовый случай, мы получили удовольствие, и все вернулось на круги своя...

– Ладно. Хорошо. Увидимся на работе. – Он слез с кровати и прошел мимо нее в ванную, захлопнув за собой дверь.

Эрика последовала за ним из спальни и в нерешительности остановилась перед ванной, собираясь постучать. Потом, передумав, отправилась в гостиную, взяла там блузку и бюстгальтер. Она аккуратно сложила футболку, что дал ей Питерсон, положила ее на спинку дивана и покинула его жилище.

Глава 61

По дороге из Сиднэма Эрика заехала в «Макдоналдс», заказала сэндвич с яйцом и колбасой и стакан кофе. Когда хотела расплатиться, увидела, что у нее с собой нет ни телефона, ни бумажника. Пришлось лезть в бардачок за мелочью, которую она держала для оплаты парковки.

Брезжил холодный синий рассвет. В начале восьмого Эрика свернула на Манор-Маунт и, заметив у своего дома два полицейских автомобиля, почувствовала, как у нее участился пульс. Она припарковалась на гравии рядом с ними и бегом кинулась в подъезд. Сердце все сильнее билось в груди, когда она увидела, что дверь в ее квартиру открыта и вход охраняет патрульный.

Из квартиры появился высокий эксперт-криминалист в синем комбинезоне. Он нес длинный прозрачный пакет с металлической трубкой от пылесоса, на которой запеклась кровь, измазавшая изнутри и сам полиэтилен. В другой руке он держал одно из ее гостевых полотенец, тоже в пятнах крови.

– Простите, вы кто? – спросил патрульный, рукой перегораживая ей проход в квартиру. Эрика увидела, что он очень молод, с худощавым лицом и сильным раздражением на коже от бритвы.

– Я здесь живу. Где моя сестра и ее дети? – Сама не своя от беспокойства, она попыталась протиснуться мимо него.

– Это место преступления, – сказал он, по-прежнему не давая ей пройти.

– Я – сотрудник полиции, только сейчас при себе у меня нет удостоверения. Откуда здесь кровь? Где моя сестра и ее дети? – Охваченная безумной паникой, она напрочь утратила самообладание. Сердце бешено колотилось, глаза щипало от слез. Поразительно, как быстро она примерила на себя роль жертвы.

А потом из ее квартиры вышел полицейский, которого она меньше всего хотела бы видеть. Суперинтендант Спаркс откинул капюшон синего комбинезона и обнажил голову с зачесанными назад сальными волосами, открывавшими его высокий лоб. Он обратил к ней свое изрытое оспинами лицо.

– Эрика?

– Спаркс, что происходит? Это – моя квартира. Где моя сестра и трое детей? – со слезами в голосе спросила она, позабыв про их прежние

разногласия. Сейчас ей хотелось одного – узнать правду.

– Сестра и ее дети живы-здоровы, – ответил он. – Они у соседей наверху. Полчаса назад нам удалось найти переводчика. Они перепуганы, но не пострадали.

– Слава богу, – выдохнула Эрика, смахивая слезы. – Что случилось?

Спаркс отвел ее в сторону.

– В половине четвертого утра с вашего домашнего телефона поступил экстренный вызов... Диспетчер сначала не понял, что говорят, но, к счастью, один из его коллег знал словацкий.

Спаркс затем сообщил, что злоумышленник пробрался в дом через стеклянную дверь, ведущую во внутренний дворик, но Ленка отбилась от него металлической трубкой от пылесоса.

– Вместе с детьми она заперлась в ванной и набрала номер службы спасения «112», с которого, к счастью, вызов передается в экстренные службы «999». Тот, кто залез к вам, истекал кровью. Он попытался проникнуть в ванную – дверь сильно измазана его кровью. Но потом почему-то убежал. Мы прибыли в начале пятого, здесь уже никого не было.

Эрика сползла по стене на пол.

– Что-нибудь взяли? – спросила она.

– Нет, насколько мы можем судить.

– Спаркс, в квартире остались мой мобильник, удостоверение, сумка... Ноутбук. – Сидя на корточках, она опустила голову в ладони. Он возвышался над ней, не зная, что сказать.

– Порядок вы знаете. Это место преступления...

– Спаркс, не спорю, у нас с вами есть определенные разногласия, но прошу вас, давайте забудем о них на пару часов? Я бы обязательно пошла вам навстречу. Можно как-то поскорее вернуть мне мои вещи?

– Я же сказал. Это – место преступления. Никто не пострадал. Подождете.

– А вы-то вообще как здесь оказались? – любопытствовала Эрика. – Такая мелочь вам вроде как не по рангу.

– Я приехал, потому что поступило сообщение о незаконном вторжении, предположительно с убийством. Нападение на женщину из Восточной Европы.

– Все за громкими делами гоняетесь? Ну-ну. Как был лентяй, так им и остался.

– По-моему, вы не совсем корректно ведете себя по отношению к старшему по званию, старший инспектор Фостер, – осклабился Спаркс, отступая от нее на шаг.

– Сегодня утром я просто мисс Фостер. Пострадавшая, из налогов которой вы получаете свое жалованье. Где моя сестра?

* * *

Эрика прежде ни разу не встречала свою соседку с верхнего этажа – жизнерадостную неухоженную женщину сорока пяти лет с массой спутанных кудряшек на голове. Ее звали Элисон.

– Привет, – поздоровалась она, открыв дверь Спарксу и Эрике. – Ваша сестра и дети в гостиной. Они очень перепугались. – В ее голосе слышался едва уловимый уэльсский акцент. На ней было цветастое платье. Квартира ее – просторнее, чем та, что снимала Эрика, – была уютно обставлена деревянной мебелью в стиле рустики; на стенах висели полки с книгами и семейные фотографии. Элисон провела их в гостиную, где на диване сидела Ленка со спящей Эвой на руках. Она беседовала по-словацки с высоким худым мужчиной в зеленом вельветовом костюме, сидевшим на журнальном столике напротив нее.

Каролина с Якубом устроились на разных концах длинного дивана. Между ними разлегся огромный старый ротвейлер. Пес дремал, положив морду Каролине на колени.

– Эрика! – воскликнула Ленка, увидев сестру.

Эрика кинулась к ней, обняла.

– Прости. Прости, что бросила вас – ушла и не вернулась, – извинилась она.

– Это ты меня прости. Наговорила тебе бог знает чего. Я не хотела...

– Не бери в голову. Главное – мы все целы, значит, все хорошо, и я люблю тебя, – успокоила сестру Эрика. Они снова обнялись. Потом Эрика подошла к детям, спросила, хорошо ли они себя чувствуют. Они кивнули с серьезным видом. Каролина почесывала за ухом большой собаке. Якуб наклонился в сторону, чтобы видеть мультик по телевизору: Эрика заслоняла собой экран.

– Кто тот противный тип? Похожий на вампира? – спросила Ленка по-словацки, дернув головой в сторону Спаркса. Тот, в черном костюме, стоял в углу с враждебным выражением на лице.

– Как в «Отеле “Трансильвания”», – добавил Якуб.

– Что они говорят? – рявкнул Спаркс.

Переводчик собрался было перевести, но Эрика положила руку ему на плечо.

– Не беспокойтесь. Теперь я сама разберусь... Я просто поинтересовалась, как у них самочувствие. – Она повернулась к Ленке и, перейдя на словацкий, объяснила: – Это тот говнюк, про которого я тебе говорила.

– Мы находимся в Англии, так что, будьте добры, говорите по-английски, – потребовал Спаркс.

– *Kokot*, – произнесла Ленка, согласно кивнув.

– Я не дурак, могу отличить плохое слово от хорошего, – заявил Спаркс. – Вы, я вижу, пришли в себя. Мои сотрудники показания взяли. Ну и будьте здоровы. – Спаркс извинился и ушел. Ленка поблагодарила переводчика, и тот вскоре тоже откланялся.

– Чаю, милочка? – предложила Элисон.

– Спасибо, не откажусь, – ответила Эрика.

– Если хотите сесть на диван, Герцога просто пихните, и он сам уйдет, – добавила Элисон, показывая на ротвейлера. – Он безобидный. Целыми днями только спит и газы пускает... Вашего незваного гостя он не слышал.

– Спасибо, что приютили их, – поблагодарила Эрика. – Вы уж простите, что раньше не удосужилась познакомиться с вами...

Элисон добродушно отмахнулась от ее извинений:

– Так всегда бывает. Пока гром не грянет, каждый сам по себе. Пойду принесу вам чаю.

Она вышла из комнаты, а Эрика села на журнальный столик и взяла Ленку за руку.

– Ты разглядела, кто это был?

– Мельком видела лицо. Здоровый, гад, и лохматый, – ответила Ленка. Вздыхнув, она хотела продолжить свой рассказ и вдруг замерла.

– Что? Что-то вспомнила? Все выкладывай, важна каждая мелочь...

– Помнишь, на днях я говорила, что мужик какой-то приходил, счетчики проверял – на газ и электричество?

– Да.

– Я, конечно, не могу утверждать с точностью, темно ведь было, но, по-моему, это был он.

Глава 62

Квартира Эрики, после того как в нее вторгся злоумышленник, превратилась в место преступления, поэтому им пришлось переехать в гостиницу на окраине Бромли.

Прежде ей уже случалось останавливаться в этом отеле. Он располагался недалеко от районного центра, но стоял в полях, рядом с площадкой для гольфа. Ленка сняла люкс для себя и детей и соседний номер – для Эрики, хоть та и возражала.

– Нет, за мой счет, – настояла Ленка. – Я не могу пользоваться кредитной картой Марека. Но он вполне способен оплатить несколько ночей в хорошем номере. Я тебе говорила, что позвонила ему из ванной в ту ночь, когда тот псих влез к нам? Так вот он только утром перезвонил!

– Так ведь глубокая ночь была, – заметила Эрика.

– Я сплю с телефоном под ухом – вдруг ему понадобится. Думала, и он также. Если не за меня, то хотя бы за детей должен же переживать...

– Ты сообщила ему о случившемся?

– Да. Он обеспокоился, но прилететь не обещал. Слишком занят со своими адвокатами да все от пулю пытается увернуться – в прямом и переносном смысле.

– Гости, останавливающиеся в люксе, по желанию могут воспользоваться индивидуальным обслуживанием, – уведомила их администратор. Эрика перевела.

– Да, беру. И какая у вас самая дорогая спа-процедура? – спросила Ленка.

– Она говорит, что гидроколонотерапия, – перевела Эрика.

– Отлично. Закажи для меня по одной каждый день на следующей неделе!

– Она возьмет только индивидуальное обслуживание, – сказала Эрика администратору. Они забрали ключи и пошли заселяться. Номера оказались шикарными.

* * *

Эрике удалось немного поспать, но она не разделяла возбуждения Ленки и детей. Все ее мысли по-прежнему занимало расследуемое дело, и в

понедельник утром она была рада вернуться на работу.

Она поднялась в оперативный отдел. Остальные сотрудники прибыли незадолго до нее. Снимая верхнюю одежду, они делились впечатлениями о проведенных выходных. При ее появлении все мгновенно умолкли.

– Наверно, все слышали, что у меня выдались занятные выходные. Никто не пострадал, не считая незваного гостя, которого мастерски отвадила моя сестра. Это у нас семейное...

Она обвела взглядом комнату, своих сотрудников, Джона, Мосс, констебля Найт – ей все кивали с улыбкой, – а потом увидела Питерсона: он просто смотрел на нее.

– Работаем, как всегда. Нам поручено расследовать преступление, так что приступаем к работе.

Она прошла в свой кабинет. Мосс последовала за ней.

– Босс, эксперты вернули ваш айфон, а также ноутбук и удостоверение. Ничего на них не обнаружили – отпечатков нет. Да, и привет от Спаркса. – Эрика подняла на нее глаза. – Шучу, босс.

– Очень смешно. Я думала, суперинтендант Спаркс уже работает над каким-то громким делом в Луишем-Роу.

– Да в том-то и беда. Он гоняется за громкими делами. Как актер, который стремится сниматься только в фильмах, претендующих на престижные награды...

– То есть по-прежнему ловко отфутболивает дела, которые не представляют для него интереса?

Мосс кивнула.

– Наверно, когда ехал по экстренному вызову вашей сестры, надеялся, что ему перепадет что-то забористое, а...

– А наткнулся на мою сестру, – улыбнулась Эрика. – Кстати, отправьте-ка к ней вместе с переводчиком одного из наших «художников». Пусть составят фоторобот. Смущает меня что-то в этом незаконном вторжении.

– Слушаюсь, босс.

Мосс ушла, а Эрика вскрыла прозрачный пакет, в котором лежали ее вещи. Извлекла удостоверение и сунула его в карман. Батарея в ее мобильном села, и она поставила его заряжаться, подсоединив к зарядному устройству, которое держала у себя в кабинете. На экране высветились оставленные голосовые сообщения и пропущенные звонки. Несколько звонков от Ленки, но первое голосовое сообщение – что ее немало удивило – пришло от Аманды Бейкер. Та сказала, что у нее есть важная информация по делу Джессики Коллинз, и просила срочно перезвонить.

Аманда звонила еще пять раз, оставив другие сообщения. Эрика позвонила ей на мобильный телефон. Включился автоответчик. Она загрузила компьютер, нашла телефонный справочник и в нем – адрес Аманды. Эрика попыталась связаться с ней по домашнему телефону, но никто не отвечал.

Она открыла дверь своего кабинета и окликнула Джона.

– Звоните на эти два номера. Оба принадлежат Аманде Бейкер. Как только она ответит, сразу же переведите ее на меня.

– Слушаюсь, босс, – сказал Джон, забирая листок, на котором Эрика начеркала два телефонных номера.

Она снова села за стол и попыталась с головой уйти в работу, разбираясь с материалами по делу Джессики Коллинз. Просматривала записи, сделанные за последние несколько дней, размышляла об аресте Джоэла Майклса.

Раздался стук по стеклу, и в кабинет вошел Питерсон. В руках он держал картонный поднос с двумя стаканами кофе из «Старбакса», что находился в начале центральной улицы. Питерсон шагнул к столу и один стакан поставил перед Эрикой.

– Что это? – спросила она.

– Кофе для тебя.

– Я не просила.

– Судя по твоему виду, кофе тебе не помешает...

Эрика отодвинула от себя стакан.

– Питерсон, ну вот что ты делаешь?

– Я что – не могу принести тебе кофе?

Эрика понизила голос:

– Ты принес мне кофе как своему боссу или как... как бы точнее выразиться... любовнице на одну ночь?

– Так нечестно. Я просто принес тебе кофе, и думай что хочешь. Между прочим, та ночь была особенной.

– Мы не обсуждаем это здесь, в оперативном отделе!

Стук по стеклу. В дверях появилась Мосс.

– Я собираюсь за кофе сбежать через дорогу. На вас, ребята... – Она умолкла на полуслове. – О. Без меня, что ль, уже сбегали?

– Только что, – подтвердил Питерсон.

– До самого «Старбакса» добежал? – удивилась она, увидев фирменные стаканы. Потом, посмотрев на Эрику и Питерсона, расплылась в улыбке. – А-а... понятно. Так вы?..

– Мосс, войдите, пожалуйста, и закройте дверь, – велела Эрика.

Она дождалась, пока закроется дверь.

– Не знаю, что сказал вам Питерсон, но мы здесь не на шоу «Выбери меня». Я не желаю, чтобы сотрудники отдела перемывали кости мне или Питерсону, обсуждая личную жизнь каждого из нас. Нет и не может быть никакого служебного романа...

Молчание.

– Питерсон ничего мне не говорил, но теперь я вижу, что между вами что-то произошло.

– Ничего не произошло, – опроверг Питерсон.

– Неужели? Мало того, что ты сбегал за кофе в «Старбакс», так ты еще не поленился сахар прихватить, белый и коричневый, и салфетку в придачу. И даже вон мешалку на крышку положил. Очень мило.

– Отвали, Мосс, – огрызнулся Питерсон.

– Со мной ваш секрет все равно что в могиле... но, кстати, я за вас очень рада.

– Идите-ка работайте, оба, – велела Эрика. После их ухода она какое-то время смотрела на кофе, но потом смиротворилась и отпила глоток.

В дверь снова постучали. Это был Джон.

– Что? Дозвонились до Аманды Бейкер? – спросила она.

– Нет, босс. Но к дому Аманды Бейкер вызвали полицию. Почтальон. Это он позвонил в службу «999». Говорит, заглянул к ней в окно и увидел там что-то...

– Что?

Джон нервно сглотнул слюну.

– Он думает, что увидел ее ноги, болтающиеся на весу в коридоре.

Глава 63

Эрика с Джоном прибыли к дому Аманды Бейкер, возле которого уже стоял полицейский автомобиль. Двое патрульных, мужчина и женщина, беседовали с почтальоном, которого Эрика видела, когда приходила к Аманде в первый раз. Тот выглядел потрясенным.

– Здравствуйте. Старший инспектор Фостер. Это – констебль Макгорри, – представила Эрика себя и Джона. Они показали свои удостоверения. Дальше по улице у своих калиток стояли, наблюдая за происходящим, соседи из двух домов.

– Констебль Десмонд, это – констебль Хьюитт, – в свою очередь представила себя и своего напарника молодая женщина. – В дом мы не заходили. Попытались открыть входную дверь, но она не поддается.

– Дверь с обратной стороны заложена кипами газет, – объяснил бледный как смерть почтальон.

Эрика подошла к фасадному окну и заглянула в щель между шторами. В глубине она различила дверной проем, ведущий в коридор, и в нем – две свисающие ноги в носках. Она похолодела от дурного предчувствия.

– Обычно я отдаю ей почту через окно, оно не запирается. Ведь говорил я ей, чтобы она починила запор, – посетовал почтальон.

– Возможно, отсюда и было совершено проникновение. До приезда криминалистов здесь лучше ничего не трогать, – шепнула Эрика Джону.

– Но, босс, ведь все указывает на то, что она покончила с собой.

Эрика снова заглянула в окно. Что-то здесь не так, решила она. Аманда не показалась ей склонной к суициду. После похорон, когда она подвозила ее, Аманда была воодушевлена, производила впечатление человека, который любит жизнь.

– Давай попробуем зайти сзади, – предложила Эрика.

Им удалось открыть боковую калитку, и затем по проходу они прошли в сад.

Задняя дверь была распахнута настежь.

– Черт, – тихо выругалась Эрика.

Она первой шагнула в дом, Джон и патрульные – следом. Они вошли в кухню. В ней был наведен порядок. Все блестит, на своих местах. Дверь в коридор закрыта. Они стали осторожно подступать к ней. Скрип половицы заставил их остановиться. Шум исходил из-за закрытой двери. Патрульные взяли наизготовку дубинки.

– Полиция. Выходите с поднятыми руками! – крикнула Эрика.

В ответ – тишина. Затем скрип повторился, громче. Потом треск чего-то рвущегося, щелчок, и пол сотряс жуткий грохот. Что-то посыпалось на лестницу.

Они не двигались, пока не наступила звенящая тишина. Эрика обернулась, кивнула и быстро открыла дверь.

На полу у подножия лестницы лежало тело Аманды Бейкер в неестественной позе. На ней были только белая ночная сорочка с узором и синие носки. Левая рука и плечо застряли у нее за спиной; правая нога вывернута в колене. Ее тело покрывали пыль и ошметки штукатурки. Рядом лежал тонкий квадратный кусок дерева. Это была крышка чердачного люка. В воздухе вихрились пылинки.

– От потолка оторвалось, – произнес Джон. Прикрывая рукой рот, он показал на дыру, зияющую в потолке над верхней лестничной площадкой. Эрика козырьком приставила ко лбу ладонь, защищая глаза от пыли и крошек все еще осыпающейся штукатурки. Она приблизилась к Аманде и увидела, что лицо ее посинело и раздулось, на шее петля, а глаза открыты.

Глава 64

– Думаешь, самоубийство? – спросила Эрика. Миновало несколько часов. За это время на место происшествия приехали Айзек Стронг и Нилз Акерман с командой экспертов-криминалистов.

Эрика и Джон стояли в коридоре с Айзеком.

– Смерть наступила от асфиксии. Шея вытянута, на ней видна глубокая борозда, – отвечал Айзек, аккуратно повернув на бок голову Аманды. – Но вот что интересно: наверху на ковре у лестницы валяется бокал с остатками жидкости, по запаху напоминающей кока-колу. На стене – брызги такого же цвета, – продолжал он. – Если она собиралась повеситься, не стала бы она держать в руке бокал. Нужно проверить его; возможно, в напитке растворили какой-то наркотик...

– Возможно, кто-то неожиданно напал на нее на лестнице, – предположила Эрика. – На ней ночная сорочка, а значит, она поднялась наверх, чтобы лечь спать. А здесь кто-то притаился в темноте, и она шагнула прямо в ловушку?

– Это тебе выяснять, – сказал Айзек. Эрика от усталости прикрыла глаза. – Ты считаешь, что это не самоубийство? – добавил он.

– Она была одной из нас, – тихо произнесла Эрика. – И не производила впечатление...

– Эрика, одному Богу известно, что происходит в головах у людей.

Джон подошел к крышке чердачного люка, лежавшей на ковре на середине лестницы. К ней все еще был привязан обрывок веревки.

– Веревку привязали к металлическому стержню с внутренней стороны люка, – сказал он.

Эрика посмотрела на усыпанный пылью и штукатуркой коридор.

– Время смерти можно определить?

– Более тщательный осмотр проведу, тогда буду знать больше, – ответил Айзек.

Один из экспертов, появившись из гостиной, принялся делать снимки. В открытых глазах Аманды отражались блики вспышки.

Вслед за фотографом показался Нилз.

– Думаю, вам нужно взглянуть на это, – сказал он.

Они пошли за ним и увидели, что в гостиной прибрано, но стена за диваном увешана распечатками. Там были карты из *Google*, фотографии Джессики, Тревора Марксмэна и несколько снимков Марианны с Лорой,

сидящих на скамейке в парке.

– Это видео, кадры из видео, что наснимал Тревор Марксмэн, – определила Эрика, взглянув на Джона. – Откуда они у нее? Где ее компьютер?

– Здесь стоял, – ответил Нилз, подходя к металлической подставке для компьютера в углу комнаты. – Остались только чемоданчик от ноутбука и зарядка. Внизу – струйный принтер. – Он показал на нижнюю полку подставки. – Мобильного телефона нигде нет, стационарный в коридоре отключен, – добавил он. – Кошелек на столе в кухне, рядом с чайником. В нем двести фунтов и все ее кредитные карты.

– Значит, не ограбление.

– Следов насильственного проникновения нет, – добавил Нилз.

– Дверь из кухни была распахнута настежь, когда мы приехали, – доложил Джон.

– Злоумышленник, если он проник через кухню, обязательно увидел бы кошелек.

На компьютерной стойке что-то лежало. Эрика подошла, натягивая латексные перчатки, что носила с собой в кармане. Это была маленькая упаковка апельсинового шоколада *Terry's*. Эрика увидела, что шоколад давно просрочен. Он затвердел и крошился, просыпаясь из оранжевой фольги.

– Она его не вскрывала, – заметила Эрика. – И смотрите, слоган на коробочке подчеркнут маркером.

– «Это не Терри, это – мое», – прочитал Нилз, заглядывая через плечо Эрики. – Очень старый шоколад. Этот слоган уже не используют... Я съедаю как минимум по одной упаковке апельсинового шоколада в неделю. Мое любимое лакомство.

– Как же вам удастся не толстеть? – спросил Джон, окидывая взглядом высокую стройную фигуру Нилза.

– У меня очень быстрый обмен веществ, – пожал плечами Нилз.

Не обращая на них внимания, Эрика вертела в руках упаковку с шоколадом.

– «Срок годности: до 11 ноября 2006 г.», – прочитала она. – Зачем подчеркивать надпись на коробке?

Джон с Нилзом посмотрели на нее и пожали плечами.

Эрика с Джоном вернулись к машине и какое-то время просто сидели в ней, наблюдая, как из дома Аманды на металлических носилках выносят ее труп в черном мешке.

– Мне нужны данные о ее работе в Интернете и распечатка телефонных звонков. Надо понять, что она искала и с кем общалась перед смертью, – сказала Эрика. – И я хочу знать обо всех, кто имел доступ к видео Тревора Марксмена. Выясните, кто переслал ей эти снимки по электронке или передал сами записи.

– Слушаюсь, босс.

Эрика посмотрела на упаковку апельсинового шоколада *Terry's*, что лежала в прозрачном пакете у нее на коленях.

– «Это не Терри, это – мое»... – повторила она, глядя на выделенную маркером надпись. – Что-то здесь не так. Аманда звонила мне, несколько раз. Оставляла сообщения, говорила, что обнаружила что-то интересное и я должна срочно с ней связаться.

Эрика достала телефон, набрала свой автоответчик.

– У вас нет новых сообщений, – доложил ей механический голос.

– Что за черт? – Эрика еще раз проверила автоответчик и услышала то же самое. – Несколько часов назад у меня в телефоне было три сообщения от Аманды.

– Может, по ошибке удалили? – предположил Джон.

– Нет. Я не удаляла. Кто-то это сделал за меня.

Глава 65

Во второй половине дня Эрика вернулась в оперативный отдел. Ее мобильный телефон полицейский-мотоциклист отвез на проверку в отдел по борьбе с киберпреступностью, располагавшийся в здании у Тауэрского моста; была запрошена информация о телефонных разговорах Аманды Бейкер и о ее работе в Интернете.

Вместе с Мосс и Питерсоном Эрика стояла у ноутбука, просматривая записи с камер видеонаблюдения.

– Это за девятое ноября. Среда на прошлой неделе, вторая половина дня, – констатировала Мосс. На экране высветилось зернистое черно-белое изображение коридора, где находилась просмотровая. – Это вы, босс, и констебль Макгорри, идете смотреть пленки, – добавила она, ускоряя видео. Они промелькнули в кадре и исчезли. – Спустя несколько часов эпизодическое появление Питерсона, – продолжала Мосс, пролистывая вперед запись. – А вот около семи вы уходите и запираете дверь.

– Незадолго до того, как я всех отпустила по домам, – вставила Эрика.

– Так, теперь начало восьмого вечера того же дня, – сказала Мосс, проигрывая видеозапись в режиме нормальной скорости. Сначала коридор был пуст, но потом в кадр вошел Крофорд, озираясь по сторонам. У просмотровой комнаты он остановился и прислушался. Затем отпер дверь и скрылся за ней.

– Возможно, он зашел туда без злого умысла? – спросила Эрика.

– Так, вот он вошел, – продолжала Мосс, – и я промотаю несколько минут... А вот вы, босс, в 7.12. Подходите, дергаете дверь...

– А Крофорд заперся изнутри, – dokonчила Эрика, глядя на свое изображение на экране.

– О, снова Питерсон. Уже успел сбегать в магазин и несет...

– Мой блокнот, – объяснила Эрика. Они смотрели, как Эрика с Питерсоном беседуют, оба в смущении. – Можно это промотать? – попросила Эрика.

– Без проблем. – Мосс быстро взглянула на нее.

Фигура Питерсона замелькала на экране, удаляясь в ускоренном режиме, затем через несколько минут ушла и Эрика.

– И вот вам, пожалуйста. В 7.36, почти двадцать минут спустя, из комнаты выходит Крофорд, – прокомментировала Мосс. На экране сначала дверь чуть приоткрылась, высунулась голова Крофорда, затем он быстро

выскользнул из просмотровой, запер комнату и поспешил прочь по коридору.

С минуту они размышляли об увиденном. Потом из глубины оперативного отдела появился Джон.

– Босс, я только что просмотрел распечатки телефонных звонков Аманды Бейкер. Номеров там немного; видимо, она мало кому звонила, но вот телефон Крофорда там встречается часто. Последние две недели она связывалась с ним по несколько раз на дню.

– Отсюда вопрос: где констебль Крофорд? – подытожила Эрика, обводя взглядом своих подчиненных.

– Не знаю, босс, – пожал плечами Джон.

– А позвонить ему ума не хватает? – сердито спросила она.

* * *

Снова лил дождь, небо темнело, когда Эрика и Мосс выехали из Бромли, направляясь домой к Крофорду, жившему между Бекенэмом и Сиднэмом. Они пытались дозвониться ему и на мобильный телефон, и на домашний, но он так и не ответил. Они связались с его женой, но это ничего не дало: она не видела его несколько дней.

– Нехорошее у меня предчувствие, – поделилась с Эрикой Мосс, когда они затормозили у дома, где располагалась квартира Крофорда.

– Это здесь? – спросила Эрика, разглядывая улицу через ветровое стекло, вдоль которой жались друг к другу магазины дешевых товаров за один фунт, газетные киоски, ломбарды, несколько замызганных прачечных и супермаркет *Iceland*^[33]. Движение на дороге было интенсивное. – Припарковаться я тут не могу, за мной едут два автобуса, – сказала Эрика. Она проехала чуть дальше и свернула на стоянку «Макдоналдса».

Они поспешили к дому Крофорда, но пару минут простояли на переходе через запруженную машинами дорогу. Крофорд жил в квартире над ростовщицкой лавкой, где выдавали «кредиты до зарплаты». Белая дверь парадного открывалась прямо на улицу. В длинном ряду звонков они отыскивали кнопку с номером его квартиры и позвонили. Никто не отозвался. Какой-то мужчина, выйдя из подъезда, придержал дверь, пропуская в дом Эрику и Мосс.

Они увидели застеленную грязной дорожкой витую лестницу, поднимающуюся на четыре этажа. Крофорд жил на последнем. На третьем этаже, когда они поднялись туда, дверь была открыта, и из квартиры

доносился возмущенный крик китайки. В следующую минуту в дверях появился седой мужчина. За ним семенила маленькая разъяренная женщина.

– Вы сантехник, а течь не устранили?

– Я же сказал: вас заливают из верхней квартиры, а там никого нет, – устало объяснил ей мужчина.

– Здравствуйте, я – старший инспектор Фостер, это – инспектор Мосс, – обратилась к ним Эрика. Они с Мосс показали свои удостоверения. – Наверху никто не открывает?

– Это он так говорит, – сердито отвечала китайка. – У меня на кухне течет со вчерашнего вечера. Весь потолок уже мокрый...

Эрика глянула на Мосс, и они бросились наверх.

Со второй попытки им удалось выбить дверь. Крофорд жил в однокомнатной квартире. У окна с видом на центральную улицу стояла незаправленная кровать; в уголке, отведенном под кухню, над грязными кастрюлями и сковородками жужжали мухи. Одну стену занимал фотоколлаж. На снимках Крофорд был запечатлен с двумя детьми, мальчиком и девочкой, лет десяти-двенадцати.

В углу у двери на ковре расплывалось большое мокрое пятно. Сама дверь была чуть приоткрыта, и они осторожно двинулись к ней.

Эрика распахнула ее. За дверью находилась крошечная убогая ванная. В воде, окрашенной в розовый цвет, плавало голое тело Крофорда. Стена за ванной на четыре фута вверх была обильно забрызгана кровью. В крови была измазана и сама ванна с другой стороны, там, где рука Крофорда свешивалась через бортик. Вода заливала пол.

Крофорд перерезал себе вены.

Глава 66

На следующий день Эрика приехала в морг, располагавшийся в Пендже. Ей показалось, что сегодня здесь холоднее, чем обычно, и флуоресцентные лампы слепят сильнее; их яркий свет резал глаза. Аманда Бейкер и Крофорд лежали рядом на двух секционных столах из нержавеющей стали, и стоило Эрике увидеть их, двух сотрудников полиции, на нее нахлынули воспоминания, которые она предпочла бы забыть: ее муж Марк и еще четверо полицейских, погибшие в тот роковой день.

Она прерывисто вздохнула, осознав, что Айзек обращается к ней.

– Знаешь, что настораживает меня в их гибели? Тот, кто отправил их на тот свет, сделал весьма неубедительную попытку обставить их смерть как самоубийство.

– Ты не думаешь, что Крофорд покончил с собой? – уточнила Эрика.

– Нет, не думаю.

Айзек сначала подошел к Аманде и осторожно откинул белую простыню, укрывавшую ее тело. Она лежала на животе, лицом к Эрике, щекой прижимаясь к металлу. Длинные седые волосы были зачесаны на одну сторону и перекинута через другое плечо, открывая ее шею с ядреным рубцом и кровоподтеками. Эрика до сих пор пребывала в шоке, ведь еще несколько дней назад она общалась с Амандой.

– Такое повреждение кожного покрова образуется в результате удушения петлей, – объяснял Айзек. – Вербка глубоко врежется в шею, оставляя на коже характерную четко выраженную борозду. – Рукой в перчатке он показал на багровый рубец, опоясывавший шею. – Но посмотри вот сюда: в дополнение к борозде есть маленькие округлые кровоподтеки на задней части шеи. Мне это говорит о том, что петлю накинута через голову и стали затягивать, а она боролась или сопротивлялась. Узел петли во время борьбы перемещался, образуя вот это кольцо рубцов... Также обрати внимание на синяк на середине спины.

Эрика увидела темное пятно продолговатой формы.

– Этот ушиб мог появиться, когда ее толкнули с лестницы. Шея сломана, а значит, вероятно, она слетела с верхней ступеньки, при этом веревка натянулась, и произошел разрыв хрящей... Не исключено, что она оказала сопротивление нападавшему. Мне удалось взять образцы кожи из-под ногтей. Они отправлены в лабораторию.

– Она без боя не сдавалась, – промолвила Эрика.

Помедлив, Айзек перешел к другому столу, с телом Крофорда. Тот лежал на спине. Волосы его были зачесаны назад, лоб открыт, и если б не бледно-желтушный тон кожи, можно было бы подумать, что он спит.

Айзек откинул на нем простыню с боков, обнажив руки Крофорда, потом взглянул на Эрику и увидел, что по ее лицу текут слезы.

– Можно продолжать?

– Да. – Эрика взяла салфетку и промокнула глаза. – Печально, когда это один из наших, а тут сразу двое...

– Может, прервемся?

– Нет, я в порядке. – Проглотив слезы, Эрика усилием воли заставила себя успокоиться.

– Ладно, тогда идем дальше. Если посмотреть на руки, мы увидим два длинных разреза, по одному на каждом предплечье. Оба длиной около тридцати сантиметров, вертикальные, доходят до середины руки, а не горизонтальные на запястьях. Каждый разрез повредил лучевую артерию, основную артерию, что снабжает кровью предплечье и кисть. Это было сделано опасной бритвой, той, что издавна повсеместно использовали в парикмахерских.

Эрика поморщилась при виде двух длинных разрезов на руках Крофорда, которые теперь были аккуратно зашиты.

– Глубина и длина этих разрезов вызвали катастрофически стремительную кровопотерю. В его крови также обнаружены высокое содержание алкоголя и следы кокаина...

– Да, мы нашли небольшое количество кокаина в его квартире... Айзек, вот как раз он, на мой взгляд, был в большей степени склонен к суициду, чем Аманда. Последние дни на работе был сам не свой, как на иголках. Я не знала, что он, оказывается, переживал тяжелый бракоразводный процесс; предполагалось, что детей – у него их двое – отдадут на попечение жены. По ее словам, он был в депрессии.

– Он не вскрывал себе вены, – сказал Айзек.

– Из чего ты это заключил?

– Опасная бритва, с открытым лезвием, лежала на раковине. Ее вытерли начисто, мы вообще не нашли на ней отпечатков.

– Сам бы он явно этого сделать не мог, да? – спросила Эрика.

– Мог бы. Но при вскрытии лучевых артерий на руках кровь из него лилась потоком.

Эрика снова закрыла глаза, вспоминая место происшествия, забрызганную кровью белую плитку в ванной.

– Ему пришлось бы использовать тряпку либо салфетку, чтобы

вытереть бритву, а потом положить ее на край раковины. Но в ванной мы не нашли ни окровавленной тряпки, ни салфетки. Кровопускание происходило в ванне: кровью окрашена вода и забрызгана плитка вокруг нее. Раковина, не считая маленькой капельки на ней, была чистой. Убийца хотел обставить его смерть как суицид.

Эрика смотрела на два тела, лежащие рядом.

– Перед тем как их убили, они обсуждали дело Джессики Коллинз. Аманда Бейкер что-то нашла. То ли убийцу вычислила, то ли обнаружила какое-то новое доказательство. Она пыталась связаться со мной, – сказала Эрика.

– И это было в ту самую ночь, когда кто-то проник в твой дом.

– Да. Думаю, это приходили по мою душу.

Глава 67

Джерри, в одних трусах, сидел на диване и смотрел телешоу *Deal or No Deal*^[34]. Рядом, прижимаясь к нему, притулилась та самая темноволосая девушка. Она была в его белой футболке. На этот раз он смилостивился и впустил ее. Она сказала, что ее зовут Триш. Его имени она так и не спросила.

Триш постучалась к нему на следующий день после того, как он едва унес ноги из квартиры Эрики Фостер, где потерял сознание от удара по голове. Она отказывалась уйти, ждала, пока он откроет дверь и впустит ее в дом. Они стояли друг против друга через порог. В сравнении с его кровоподтеком от ее синяка под глазом, можно сказать, осталась лишь бледная тень.

– Неважно выглядишь, – заметила она, тонкой рукой касаясь вздутия на его лбу, покрытого запекшейся кровью. Он кое-как соединил края трехдюймового пореза хирургическим клеем, и йод, которым он обработал рану, имел зеленоватый оттенок на фоне его кожи цвета капучино.

Джерри перехватил руку девушки, рывком затащил ее в квартиру и захлопнул дверь. Затем подхватил ее на руки и отнес в спальню, где они провели остаток вечера.

На экране участник телеигры, худой мужчина с лицом как картошка и глазами-бусинками, открывал последний чемодан.

– Как его зовут? – спросил Джерри.

– У него ж на бейджике написано, – улыбнулась Триш, приподнимая голову с его груди. Она хотела поцеловать его, но он ее оттолкнул.

– У меня вся рожа разворочена! Думаешь, я что-нибудь вижу?! – рявкнул Джерри, показывая на свое распухшее лицо.

– Его зовут Дэниэл, – поспешно ответила Триш.

На телеэкране смолкли все звуки. Дэниэл подошел к своему чемодану и содрал с него клейкую ленту. Камера выхватила из зрительской аудитории его жену – плохо одетую женщину, которой, по-видимому, не очень везло в жизни, – и затем снова взяла в объектив Дэниэла. Тот поднял крышку чемодана и вскричал:

– Нет! – Схватившись за голову, он рухнул на колени. Камера показала содержимое чемодана, в котором лежал £1.

– Ну и болван, – прокомментировал Джерри.

На телеэкране жене Дэниэла предложили подойти к мужу. Она

храбрилась.

– А от чего он отказался?

– Банкир предлагал ему пятнадцать тысяч, – объяснила Триш, сунув в рот большой палец.

Джерри встал и пошел к холодильнику. Триш села ровнее на диване и, прислонившись головой к спинке, вытащила изо рта палец.

– У тебя сок есть? – спросила она.

Открыв холодильник, Джерри достал банку пива и бутылку сока. Между ним и Триш стоял круглый деревянный журнальный столик, на котором лежали пистолет «Глок-17» и двадцать пять тысяч фунтов мелкими купюрами.

С минуту он стоял с напитками в руках, наблюдая за ней. Ее взгляд упал на оружие и деньги, но она быстро отвела глаза.

– Молодец, – сказал Джерри. – На меня лучше смотри.

Он вернулся на диван, бросил сок на подушку возле нее и открыл банку пива. Триш выпрямилась и надолго приникла к бутылке с соком.

– А потом давай *Hollyoaks*^[35] посмотрим? – предложила она.

Зазвонил его мобильный телефон. Он взял аппарат с журнального столика и вышел на балкон, закрыв за собой дверь.

– Где тебя черти носят? – раздался в трубке знакомый голос. Джерри молчал. – Ты слушаешь?

– Слушаю, – ответил он. На город опускалась ночь, далеко внизу улицы расчерчивала решетка оранжевых огней.

– Ты должен был разобраться со всеми тремя. Два суицида и противоправное вторжение в дом. А эта баба, Фостер, все еще жива.

Джерри медлил с ответом. Ему вспомнилось лицо Дэниэла из телешоу.

– Я выхожу из игры, – заявил он.

– Что значит «выхожу из игры»? Как это? Ты еще не доделал свою работу. Я больше ни пенса тебе не заплачу.

– Остальные деньги можешь оставить себе. Я – вне игры.

– Ты же понимаешь, дело не только в деньгах.

– А знаешь что? Я от тебя постоянно это слышу. Достало уже. Или ты не соображаешь, что происходит? Тебе не удастся сохранить это в тайне. Завеса приподнята. И если меня повяжут, тебе тоже конец. Я только теперь понял, что ничего не потеряю, если просто возьму и уйду.

С этими словами Джерри положил трубку. Он перевернул телефон, вытащил из него SIM-карту и аккуратно разломал ее на четыре части.

Теперь нужно было действовать быстро. У него в запасе, прикинул Джерри, максимум один день, а то и меньше. Он допил пиво и вернулся в

комнату.

Глава 68

В конце рабочего дня Эрика сидела перед суперинтендантом Йелем в его кабинете. Выглядел он изможденным: лицо бледное, под глазами – большие темные круги. Они ждали Марша. Тот по телефону сообщил, что немного задержится.

– Сэр. Не стоит тратить на меня дополнительные ресурсы, – сказала она.

Он выставил вперед ладонь.

– Эрика, я не думаю, что полиция разорится, если у вашего отеля будет дежурить патрульная машина. Мы уже имеем поножовщину средь бела дня перед нашим отделением, один из моих сотрудников скончался при подозрительных обстоятельствах.

– Двое сотрудников, – поправила его Эрика. – Один бывший, Аманда Бейкер.

– Двое, – неохотно согласился Йель, потирая глаза. – Полагаю, вы слышали про Джейсона Тайлера?

– Что случилось?

– После того, как ему отказали в освобождении под залог, его поместили в Белмарш с условиями содержания по категории А^[36]. Народ прознал, что он намерен пойти на сделку о признании вины и дать показания, и его убрали. Вчера вечером прирезали в душевой.

– А где взяли нож?

– Не поверишь. «Кит-Каты».

– Это что – какой-то новый уличный сленг?

– Да нет же, – раздраженно отвечал Йель. – Самые обычные батончики «Кит-Кат». Точнее, фольга, в которую их заворачивают. Какой-то светлый ум на пожизненном копил ее месяцами, а потом сделал заточку, на которую, наверно, ушло несколько сотен оберток. Тайлер получил удар в бедро, истек кровью в душе, и теперь его империя умирает вместе с ним.

Раздался стук в дверь, в кабинет вошла секретарша. Она принесла поднос с чаем. Перед Йелем поставила его чашку с надписью «Кто здесь босс?», перед Эрикой – чашку с изображением Коржика^[37].

– Пожалуйста, – произнесла она. – И, возможно, вы не откажетесь от чего-нибудь сладкого. – Она положила на стол рядом с чашками горячего чая два батончика «Кит-Кат» и удалилась.

– Вот засада, мать твою! – взревел Йель.

Эрика едва сдержала смех; невероятным усилием воли она старалась сохранять серьезное лицо, наблюдая, как он смел батончики со стола в мусорную корзину.

В дверь постучали. Вошел Марш.

– Простите, опоздал, – извинился он.

– Ничего, присаживайтесь.

– Плохо дело. Потеря сотрудника не лучшим образом сказывается на состоянии морально-боевого духа, – заметил Марш.

– Двоих сотрудников, – подчеркнула Эрика.

– Да, конечно, – согласился Марш.

Далее Эрика сообщила о последних результатах расследования.

– Мы получили распечатки звонков с телефона Крофорда; из них видно, что в последние недели он плотно контактировал с Амандой Бейкер. Нам удалось найти телефон Аманды Бейкер. Он завалился за боковину кресла, и преступник его не нашел. Ребята из отдела по борьбе с киберпреступностью проверили ее телефон и обнаружили, что последние две недели он прослушивался с помощью «трояна». Равно как мобильник Крофорда и мой. Кто-то слушал нас и мониторил звонки. Также были внесены изменения в статистику телефонных переговоров и сообщений. В вечер своей гибели Аманда звонила мне на мобильный и оставила сообщение, она и Крофорду тоже звонила. Кто-то удаленно стер эти голосовые сообщения с обоих телефонов.

– Боже, Эрика! – воскликнул Марш. – Значит, все наше расследование, возможно, находится под угрозой?

– Да, сэр.

– Я обязан доложить помощнику комиссара...

– Простите, сэр, но мне теперь приходится жить в гостинице, потому что кто-то проник в мой дом. Мы имеем дело с преступником, который опережает нас и постоянно опережал последние недели.

– То есть вы не думаете, что к этому каким-то боком причастен Джоэл Майклс?

– Джоэл Майклс последние дни провел у постели Тренора Марксмена, который все еще находится в отделении интенсивной терапии. По словам медсестер, он отходил от него разве что в туалет. Марианна Коллинз, поскольку она оказалась маньячкой и с ножом напала на человека, в соответствии с законом «Об охране психического здоровья» помещена в психбольницу и находится под стражей. Мне к ней не подступиться. Допросить ее я не могу... А единственный человек, который, вероятно, напал на верный след... она погибла. И, как я уже говорила, преступник,

кто бы он ни был, опережает нас на несколько шагов.

Йель с Маршем молчали.

– Да, и еще. Я приказала своим сотрудникам еще раз произвести обыск в доме Аманды Бейкер. По-видимому, она вела самостоятельное расследование: у нее обнаружено много записей и распечаток. Сейчас мы тщательно все это изучаем. В датчике дыма у нее дома найдено миниатюрное подслушивающее устройство.

– Черт возьми, кто ж они такие, эти Коллинзы? – воскликнул Марш.

– Я не собираюсь сдаваться, – заявила Эрика. – И надеюсь, вы и помощник комиссара позволите мне продолжить работу и скорректировать ход расследования.

Марш на мгновение откинулся на спинку стула.

– Пока продолжайте. Но вскоре я намерен проинформировать помощника комиссара и сообщу о ее решении.

* * *

После совещания Эрика отправилась в уборную. Она умылась холодной водой и посмотрела на свое уставшее лицо в зеркале. Заработал сливной бачок. Молодая женщина, выйдя из кабинки, подошла к раковине. Эрика узнала в ней одну из патрульных, собиравших деньги в День Гая Фокса. На ней был бронежилет – видимо, она готовилась выйти на дежурство.

– Вам плохо, мэм? – спросила женщина, моя руки.

Заметив бронежилет, Эрика мгновенно перестала жалеть себя.

– Нет. Просто день выдался долгим и тяжелым.

– Да вся неделя такая, мэм, долгая и тяжелая. – Женщина вытерла руки и шагнула к выходу.

– Вы уж повнимательнее будьте на дежурстве... – неожиданно для самой себя напутствовала ее Эрика.

– Констебль Клэрмонт.

– Не теряйте бдительности, констебль Клэрмонт.

– Да я всегда начеку. Спасибо, мэм, – ответила та и вышла.

Эрика вымыла руки и вернулась в оперативный отдел.

Глава 69

Рано вечером Эрика ненадолго заскочила в отель, чтобы принять душ и переодеться. После она постучала в соседний номер. Дверь открыла Ленка с Эвой на руках.

– У вас все хорошо? – спросила Эрика. – Прости, что совсем не видимся в последние дни.

– Дети в своей стихии. Номер обслуживается, бассейн есть, и постояльцев немного. Я почти не вспоминаю, что дома меня ждет муж, – ответила Ленка и в свою очередь поинтересовалась: – А ты как?

– Все нормально. Сделала небольшой перерывчик и теперь снова в отделение. Надеюсь, ты настороже, смотришь в оба? – спросила Эрика.

– Да, мы здесь чувствуем себя в полной безопасности. И это вот на всякий случай. – Она показала на фоторобот, который составила вместе с экспертом-криминалистом.

– На стену-то зачем повесила? – удивилась Эрика, рассматривая составной портрет пугающего мужчины с кустистыми бровями, злыми глазами и густой курчавой шевелюрой.

– Чтобы дети точно знали, какой он, как выглядит. Эти фотки есть и на стойке администратора, и в комнате для персонала, и на кухне.

– Ему была нужна я, – заметила Эрика.

– Так мы же с тобой похожи, просто я чуть-чуть симпатичнее, – улыбнулась Ленка.

– Вот нахалка. Я буду на работе допоздна, когда вернусь – не знаю. На парковке дежурит патрульный.

Эрика поцеловала сестру и Эву, попросила передать привет Якубу и Каролине, когда те прибегут из бассейна.

* * *

По прибытии в отделение Эрика поднялась в оперативный отдел, где Питерсон и Мосс выгружали из пакета упаковки с едой.

– Китайская? – любопытствовала она, открывая дверь.

Мосс кивнула, приподнимая раздутый белый пакет.

– Все отличные вещи. Жареный рис с говядиной, курица с лапшой и овощами, жареная капуста, креветочные чипсы.

– Как вы узнали, что я приду голодная?

* * *

Часом позже, насытившись, они сидели за одним из длинных столов. Перед ними лежали распечатки звонков с телефона Аманды Бейкер, история ее запросов в Интернете и листы с записями, что висели на стене в ее доме.

Следующие несколько часов они тщательно изучали все эти материалы.

– В глаза бросаются две вещи. Она сделала скриншот с одного из видео, снятых Тревором Марксмэном, – подытожила Эрика, показывая распечатанный кадр с Марианной и Лорой, сидящими на скамейке. – И лично мне не дает покоя упаковка с апельсиновым шоколадом, на которой подчеркнут слоган «Это не Терри, это – мое».

Все трое переглянулись.

– Я бы сейчас с таким кайфом уничтожила апельсиновый шоколад, – тоскливо протянула Мосс.

– Ну и словечки у тебя, – укорил ее Питерсон. – И потом, ты только что набила пузо китайской едой.

– Не отвлекайтесь, – одернула их Эрика. – Я хочу посмотреть ту часть видео, с которой она сделала распечатку.

Они загрузили видеозаписи на ноутбук Эрики и после кропотливых поисков нашли нужные файлы. На обоих видео Марианна и Лора о чем-то спорили, но голоса их были едва различимы. Эрика промотала запись назад и включила звук на полную громкость. Крики и смех детей, играющих в парке, скрип качелей. Они напрягали слух, пытаясь разобрать, о чем говорят Лора с Марианной.

– Это сейчас Лора говорила? «Ты давай не командуй мной... и ею тоже»? – уточнила Эрика.

– Да, ее голос громче, Марианну вообще не слышно, – согласился Питерсон.

Они снова вернули запись к началу сцены.

– «Ты давай не командуй мной... не твоя... моя...» – раздался из динамика голос Лоры.

– Еще раз, – велела Эрика. – И погромче.

Мосс снова запустила тот же кусочек записи. Из динамика загремели шумы парка и голос Лоры:

– «Ты давай не командуй мной... Она не твоя... она – моя...»
Эрика остановила видео и встала, напряженно размышляя.
– В чем дело? – спросил Питерсон.
– Она не твоя, она – моя... Она не твоя, она – моя... Упаковка апельсинового шоколада *Terry's* у компьютера Аманды.
Эрика принялась перебирать фотографии с места преступления.
– Она ведь зачем-то подчеркнула тот рекламный слоган: «Это не Терри, это – мое».
– Думаете, к этому причастен некий Терри? – спросил Питерсон, наблюдая за Эрикой. Та, погруженная в раздумья, вышагивала по комнате.
И вдруг остановилась как вкопанная.
– А что, если Лора имела в виду Джессику, когда говорила: «Она не твоя, она – моя»? – Эрика повернулась к Мосс и Питерсону. – Какая разница в возрасте между Лорой и Джессикой?
– Джессике было семь; Лоре – двадцать, когда Джессика... – отвечал Питерсон. – Постойте, уж не думаете ли вы...
Эрика стала рыться в бумагах на столе.
– Что вы ищете, босс? – спросила Мосс.
– Я видела кое-что в распечатке интернет-истории Аманды Бейкер. Веб-адрес какого-то ирландского сайта.
– Дайте мне часть бумаг, – вызвался помочь Питерсон.
Они разделили материалы и несколько минут внимательно просматривали каждую страницу, распечатанную мелким шрифтом.
– Есть, – объявила Эрика. Она подошла к ноутбуку и набрала веб-адрес: <http://www.hse.ie/eng/services/list/1/bdm/Certificates/>
– Аманда искала свидетельство о рождении, выданное в Ирландии. Прямого доступа, как у нас, к архивам загса у нее не было, поэтому ей пришлось подавать заявку на выдачу копии свидетельства о рождении.
Глядя на экран, на котором была выведена страничка веб-сайта, Мосс прочитала:
«В связи с недавним референдумом в Великобритании существенно возросло количество запросов на свидетельства о рождении. Поэтому срок выполнения заявок данной службой составит до тридцати (30) дней со дня их подачи».
– Аманде пришлось бы ждать тридцать дней. Думаете, тогда она вам и позвонила?
– По-вашему, мы здесь одни такие шустрые? Думаете, другие не догадались бы, в чем дело? – прокомментировала Эрика.
– Первое расследование было неудачным, и кому могло прийти в

голову проверить свидетельство о рождении Джессики? Когда мы проверяем свидетельства о рождении или смерти? Только в тех случаях, когда подозреваем что-то сомнительное.

– Думаете, такое возможно? – Лицо Эрики покраснело от возбуждения. – Что Лора Коллинз не сестра Джессики, а ее мать?

Глава 70

– Итак, прошу вашего полнейшего внимания, – обратилась Эрика к своей команде, когда на следующий день рано утром ее подчиненные собрались в оперативном отделе. Установилась тишина, и Эрика сообщила о том, к каким выводам они пришли накануне вечером и что у них есть основания подозревать, что Лора Коллинз – не сестра Джессики, а ее мать.

– Мы направили в ирландский архив запрос о предоставлении копии свидетельства о рождении Джессики Коллинз и попросили прислать ответ сразу же, как откроется загс.

– Босс, на ваше имя поступил факс, – доложил Джон, кивая на экран своего компьютера.

– Что ж ты сидишь, распечатай! – велела Эрика.

– Слушаюсь, босс.

Эрика прошла к принтеру в глубине оперативного отдела, ощущая на себе взгляды всех, кто был в комнате. Казалось, миновала целая вечность, прежде чем принтер зажужжал и начал печатать. Из аппарата медленно выползал скан свидетельства о рождении. Оно было выдано в восемьдесят третьем году, и в нем... вот оно, черным по белому, четким разборчивым почерком... Эрика не верила своим глазам. Она повернулась к своим сотрудникам и с торжествующими нотками в голосе прочитала:

– Мать – Лора Коллинз... и, постойте, отец здесь тоже указан. Это Джерри О'Райли. Проживал по адресу: Голуэй, Дорчестер-Корт, 4.

Мосс уже стояла у одной из демонстрационных досок, записывая новую информацию.

– Итак, нужно выяснить все что можно об этом Джерри О'Райли. Обстоятельства нам неизвестны, мы не знаем, старый он или молодой, но у нас есть фамилия и адрес.

Сотрудники оперативного отдела засуетились.

Через полтора часа им удалось установить, что по адресу Дорчестер-Корт, 4, были зарегистрированы два человека по имени Джерри О'Райли.

– Это отец и сын, полные тезки, – сообщила Мосс.

– Хорошо, но как узнать, кто из них отец Джессики? – спросила Эрика.

– Джерри О'Райли-старший родился 19 ноября 1941 года, значит, ему было... – начала Мосс.

– В апреле 1983-го, когда родилась Джессика, ему было сорок два года – закончил Джон.

- Быстро считаешь, – с улыбкой похвалила его Эрика.
- Джерри-младший, – продолжала Мосс, – родился в том же году, что и Лора, в 1970-м. Когда Джессика появилась на свет, ему было тринадцать лет.
- Проклятье. Ее отцом может быть и тот, и другой, – заключила Эрика.

Глава 71

Приготовления у Джерри О'Райли заняли чуть больше времени, чем ему хотелось бы. Он оценил степень риска, прикинул, какие улики против него могли быть у полиции, и пришел к выводу, что женщина, на которую он напал в квартире Эрики Фостер, вряд ли сумеет его опознать. Только она одна его и видела, и то во время короткой драки в темноте.

Двое полицейских, которые тоже его видели, были мертвы.

Джерри подумывал о том, чтобы убить и Триш, несколько минут наблюдал за ней – она сидела на диване перед телевизором, – взвешивая все за и против. Потом, приняв решение, прошел к кухонным шкафам и вытащил резиновые перчатки с большим пластиковым пакетом.

– Что ты делаешь? – испуганно спросила она при его приближении.

– Поможешь мне убрать квартиру. Вытри начисто все поверхности. Чтоб ни волоска, ни соринки не осталось.

– Съезжаешь?

– Да. И залог еще нужно забрать.

Квартиру они покинули поздно вечером. Джерри с сожалением попрощался с Триш на железнодорожном мосту в Мордене. Она стояла на холоде и смотрела ему вслед, из ее рта и ноздрей шел пар. Жаль, что он не встретил ее раньше: пригодилась бы в работе.

Низко надвинув на лицо козырек бейсболки, он сел в метро и по Северной линии доехал до «Чаринг-Кросс», потом добрался до Гудж-стрит, где заселился в молодежный хостел. Все, что ему требовалось, это ночлег и приличный вай-фай.

До глубокой ночи Джерри просидел в небольшом кофе-баре, работая за компьютером. На следующий день рано утром принял душ, начисто побрился. Потом отправился в Сохо, где приобрел черный костюм облегающего кроя, приталенную белую сорочку и дорогие черные туфли. Его следующей остановкой стал салон-парикмахерская в Нилс-Ярд, где он заплатил за то, чтобы его буйную кудрявую шевелюру коротко остригли и уложили в модную прическу. Затем в универмаге *Selfridge's* он купил дорожную сумку и вместе с ней заперся в туалетной кабинке для инвалидов, откуда вышел через несколько минут – уже в новом костюме, с новой сумкой, в которой лежали его вещи. Старую одежду и обувь он запихнул на самое дно урны.

Спустившись на нижний этаж, Джерри зашагал мимо витрин с

косметикой, пока не увидел молодого стройного парня с рыжими волосами, работающего в отделе продукции фирмы «МАС».

– Привет, – поздоровался Джерри, сверкнув лучезарной улыбкой.

– Привет, – ответил парень, смерив его взглядом с головы до ног.

Джерри извлек из кармана фотографию американского певца Адама Ламберта.

– Можешь накрасить меня под него? – спросил он, глядя парню прямо в глаза, умышленно флиртуя с ним.

Тот глянул на фотографию, снова поднял глаза на Джерри. На его узких бедрах сидел небольшой кожаный фартук, из кармашков которого торчали несколько макияжных кистей.

– Конечно, – кокетливо улыбнулся в ответ парень, выбирая карандаш для подводки глаз. – Мне нравится твой ирландский акцент. Каким ветром тебя занесло так далеко от родины?

– Да так. Думаешь, сумеешь замаскировать мои синяки? А то у меня собеседование. Устраиваюсь на работу. В кинокомпанию.

– Хочешь произвести впечатление?

– Что-то вроде. Ты уж постарайся, а я в долгу не останусь, – с улыбкой сказал Джерри.

* * *

В четверг около одиннадцати часов дня Джерри сидел в «Старбаксе» на вокзале Сент-Панкрас. Перед ним на столе лежал открытый ноутбук. Он допил кофе, дописал сообщение, что собирался послать по электронной почте, прикрепил файл и затем, активировав фотокамеру, раздвинул губы в широкой улыбке, поднял вверх средний палец и сфотографировал себя. Снимок вложил в сообщение, которое запрограммировал на отправку тем же вечером.

Выбросив пустой стакан из-под кофе в урну, Джерри покинул кафе, пересек зал в здании вокзала и по эскалатору, перескакивая сразу через две ступеньки, поднялся к платформе, с которой отходили поезда «Евростар». Его поезд отправлялся через семь минут. Теперь или никогда, решил Джерри. Ощущая гудение адреналина в крови, он поставил сумку на поддон для прохождения досмотра. Двадцать пять тысяч, что лежали на кухонном столе, он обменял на купюры по €100 и €500. Часть из них убрал в сумку, часть – в бумажник, часть – в карман пиджака.

Он протянул свой паспорт какой-то надутой корове. Та взяла его,

внимательно посмотрела на фото, сделанное несколько лет назад. На снимке он выглядел не столь благообразным, но она даже бровью не повела. Она приложила паспорт к сканеру и, держа его открытым в своей маленькой ручке, на долгое ужасное мгновение приковалась взглядом к экрану. Экран пикнул, и она, с восковой улыбкой на лице, вернула ему документ и пожелала доброго пути. Далее ему предстояло пройти контроль безопасности. Он встал в конец короткой очереди, состоявшей в основном из командированных, и посмотрел, кто осуществляет проверку пассажиров у металлодетекторов.

Ага, вон тот парень – типичный гомик, – определил Джерри, приближаясь к металлодетекторам. Укладывая сумку, он постарался исключить все, что могло бы вызвать подозрения, а также заранее снял с себя ремень и выложил в поддон все, что у него было металлического. Фактически он не нарушал закона, везя через границу двадцать пять тысяч евро, поскольку ехал из одной страны Евросоюза в другую, но ему не хотелось, чтобы его остановили пограничники.

Наконец подошла и его очередь. Он с легкостью проскочил через сканеры и еще минуту ждал, когда из рентгено-инспекционной установки выползет его сумка.

– Доброго пути, – с улыбкой напутствовал его парень на контроле. Джерри подмигнул ему, взял сумку и поспешил к поезду, до отхода которого оставалось три минуты.

Только он отыскал свое место, поезд тронулся, а через полчаса покинул пределы Великобритании и помчался по подводному тоннелю к материковой Европе.

Глава 72

В то время как «Евростар» с Джерри покинул пределы Великобритании и покатил по Евротоннелю, преодолевая расстояние в двадцать шесть миль, Эрика, Мосс и Питерсон изнывали от нетерпения, стоя у принтеров в глубине оперативного отдела в Бромли. Они выяснили, что старший Джерри О'Райли скончался перед самым Рождеством в 1982 году, за год с небольшим до рождения Джессики. Жужжание, гудок, а потом замигала красная лампочка.

– Кто знает, как заправить бумагу в эту чертову машину? – крикнула Эрика.

Джон подскочил к ним, быстро загрузил бумагу в лоток. Принтер снова заработал, выталкивая лист с фотографией на паспорт Джерри О'Райли.

Эрика взяла снимок, стала рассматривать лицо: злые глаза под кустистыми бровями, густая курчавая шевелюра темных волос. Она взглянула на Мосс и Питерсона.

– А где фоторобот того, кто влез ко мне домой?

Констебль Найт принесла Эрике фоторобот, который та поставила на одном из столов рядом с распечатанным изображением.

– Боже. Это он. Одно лицо! – присвистнул Питерсон.

– Итак, внимание. – Эрика вышла вперед, показывая всем распечатки фоторобота и снимка на паспорт, которые она затем прикрепила на демонстрационную доску. – Вот наш главный подозреваемый: Джерри О'Райли, сорока шесть лет. Необходимо выписать ордер на его арест, связаться с транспортной полицией, пограничниками, аэропортами, проверить активность по его дебетовым и кредитным картам и так далее. Мы должны его найти, причем быстро. Он убил двух наших коллег. Мы также считаем, что он – биологический отец Джессики Коллинз. Я хочу знать, чем он занимался последние двадцать шесть лет. Знал ли он, что у него есть ребенок? Лора Коллинз родила в Ирландии в начале восьмидесятых, в среде ревностных католиков. Я не утверждаю, что у Джерри О'Райли имелся мотив убить родную дочь, но на данный момент это самая толковая версия. Если он и не убивал свою дочь, то, вне сомнения, пытался всячески помешать нам найти ее убийцу. Поймаем его – раскроем эту тайну. За работу.

В оперативном отделе мгновенно закипела бурная деятельность.

Полицейские уселись за компьютеры, схватились за телефоны. Вскоре в кабинет Эрики пришла Мосс с папкой в руках.

– Досье на Джерри, – доложила она. – Только что передали по факсу. Весьма впечатляет.

– Удиви меня, – сказала Эрика.

– Ладно. Первый раз он нарушил закон в восьмидесятом году, когда ему было десять лет, – начала читать Мосс. – В составе банды из шести детишек совершил нападение на пожилую женщину и отобрал у нее кошелек. Арест и предупреждение... В одиннадцать и двенадцать его снова арестовывали – за магазинную кражу, поджог и поножовщину: порезал ногу одному из ребят в школе. В семнадцать его осудили за нанесение тяжких телесных: во время драки в пабе запустил бокалом в барменшу и выбил ей глаз. Полтора года отсудил в колонии Святого Патрика в Дублине... Потом вроде как круто изменил свою жизнь – в девяносто первом записался в вооруженные силы Ирландии. Два года воевал на Ближнем Востоке: Кувейт, война в Персидском заливе, затем еще год в Эритрее; после какое-то время воевал в составе миротворческих сил в Боснии... Потом, в девяносто седьмом году, подрался с офицером, чуть не убил его, за что был уволен из армии с лишением прав и привилегий. В последующие годы подвизался в разных компаниях охранником и, не считая предупреждения за употребление марихуаны, особо не высывался и ни в чем противоправном уличен не был.

– Неслабо.

– Ну да.

– Все это хорошо, но возникает самый главный вопрос: где он находился летом девяностого года, когда пропала Джессика?

– Джон ждет информацию по его паспорту... Что вы намерены со всем этим делать? Пригласите в отделение Лору Коллинз для допроса?

– Нет. Я планирую вылепить ей все эти факты без предупреждения, чтобы застать ее врасплох.

Глава 73

Эрика, Мосс и Питерсон ехали в Хейз, находившийся неподалеку от отделения полиции Бромли. Все трое напряженно размышляли о том, что выяснилось за последние несколько часов.

Они свернули на Эйвондейл-роуд, где не увидели ни машин, ни людей. Тишину нарушал лишь шорох листьев, которые ветер медленно гнал им под колеса. Эрика говорила с мужем Лоры, и тот сообщил, что предыдущим вечером его жена решила остаться в доме на Эйвондейл-роуд: якобы ей нужно что-то уладить для матери.

По его тону они поняли, что решение жены его удивило, но Эрика не стала выпытывать подробности. Перед самым отъездом из отделения им также стало известно, что Джерри О'Райли последние несколько недель снимал квартиру в Мордене, но два дня назад уведомил хозяина о том, что выселяется.

Эрика затормозила у обочины неподалеку от дома № 7. Мосс сидела рядом, Питерсон – сзади.

– Так. Здесь нужно соблюдать осторожность, – сказала Эрика, обращаясь к обоим. – Лора – не подозреваемая, но с ней необходимо побеседовать. Нельзя исключать, что с ней сейчас Джерри О'Райли... Будем действовать аккуратно.

В это самое мгновение с подъездной аллеи дома № 7 вырулил большой черный «Рейндж Ровер» с тонированными стеклами. Автомобиль повернул налево и с визгом помчался прочь по Эйвондейл-роуд. В считанные секунды он скрылся за гребнем холма.

– Кто это, черт побери? – недоуменно спросила Эрика.

– Не увидела, окна затемнены. Но номер я срисовала, – ответила Мосс, записывая в блокнот номерной знак.

Спустя мгновения от дома № 7 на дорогу выехал серебристый «Рейндж Ровер» и повернул направо, в их сторону. Они увидели, что за рулем сидит Лора.

Эрика мигнула фарами, открыла дверцу, ступила на дорогу и жестом велела ей остановиться. Лора на секунду сбавила ход, а потом рванула мимо них и с визгом шин понеслась к концу улицы.

– Что за черт?! – воскликнула Эрика. Она быстро села в машину, завела двигатель, сделала резкий разворот и рванула следом.

«Рейндж Ровер» ждал на перекрестке в конце дороги, но при их

приближении внезапно газанул, чуть не врезавшись во встречный автомобиль, который едва успел увернуться.

– Она что – спятила? – озадаченно произнесла Мосс. И она, и Питерсон подались вперед, к ветровому стеклу.

Дорога была с односторонним движением. Мимо струились дома, промелькнул небольшой паб, затем газетный киоск. «Рейндж Ровер» по-прежнему набирал скорость, мчался вверх по крутому склону, что тянулся впереди на четверть мили. Эрика нажала на газ, нагоняя Лору. По противоположной полосе катил вниз плотный поток машин, поэтому Эрика включила мигалку и сирену. Автомобиль перед ними быстро прижался к обочине, и Эрике удалось сократить отставание. «Рейндж Ровер» Лоры достиг вершины холма и исчез за ним.

– Почему она пытается скрыться? – изумился Питерсон.

На скорости восемьдесят миль в час они влетели на гребень холма и на противоположной стороне склона ненадолго съехали с асфальтового покрытия, поскольку дорога, окаймленная с обеих сторон деревьями, резко уходила вниз. Вдалеке маячила машина Лоры. Эрика по рации передала, что они преследуют серебристый «Рейндж Ровер» на Уэст-Коммон-роуд.

– Она не сбавляет скорость, – заметила Мосс.

Сквозь деревья Эрика видела простиравшийся в обе стороны парк.

– Куда ведет эта дорога? – спросила она, давя на педаль акселератора.

Питерсон на заднем сиденье уже рылся в телефоне.

– Пересекает парк и тянется до самого вокзала, – ответил он.

Впереди «Рейндж Ровер» замедлял ход. Пару раз мигнули тормозные огни, затем зажегся поворотник.

– Налево сворачивает, – произнесла Эрика.

– Там дорога пересекается с Кройдон-роуд, – сообщил Питерсон.

Машина Лоры скользнула влево и опять исчезла из виду.

С включенной сиреной Эрика приближалась к перекрестку, лишь чуть-чуть притормозив. Мосс с Питерсоном схватились за поручни, когда Эрика на полном ходу бросила машину влево, так что шины завизжали.

– Вижу, вон она, – сказала Эрика, снова набирая скорость.

– Если мы ее потеряем... – начала Мосс.

– Не потеряем, – процедила сквозь зубы Эрика. Впереди «Рейндж Ровер» замедлил ход, мигнул поворотником и вновь исчез за деревьями.

– Куда она теперь?

– Заезжает на стоянку парка, – ответила Мосс.

Они домчались до стоянки с гравийным покрытием и сбавили скорость. Кроме серебристого «Рейндж Ровера» Лоры, других машин на

парковке не было. Они увидели, что она остановилась и выбирается из автомобиля.

Эрика влетела на стоянку.

– Она убегает, – поразился Питерсон. Лора бежала по поросшей травой и вереском пустоши в сторону карьера. На ней были теплое черное пальто, легинсы и черные сапоги до колен со шнуровкой.

Они резко затормозили, выбивая из-под колес фонтан камешков, и Эрика выскочила из машины.

– Лора! Остановитесь! – крикнула она, но ветер унес ее голос в другую сторону.

– Куда она бежит? – спросила Мосс, быстро вылезая из машины. Следом выпрыгнул Питерсон.

Они помчались за ней. Питерсон бежал впереди. Размашисто перескакивая через кусты вереска, ветки и камни, он постепенно нагонял ее. Эрика не отставала.

– Боже Всемогущий! – возопила сзади Мосс. Она задыхалась, прижимая к груди ладони. – Надо было надеть спортивный лифчик!

– Лора! – крикнул Питерсон. – Лора, стойте! Вы что – с ума сошли?

Лора обернулась, ветер швырнул ей на лицо ее длинные волосы. Она смахнула их набок и вновь бросилась бежать – сначала вверх по холму, затем вниз. Питерсона с Эрикой теперь отделяли от нее всего несколько метров. Они достигли вершины холма, и их взорам открылся карьер. От ветра вода покрылась рябью.

– Лора! Стоять! – Питерсон догнал ее, поймал за руку. Она крутанулась вокруг себя и, не устояв на ногах, повалилась на гравий. Питерсон с глухим стуком рухнул вместе с ней, и Эрика едва не налетела на них. Она резко остановилась, ощущая боль в легких оттого, что заглатывала ледяной воздух.

Лора вырывалась и брыкалась. Легинсы на одном колене разодрались, и в прорехе кровоточила ссадина.

– Лора! Лора! – кричала Эрика. Ей удалось утихомирить ее и завести ей за спину руки. – Боже, Лора, зачем вы так... Вы не оставили мне выбора. Я вынуждена арестовать вас за попытку скрыться от сотрудника полиции.

– От троих сотрудников полиции, – поправила ее запыхавшаяся Мосс, подбегая к ним. Она достала наручники. Питерсон взял их и надел на руки Лоры за ее спиной.

– Вы арестованы по подозрению в содействии преступнику, – тяжело отдуваясь, начал он. – Вы имеете право хранить молчание, но вы можете повредить доводам защиты в вашу пользу, если во время допроса утаите

факты, которые впоследствии могут быть использованы вами в суде. Все ваши показания могут быть представлены в суде в качестве доказательств...

Лора обмякла и, уткнувшись взглядом в гравий, заплакала.

Глава 74

Они привезли Лору в отделение полиции Бромли, где ей обработали ссадину на ноге. После ее провели в допросную.

Эрика, Мосс и Питерсон наблюдали за ней из другой комнаты. Лора казалась маленькой и беззащитной, сидя в одиночестве за пустым столом. В дверь постучали, вошел Джон.

– Ну, что сказала Лора Коллинз? – спросил он.

– Ничего, – ответила Эрика, глядя на мониторы. – В машине она не сказала ничего. И от адвоката отказалась.

– Думаете, потребуется освидетельствование психиатра? – спросил Питерсон.

– Если вызовем врача, придется отложить допрос, – вспыхнула Эрика. – А мы только подобрались...

– К чему? Она явно не в себе. И то, что она устроила так, что ее мать среди бела дня с ножом набросилась на Тревора Марксмэна, тоже нельзя назвать поведением вменяемого человека.

– Питерсон, в прошлую субботу я беседовала с ней, и, по ее словам, она понятия не имела о том, что ее мать прихватит с собой нож... Мне показалось, что она в ясном уме и в общении со мной была вполне адекватна, до самого моего ухода, когда прибыл Оскар Браун... – Эрика запнулась. – От адвоката она отказалась, но знает Оскара?

Снова стук в дверь. Вошла констебль Найт с листочком в руке.

– Босс, пришел ответ по черному «Рейндж Роверу», который на ваших глазах отъехал от дома № 7 по Эйвондейл-роуд. Автомобиль зарегистрирован на королевского адвоката Оскара Брауна.

Эрика, Мосс и Питерсон переглянулись.

– Хорошо, спасибо, – поблагодарила Эрика.

– Босс, так когда вы видели Оскара Брауна у Лоры? – спросил Питерсон.

– В субботу. Я поинтересовалась у нее, будет ли он защищать Марианну, она сказала, что нет, а потом, прощаясь с ней, на пороге я столкнулась с ним, и он опроверг ее слова. Я хочу с ним поговорить. Найт, выясните, пожалуйста, где он находится.

– Слушаюсь, босс. – Констебль Найт удалилась.

Эрика посмотрела на изображение Лоры на мониторе.

– Что ж, попробуем разговорить Лору.

Эрика и Мосс отправились в допросную; Питерсон и Джон остались наблюдать за ходом допроса из мониторинговой. Лора никак не отреагировала на появление полицейских. Эрика с Мосс заняли места за столом напротив нее. Ссутулившись, она сидела, сложив на груди руки, и смотрела прямо перед собой.

Эрика наговорила под запись дату и время проведения допроса, перечислила присутствующих и напоследок добавила, что Лора отказалась от услуг адвоката.

Лора не шелохнулась, упорно глядя в стол.

– Лора, как получилось, что вы оказались здесь? – спросила Эрика. – Вы не оставили мне выбора. Я была вынуждена вас арестовать. Почему вы пытались скрыться?

Молчание.

– В тот день, когда ваша мама набросилась с ножом на Тревора Марксмена, вы сообщили мне, что о его намерении устроить акцию протеста у отделения полиции ее уведомил по телефону некий журналист. Мы проверили статистику звонков на ваш домашний телефон. В тот день поступили три звонка. Два с мобильного телефона вашего супруга и один, около часа дня, от Оскара Брауна.

Лора все так же молчала, глядя прямо перед собой. Эрика раскрыла папку, что лежала перед ней, взяла из нее копию свидетельства о рождении Джессики и пододвинула ее по столу к Лоре. Та, взглянув на свидетельство, вытаращила глаза.

– Нам известно, что Джессика ваша дочь. Почему ваша семья это скрывала?

Молчание.

Эрика достала фотографию Джерри О'Райли и его фоторобот.

– Нам известно, что этот человек, Джерри О'Райли, отец Джессики. Мы также подозреваем, что он виновен в убийстве двух сотрудников полиции. Что вы можете о нем сообщить?

По щеке Лоры покатила слеза. Она вытерла ее рукавом.

Молчание.

– Вы встречались с ним в последнее время?.. Почему вы отказались от услуг адвоката?

Лора прикусила губу и почти с вызовом посмотрела на Эрику.

– Без комментариев.

– А знаете что, Лора? Я устала. Мы все устали. Долгие годы сотрудники полиции работали сутки напролет, пытаясь привлечь к судебной ответственности убийцу вашей дочери. Хотя тогда им внушили, что она ваша сестра. Сотрудники полиции трудились, не жалея себя, жертвуя многим; они искренне старались найти ее убийцу. Двое из них поплатились за это жизнью... а вы здесь сидите, скрывая важную информацию, и заявляете нам: «Без комментариев»! – Эрика хлопнула ладонью по столу.

– Без. Комментариев, – повторила Лора.

– Ясно. В молчанку решили поиграть, да? Отведите ее в камеру.

Глава 75

Когда Эрика вышла из комнаты для допросов, Питерсон стоял в коридоре. Следом за ней через пару минут появилась Лора, насупленная, в наручниках, в сопровождении Мосс. Питерсон дождался, когда ее уведут подальше, и сообщил:

– Босс, Джерри О’Райли незадолго до полудня сел в поезд «Евростар», следовавший из Лондона.

– Черт! – вскричала Эрика, ударив ладонью по стене.

– А Оскар Браун куда-то исчез. Сегодня после обеда он должен был выступить в суде, но на процесс не явился. Секретарь говорит, что на него это не похоже. Он защищает интересы какого-то высокопоставленного клиента в деле о мошенничестве. Она не знает, где он может быть, и его жена тоже...

Эрика взглянула на часы.

– Выясните, сошел ли О’Райли в Париже или поехал дальше, бог знает куда, да хоть бы в Диснейленд. Свяжитесь с Интерполом. Объявите его в международный розыск.

– Слушаюсь, босс.

– И предупредите все британские аэропорты и железнодорожные вокзалы – на тот случай, если Оскар Браун попытается выехать из страны.

– Думаете, он намерен покинуть страну?

– Да бог его знает. Нам ничего не известно, но об этом, естественно, молчок. Лора Коллинз что-то знает, и она не выйдет отсюда, пока я не вытрясу из нее информацию. Даже если мне придется просить санкции на то, чтобы продержать ее здесь дольше четырех дней. Пусть посидит подумает.

– Да, и еще, босс... Только что пришел ее муж с детьми. Он в дежурке, требует начальника.

* * *

Эрика с Питерсоном поспешили вниз. В дежурной части было тихо. Дежурный работал за своим столом. Пластиковые стулья, выставленные в длинный ряд, занимали только муж Лоры Тодд и двое их маленьких сыновей. Вокруг них громоздилось несколько пакетов с покупками из

универмага «ТК Махх». Мальчики, сидя на корточках, играли с детскими машинками.

Увидев Эрику с Питерсоном, Тодд встал.

– Что все это значит? – спросил он с негодованием в голосе, в котором явственно прослеживался гнусавый американский акцент. – Мне позвонили соседи с Эйвондейл-роуд, сказали, что была погоня на машинах. С участием Лоры? Я в это время ходил по магазинам. Попытался дозвониться ей на мобильный, а трубку снял ваш дежурный и сообщил, что вы задержали мою жену!

– Совершенно верно.

– А как же ее право на телефонный звонок? И не смейте допрашивать ее, пока у нее не будет приличного адвоката...

Мальчики отвлеклись от игры и подняли глаза на отца.

– Маму арестовали? – спросил один. Тодд не ответил.

– У Лоры никто не отнимал право на телефонный звонок и на адвоката. Все это ей было предложено, но она отклонила и то, и другое, – объяснил Питерсон.

– Вы что – издеваетесь? – сердито спросил Тодд, взлохматив свои волосы. – За что ее арестовали?

– Сегодня, некоторое время назад, мы приехали на Эйвондейл-роуд, чтобы побеседовать с Лорой, но она от нас умчалась. Нам ничего не оставалось, как задержать ее за попытку скрыться от сотрудников полиции, – ответила Эрика.

– О чем вы хотели с ней побеседовать? Вы уверены, что она знала о вашем намерении?

– Мы преследовали ее несколько миль, с мигалками и сиренами, – сказал Питерсон.

Тодд, покрывшись восковой бледностью, покачал головой.

– Но она никогда не привлекалась к суду. Ей даже ни разу не выписывали штраф за неправильную парковку.

– Папа, мне страшно, – пролепетал один из мальчиков. Тодд нагнулся, поднял обоих сынишек с пола, одного посадив на одну руку, второго – на другую. На Эрику с Питерсоном теперь смотрели три пары растерянных карих глаз.

– Тодд, что Лора рассказывала вам про Джессику? – осведомилась Эрика.

– Что ее сестра пропала без вести. Мне известна вся эта печальная история, и мы не раз обсуждали...

Эрика с Питерсоном переглянулись. *Он ничего не знает.*

– Я попрошу вас подождать здесь, сэр, – сказала Эрика и вместе с Питерсоном покинула дежурную часть.

– Эй! Вы не можете держать ее под стражей безо всяких на то оснований. Вы обязаны предъявить обвинение! – крикнул им вслед Тодд, по-прежнему держа мальчиков на руках.

– Каковы наши дальнейшие действия? – спросил Питерсон, когда они, проведя пропусками по считывающему устройству на двери, прошли в закрытую для посторонних часть отделения.

– Посмотрим, может, она готова дать показания, – ответила Эрика.

Они направились к камерам, размещавшимся в подвальном этаже, получили доступ за толстую стальную дверь. Внезапно взвыла сирена. Они посмотрели друг на друга и кинулись к камерам.

* * *

В длинном коридоре горели лампы дневного света. По стенам располагались обшарпанные исцарапанные железные двери, некогда выкрашенные в зеленый цвет. Все камеры были закрыты, кроме одной – в самом конце. Когда Эрика с Питерсоном подбежали туда, они увидели лежащую на полу Лору и рядом с ней сидящих на корточках двоих полицейских. Один из них отчаянно пытался развязать тонкий черный шнурок, затянутый у нее на шее. Одним концом шнурок был закреплен петлей на маленькой ручке небольшого окошка в двери.

Лора внезапно вздохнула и закашлялась, брызгая слюной; к ее лицу снова прилила кровь. Эрика подскочила к ней, опустилась рядом на колени и взяла ее за руку.

– Лора, все хорошо. С вами все будет хорошо, – произнесла она. Лора с жадностью заглотнула воздух, снова закашлялась и затем хрипло прошептала:

– Ладно, я расскажу. Расскажу, как все было...

Глава 76

Чуть позже Эрика, Мосс и Питерсон снова были в мониторинной, наблюдая за Лорой, к которой вызвали дежурного адвоката.

– Думаете, даст показания? – спросила Мосс.

– Когда я сообщила ей, что муж и сыновья ищут ее и им еще ничего не известно, она вроде как передумала. Наверно, хочет сама им рассказать.

– Что именно? – спросил Питерсон.

– Надеюсь, сейчас узнаем, – ответила Эрика.

* * *

Эрика и Мосс вернулись в допросную, где рядом с Лорой теперь сидела молодая женщина – дежурный адвокат. Перед обеими стояли чашки с горячим чаем. Пальто Лора сняла, но шея ее была обмотана шарфом. Эрика назвала дату и время, которые зафиксировали аудио– и видеозаписывающие устройства, а потом протянула руку через стол и заключила ладонь Лоры в свою.

– Не волнуйтесь, мы с вами, все будет хорошо, – произнесла она.

Мосс, скрывая свой скептицизм, кивнула с улыбкой.

– Не будет! – воскликнула Лора. По ее щекам потекли слезы. – Хорошо – не будет.

– Начните с самого начала, – предложила Эрика.

Мосс подала Лоре салфетку. Та взяла ее, вытерла лицо и судорожно вздохнула, после чего как будто успокоилась и начала свой рассказ:

– Я любила Ирландию. У нас был небольшой домик в Голуэе, близ моря. Жили мы очень скромно. Папа работал на разных стройках, мама сидела дома со мной, но мы были счастливы. Джерри О’Райли я встретила, когда мне было тринадцать.

– Где вы познакомились? – спросила Эрика.

– В местном католическом молодежном клубе. Он размещался в небольшой хижине на холме, почти у самого берега. Та хижина... она была как маленькая церковь, с изображениями Девы Марии. Мы там играли в разные игры; иногда нам выкатывали старенький телевизор и показывали мультфильмы. Дети постарше бегали парочками на пляж и прятались там за дюнами. Мне просто не повезло, и я забеременела.

– От Джерри?

Лора кивнула и, глотнув чаю, поморщилась от боли.

– Что было потом?

– Бог мой, так давно это было, – продолжала Лора. – Ирландия в начале восьмидесятых была, наверно, как Англия в шестидесятых. Мама *просто обезумела*. Мне довольно долго удавалось скрывать от нее свое положение, но однажды вечером, когда я стояла перед телевизором, она увидела мой силуэт, и детство мое закончилось...

– Ваша мама тогда была еще более религиозна, чем теперь? – спросила Мосс.

Лора кивнула.

– В Ирландии католицизм как азартная игра. Каждый старается перещеголять остальных в религиозности, чтобы быть не хуже других. Только выражается это не в престижных марках стиральных машин и площади дома, а в количестве религиозной атрибутики и времени, проведенного в церкви. Меня отправили к тетке... Тетя Мэри. Злая, жестокая старая карга. Бывают такие, знаете, наверно. Для нее весь Второй Ватиканский собор^[38] – скверна. Ее уже нет в живых, так что вам не придется перепроверять у нее мои показания, тем более что вы и так знаете: это был мой ребенок. Моя Джессика... – Лора снова утратила самообладание, а они не торопили ее, ждали, когда она успокоится. Адвокат слушала и наблюдала с не меньшим интересом, чем Эрика и Мосс.

– Через несколько месяцев после моего возвращения с так называемых каникул, проведенных у тети Мэри, мы переехали в Англию.

– Что стало с отцом Джессики? С Джерри О'Райли? – спросила Мосс.

– Ничего. Он жил как жил, гулял с девчонками. Он не знал, что я забеременела. О детях он не помышлял. Поэтому я ему ничего не сказала. Мы уехали из Ирландии тайком, все равно что сбежали среди ночи. Никого не предупредили, ни с кем не попрощались. Шел восемьдесят третий год, тогда не было ни электронной почты, ни *Facebook*, ни мобильных телефонов; мама с папой недавно потеряли своих родителей. Они обрубили все концы. Настроились все забыть. Предполагалось, что мы начнем новую жизнь, и для моих родителей это так и было. В Лондон мы приехали почти без ничего, поселились в молодежном хостеле возле Лондонского моста, где прожили две недели. Мы всем говорили одно и то же: мама родила Джессику несколько месяцев назад. Она – ее дочь, моя сестра. Тот хостел был жуткой дырой. Там никто не молился перед сном, все сплошь богохульствовали, некоторые женщины распутничали... И знаете, что особенно бесило? Родители там были счастливы как никогда! Всем было

плевать, что я в тринадцать лет стала матерью-одиночкой! Они ведь могли оставить ее мне. У меня бы тоже началась новая жизнь.

– Как вам всем удалось из хостела близ Лондонского моста перебраться в тот дом в Хейзе? – спросила Эрика.

– Через несколько недель после приезда в Лондон отец устроился работать на стройку. Возводили офисное здание. Компания не укладывалась в сроки и платила немереные деньги за то, чтобы объект был сдан вовремя. Сверхурочные. Отец получал в четыре-пять раз больше, чем в Ирландии. Стал завязывать контакты, и работа потекла рекой. Таких деньжищ он сроду не зарабатывал. В считанные недели мы переселились в съемный дом в восточной части Лондона.

– И все это время вы выдавали Джессику за свою сестру?

– Я боролась с ними, – отвечала Лора, глядя Эрике в глаза с ожесточенностью в лице. – Боролась отчаянно и думала, что добьюсь своего...

– Но не добились.

Лора покачала головой, на глаза ее снова навернулись слезы.

– Я отчетливо помню тот день. Мне было почти четырнадцать, и в тот день папа взял меня с собой на работу. Джессика осталась с мамой. Он работал на строительстве большого жилого комплекса, возводил многоквартирные дома для яппи. Было снесено очень много старых зданий, и на их месте теперь зияла огромная яма – вырытый котлован. Земля была сухая, и можно было по лестнице спуститься в котлован и бродить на тех участках, где еще не начались работы. Папа на время отошел, предоставив меня самой себе, и я познакомилась с одним парнем. Он красивый был, цыган. Искал в земле металлолом. Я украдкой от отца закурила, ему предложила сигарету, мы разговорились. Он умным оказался, объяснил мне, что означает «яппи»: преуспевающий молодой бизнесмен. Я этого не знала. Сказала ему, что у меня есть дочь и я намерена вырастить ее хорошим человеком. Парень пожелал мне удачи, сказал, что из меня выйдет отличная мать, а потом папа меня позвал. Он сказал, что договорился о покупке земельного участка под строительство дома для нас. Мы отправились домой, чтобы сообщить маме эту новость; папа ликовал. По возвращении я узнала, что мама записала Джессику в детский сад, поставила на учет в детской и стоматологической поликлиниках. И везде указала в качестве ее матери себя. Она сделала так, что по всем документам Джессика официально считалась ее дочерью. И после я уже никому не говорила, что матерью Джессики являюсь я.

Лора умолкла, глотнула чаю. Эрика и Мосс терпеливо ждали, когда она

продолжит рассказ.

– Земельный участок, что купил отец... на нем и стоит наш дом на Эйвондейл-роуд. После события стали развиваться стремительно. Жизнь изменилась, я едва успевала принаравливать к новым обстоятельствам. Мы переехали в тот большой дом, потом родился Тоби. Помнится, я смотрела на маму и папу с Джессикой и Тоби – идеальная маленькая семья; как и полагается, две целых четыре десятых ребенка – и чувствовала себя лишней. Мама не давала мне забыть, что я грешница, падшая женщина. Но лишь когда я стала студенткой университета в Суонси, я поняла, что моя мать религиозный фанатик. В девяностом году по окончании первого курса я приехала домой и узнала, что мама готовит Джессику и Тоби к первому причастию. Но Джессика была *моей* дочерью, и я не хотела, чтобы ее мучили всей этой чепухой – с детства заставляли ходить на исповедь, заучивать всякую дрянь про первородный грех... Примерно тогда же я встретила Оскара – на первом курсе университета в Суонси. Он был красив, умен, любил меня... чем-то напоминал мне отца: всего добивался сам. Он учился на персональную стипендию и упорно трудился, чтобы сохранить право на нее.

– Это с ним вы путешествовали, когда пропала Джессика? – уточнила Эрика.

Лора надолго уткнулась взглядом в стол. Прошла минута, вторая. Наконец она подняла глаза и произнесла:

– Джессика не пропала. Это я ее забрала.

Глава 77

Вторник, 7 августа 1990 г.

Лора и Оскар Браун, обдуваемые морским ветерком, сидели на песке у трепещущего костра, согревавшего воздух. Ночь выдалась холодная. Над ними простиралось звездное небо. Они находились на берегу небольшой укромной бухты на полуострове Гауэр, близ Суонси. Кроме них на многие мили окрест ни души.

– Очаровашка она, твоя сестренка, – произнес Оскар, палкой вороша раскаленные угольки.

– Джессика всегда была очаровательна. Даже в младенчестве. А почти все младенцы жутко страшненькие.

– Возражаю, ваша честь! – игриво воскликнул Оскар. – Лично я был прелестным малышом.

– Не сомневаюсь. А теперь ты потрясающе красивый, сильный, сексуальный мужчина...

Оскар привлек к себе Лору, и они поцеловались.

– Ты хочешь иметь детей? – спросила она, глядя на него.

– Конечно. Когда-нибудь. – Он потянулся к бутылке вина, стоявшей на небольшом камне. – Подлить? – спросил Оскар, взяв бутылку. Лора нагнулась к нему, подставляя под горлышко свою кружку. *В сиянии костра он великолепен*, – восхищенно подумала она. Оскар встал, потянулся и пошел к груде плавника, который он насобиравал днем вместе с Джессикой.

– А ты меня не спросил.

– О чем? – Порывшись в небольшой куче древесных обломков, он выбрал гладкую плоскую деревяшку, обесцвеченную до белизны.

– Хочу ли я иметь детей?

– Хочешь, насколько я могу судить, – улыбнулся он, кинул деревяшку в огонь.

– Конечно.

– Скажем так: вот примут меня в адвокатуру, тогда и подумаем о детях, – хмыкнул Оскар.

Лора смотрела на море. Тон у него был шутливый, но говорил он вполне серьезно.

Когда они прибыли в уединенную маленькую бухточку, Джессика пришла в замешательство, но при виде сверкающего на солнце трейлера ее охватило радостное возбуждение. Полуостров Гауэр поражал красотой, а эта маленькая бухта и вовсе была похожа на земной рай: волны травы и вереска с проглядывающими тут и там валунами, сбегаящие на широкий песчаный пляж; вдалеке солнце искрится на морской глади; мокрый песок усеян скалистыми бассейнами.

– А мы будем искать здесь крабов и морских звезд? – Джессика раздвинула губы в счастливой улыбке, демонстрируя дырку в том месте, где у нее недавно выпал первый молочный зуб.

– Конечно. Ты беги с Оскаром, а я пока в трейлере уют для нас наведу, – сказала Лора.

Она хотела, чтобы все было идеально, и только Джессика с Оскаром, прихватив с собой зеленый сачок, стали спускаться к берегу, Лора быстро принялась за работу, превращая трейлер в уютный дом. Приготовила для Джессики маленькое спальное место в передней части трейлера, под окном, из которого она могла бы смотреть на море, а ночью – на звезды. Под одеяло сунула ее любимого плюшевого мишку.

Оскар арендовал трейлер у компании, поместившей свою рекламу на задней обложке одного путеводителя, и, будучи женщиной, ценившей земные блага, Лора немало обрадовалась, узнав, что их дом на колесах оборудован электричеством. Однако, когда они приехали на место, с запасом мороженого и замороженных гамбургеров, которые купили неподалеку, выяснилось, что электричеством трейлер снабжает работающий на бензине шумный генератор, и, когда его включили и он заревел, это несколько подпортило атмосферу романтики. Но внутри, как ни странно, рокот почти не ощущался.

По окончании уборки трейлер стал походить на вполне комфортное жилище, и в глубине души Лора уже с нетерпением ждала наступления ночи, представляя, с каким удовольствием она будет здесь спать. Она выпрямилась, убрала с глаз волосы и выглянула в окно. Далеко внизу на берегу Оскар с Джессикой, босоногие, осторожно ступали по дну одного скалистого бассейна.

Джессика с визгом отпрыгнула и рассмеялась, поднимая сачок, в котором сидел большой краб... Лора улыбнулась. Потом она обратила внимание, что на Джессике все то же нарядное платье, которое она надела,

собираясь к подруге на день рождения, и ее кольнуло чувство вины.

Джессике нужно бы переодеться. Лора жалела, что не взяла с собой кое-что из ее вещей, но она не хотела, чтобы мама поймала их с поличным и испортила их планы.

Лора солгала родителям, что они с Оскаром отправляются на лоно природы шестого августа. И солгала Оскару, что родители знают, что они берут с собой Джессику. За ложь ей стыдно не было; она переживала, что похитила Джессику.

Хотя разве она ее *похитила*? Просто забрала. Седьмого числа после полудня они подъехали к дому и стали ждать Джессику.

Лора знала, что та к двум часам собиралась на день рождения подруги. Она была самостоятельной малышкой, непременно захотела бы пойти без провожатых, как взрослая. Когда Джессика появилась на выходе с подъездной аллеи, Лора уже ждала ее с наигранно беспечным видом, прислонившись к капоту автомобиля. Оскар сидел в машине, изучая карту.

– Привет! Сюрприз! – воскликнула Лора.

– Разве ты не уехала? – удивилась Джессика. Прищурившись, она смотрела на нее, держа под мышкой небольшой подарок.

– Я приготовила для тебя сюрприз. Мы едем к морю!

– Но я иду на день рождения...

– На море куда веселее. Мы будем плавать, есть мороженое, строить из песка замки. А жить будем в трейлере почти у самого берега. Будем встречать рассветы. Как только проснемся утром, спустимся на пляж и будем смотреть, как встает солнце...

Лора старалась не допустить, чтобы в ее голосе слышалось отчаяние.

– А мама знает? – спросила Джессика, переложив подарок в другую руку.

– Конечно, знает! Я ей сказала, что хочу устроить для тебя сюрприз. Побаловать тебя. А подарок Келли ты вручишь, когда мы вернемся. Я ее предупредила, что ты к ней не придешь, и она не возражала. Это особенная поездка... Сегодня вечером мы разведем на берегу большой костер и будем жарить маршмеллоу.

Джессика наконец-то уступила, загорелась. Залезла в машину. Оскар обернулся, улыбнулся ей, и они поехали.

Их никто не видел.

Я ее не похищала, я – ее мать, – снова и снова твердила себе Лора. Завтра они съезжают в Суонси и купят Джессике еще что-нибудь из одежды, это совершенно не проблема. Главное, что она целую неделю проведет с дочерью – как мать. В этой роли ей было отказано, отчего она многие годы

чувствовала себя виноватой.

* * *

Месяцем раньше, когда Лора вернулась домой из университета, мощный материнский инстинкт вспыхнул в ней с новой силой. Она жаждала летом хоть немного побыть вместе с дочерью, и однажды, оставшись дома вдвоем с матерью, она подняла этот вопрос. Марианна занималась стиркой в прачечной, находившейся в глубине дома. Лора пришла к ней и сказала, что хотела бы завтра взять Джессику и погулять с ней по Лондону.

– Нет! Свыкнись уже! – рявкнула Марианна, доставая выстиранное белье из барабанной сушки. – Она счастлива и куда-то ездить гулять может только с матерью, а ее мать, если ты забыла, я!

– Ты ей не мать.

– Мать, – рассвирепела Марианна. – Все скулишь, стонешь, как ты по ней скупаешь, а сама все эти годы наслаждалась свободой, гуляла днями и ночами, блудила с парнями...

– Я не...

– Джессике сейчас чуть-чуть меньше лет, чем было тебе, когда ты согрешила, но она не совершит твоих глупых ошибок. Ты ничем не лучше обычной шлюхи. Я надеялась, что это было просто заблуждение, единичный случай, но твое поведение все эти годы доказывает, что ты насквозь порочна.

– Послушать тебя, так и Джессика – ошибка! Если я совершила ошибку, значит, Джессика и есть эта ошибка!

Марианна повернулась к ней, гневно сверкая глазами, и со всей силы ударила ее по лицу. Лора отлетела назад и упала, головой врезавшись в дверной косяк прачечной. С минуту она лежала, пребывая в шоке, потом потрогала голову. На пальцах была кровь. Она посмотрела на мать. Та как ни в чем не бывало продолжала выгружать из сушки белье, и при этом еще что-то мурлыкала себе под нос – беззаботно напевала.

Вот тогда-то у Лоры и созрел план взять с собой Джессику, когда они с Оскаром поедут отдыхать. Она обманула Марианну, сказав, что они уезжают шестого августа. На самом деле они планировали ехать днем позже.

Оскару она тоже всей правды не открыла. Он думал, ее родители в курсе, что они берут с собой Джессику, потому убедить его не составило

труда. Он любил детей.

* * *

Оскар с Лорой лежали в темноте у костра на сухом прибрежном песке. У их ног потрескивал огонь, пахло морем, издалека доносился плеск приливной волны.

Одной рукой он обнимал ее за шею, и она почувствовала, как его ладонь поползла по ее плечу и проникла в ворот блузки.

– Что это? – Она отстранилась от него и села.

– Что? Я ничего не слышу. – Он снова притянул ее к себе. – Не отвлекайся. Я хочу, чтоб мы с тобой здесь, на пляже... Вокруг ведь никого.

– Джессика... она в трейлере, а свет не горит. – Лора показала в ту сторону, где стоял трейлер.

Оскар посмотрел туда: и впрямь темно.

– Ну и что? Генератор заглох. Бензин, наверно, кончился.

– Но она боится темноты. Она одна, в темноте! – Лора вскочила на ноги, отыскивая туфли.

– Да не волнуйся ты так. Она уже крепко спит. Умаялась за день на свежем воздухе...

– Нельзя было оставлять ее там одну! – вскричала Лора.

Оскар выставил вперед ладони.

– Эй! Я-то в чем виноват? Успокойся. Будь она напугана, уже спустилась бы к нам. И ты сама велела ей запереть дверь. – Оскар достал из кармана ключ.

– Не умничай. Пойду посмотрю. – Лора уже обулась и по узкой тропинке торопливо стала подниматься к трейлеру.

Оскар пустился следом, нагнал ее. Они дошли до трейлера, он вставил ключ в замок.

– Ну и вонища от этого генератора, – сказала Лора.

– Бензиновые пары, – объяснил Оскар. Когда он открыл дверь, запах усилился, и на них повалил густой дым.

Глава 78

Вторник, 17 ноября 2016 г.

Эрика и Мосс цепенели от ужаса, слушая рассказ Лоры.

– В трейлере висел густой дым, сильно воняло бензином... Кто-то из нас двоих передвинул генератор, чтобы тот стоял ровнее: мы не хотели, чтобы его повалило ветром или он сам опрокинулся. Но мы не сообразили, что поставили движок рядом с вентиляционной отдушиной в передней части трейлера. Как раз напротив того места, где спала Джессика. Она оказалась запертой в помещении с закрытыми окнами, и трейлер наполнился дымом и газами. Оскар распахнул все окна и двери, пытаясь проветрить трейлер, но когда я подошла к Джессике... Она не дышала. Лежала все так же под одеялом. Кожа ее имела жуткий лилово-серый оттенок. Она была мертва.

Последовала длинная пауза. Адвокат, сняв очки, вытерла слезы.

– Значит, это был несчастный случай? – ошеломленно промолвила Эрика.

– Да. Мы должны были все проверить. Я обязана была проверить и вентиляцию, и окна.

– А что было потом? – спросила Мосс.

– Мы оба ополоумели. Не могли вспомнить, кто из нас переставил генератор. Я думала, что Оскар, он думал, что я... Потом я сообщила ему, что Джессика моя дочь, и его понесло. Он стал кричать про похищение, про обвинение в непредумышленном убийстве, что это он подписал договор на аренду трейлера и использование генератора. Что он молодой чернокожий парень, которого ждет блестящее будущее... «А тебе известно отношение судебной системы к молодым чернокожим парням?» – все вопил он. Тогда я схватила Джессику и убежала с ней на берег, и там просидела всю ночь, держа ее на руках. Просто держа на руках. Она была так прекрасна... Оскар за мной не пошел. Следующее, что я помню, это как рассвело и завелась машина. Оскар уехал, через некоторое время вернулся. Сказал, что заходил в один из магазинов на территории кемпинга, расположенного на удалении нескольких миль, и во всех новостях только и разговоров, что о похищении Джессики. Он и вовсе очумел, узнав, что я ему солгала.

– И как же вы поступили? – спросила Эрика, страхась услышать ответ.

– Мы похоронили ее... похоронили мою девочку... вырыли яму и

положили ее туда. Под деревом, откуда она могла бы видеть море. Мы были очень напуганы. Я перестала спать...

И тут Лора не выдержала. Эрика обошла стол и обняла ее. Взглянув на Мосс, она увидела, что у той тоже в глазах блестят слезы. Лоре удалось взять себя в руки, и она оттолкнула Эрику.

– Оскар сумел отрешиться от того, что случилось. Мы вернулись в Бромли, и он загнал произошедшее в дальний уголок сознания, а я носила в себе эту кошмарную тайну. Она тяжким грузом давила на меня, и сама мысль о том, что я бросила там свою доченьку... Мою Джессику. И знаете, что самое ужасное? Мне нравилось держать в неведении мать. Эта дрянь отняла у меня дочь, и теперь она на собственной шкуре испытала, что значит потерять ребенка! Так ей и надо! – крикнула Лора, стукнув кулаком по столу. – Ненавижу ее!

– Как Джессика оказалась на дне Хейзского карьера, если вы похоронили ее за сотни миль от дома? – осведомилась Мосс.

– Я сходила с ума. Полиция искала ее, а потом арестовала Тревора Марксмена – подарок небес. Он педофил, и я была рада, что его обвинили в гибели Джессики... Но мне невыносима была мысль, что она похоронена так далеко от дома, лежит там в полном одиночестве. И я сделала то, чего делать не следовало: написала Джерри. Решила, что он имеет право знать... Я отправила ему письмо.

– Джерри О'Райли? Отцу Джессики?

Лора кивнула.

– Попросила, чтобы он мне позвонил. Мы поговорили. Он сказал, что будет в Лондоне, хочет повидать друзей перед командировкой в Ирак. Я пришла к нему в гостиницу, осталась на ночь. И все ему рассказала. Думала, он взбесится. Но я должна была поставить его в известность, ведь он отец Джессики.

– Что произошло?

– А произошло то, что я поняла: он – гнусный мерзавец. Знаете, что его больше заинтересовало? Что к этому причастен студент юрфака, будущий адвокат с большими перспективами... Он заставил меня дать ему телефон Оскара. Сказал, что обо всем позаботится...

– И позаботился?

– После он сказал мне, что все устроил. Что она в карьере.

– А Боб Дженнингс? Человек, что жил в хижине у карьера?

– Джерри сказал, что их заметили, но с этим он тоже разобрался. Сказал, чтобы я молчала, и тогда мне будет обеспечена благополучная жизнь. Будущее.

– Боб Дженнингс не заслуживал смерти. Его убийство обставили так, будто он повесился, – сообщила ей Мосс.

В тишине слышалось тиканье часов.

– Я приходила туда иногда, – снова заговорила Лора. – Меня утешало, что она там. Ни семье, ни мужу, никому из друзей я ничего не сказала. Вытеснила из своего сознания. Когда постоянно живешь во лжи, эта ложь настолько укореняется в тебе, что ты и сам начинаешь в нее верить. Пока вы не нашли ее, я жила в убеждении, что она пропала без вести в тот роковой день, когда отправилась на день рождения подруги.

– Лора, так почему Джерри снова объявился? – спросила Эрика.

– Из-за Оскара. Все из-за него. Вы же видели, какой он стал – известный адвокат. Поговаривают, что скоро его назначат судьей.

– Что заставило его согласиться?

– Через несколько лет после смерти Джессики Джерри угодил в неприятную историю, его обвинили в попытке совершения убийства. Он вынудил Оскара представлять его в суде. И тот его вытащил, уж не знаю, как ему это удалось. А потом они начали... сотрудничать. Власть все больше и больше развращала Оскара. Джерри решал его дела. Выполнял грязную работу. Поэтому, когда нашли Джессику, Оскар снова привлек Джерри, чтобы тот мониторил ход расследования...

– И когда Аманда Бейкер оказалась близка к разгадке, он симитировал ее самоубийство. Но поскольку она ввела в курс дела детектива Крофорда, его тоже пришлось убрать. К тому же она собиралась поделиться информацией со мной. Так? – уточнила Эрика.

Лора посмотрела на нее. Ее глаза наполнились печалью и ненавистью к себе.

– Планировалось, что это должно выглядеть как кража со взломом. Вы помешали грабителю, он разозлился и убил вас.

– Дома была моя сестра, с двумя маленькими детьми и грудным ребенком. Вы ни перед чем не хотели остановиться, чтобы сохранить свою тайну. Неужели вы и впрямь рассчитывали, что вам это сойдет с рук?

– Сходило же двадцать шесть лет, – ответила Лора.

Эрика и Мосс откинулись на спинки стульев. Жалости к Лоре как не бывало.

– Вам известно, куда направляется Джерри О'Райли? – осведомилась Мосс. – Сегодня он сел на поезд до Парижа.

– Он всегда говорил, что когда-нибудь уедет... Возьмет, что ему причитается, и только его и видели.

– А поконкретнее? – допытывалась Эрика.

- Он говорил про Марокко.
- Почему Марокко? – спросила Мосс, взглянув на Эрику.
- У них нет договора с Великобританией о взаимной выдаче преступников, – объяснила Лора.

Глава 79

Джерри ехал в «Евростаре» уже больше шести часов, и им овладевало нетерпение. Мимо проносились зеленые поля, за окном начали попадаться отдельные здания. Он посмотрел на часы.

Семь минут. Через семь минут они прибудут на марсельский вокзал Сен-Шарль. Джерри почувствовал, как чья-то нога прижалась к его ноге, и взглянул на кареглазого парня, что сидел напротив. Тот был худой, с тонкими чертами лица, на губе – пирсинг. Звали его Пьер. Джерри едва не расхохотался. «Пьер из Парижа». Ну прямо типичный француз, типичнее некуда. Однако воспоминание об их свидании в тесном туалете отбило всякую охоту смеяться. Он и прежде, бывало, флиртовал с мужчинами, даже целовался с несколькими по пьяни и на спор. Но полноценный секс оставил ощущение омерзения и злости. А Пьер блаженствовал, согнувшись над грязной раковиной... задрал одну ногу на унитаз. И чем безжалостнее и яростнее Джерри вонзался в него, тем сильнее он балдел.

– Мой отель рядом с вокзалом, – сказал Пьер, теснее прижимаясь к нему ногой под столом.

– Отлично, – улыбнулся Джерри. Он прикинул, что если сойдет с поезда под ручку с Пьером, это будет удобным прикрытием. Выглядели они вполне подходящей парой. Джерри надеялся, что при расставании тот не закатит ему сцену.

В порту Марселя его ждало рыбацкое судно. Приятель одного приятеля, который был перед ним в долгу, доставит его по Средиземному морю из главного марсельского порта в Рабат. Скорее всего, путешествие будет долгим и трудным, но, по крайней мере, он доберется спокойно, не привлекая к себе внимания.

Джерри снова посмотрел на часы. Четыре минуты. Лучше бы самолетом полетел, подумал он. Хотя, с другой стороны, если его уже ищут, то наверняка в аэропортах, где власти особенно бдительны.

По приближении к центру Марселя застройка становилась плотнее, за окном поезда смеркалось, а потом замаячила переливающаяся огнями огромная стеклянная крыша железнодорожного вокзала.

Расплывшись в улыбке, Пьер поднялся со своего места и с багажной полки над головой снял свою сумку. Потом, все так же улыбаясь, спустил сумку Джерри и отдал ему.

– Мне нравится, – промурлыкал он.

Джерри кивнул ему с улыбкой. По-видимому, это была одна из немногих английских фраз, которые выучил Пьер, и он употреблял ее к месту и не к месту: описывая свой бутерброд, облако в форме кролика, цвет обивки сиденья. И постоянно – в туалете, согнувшись над раковиной, головой прижимаясь к сушилке для рук, пока Джерри его дрючил.

Джерри встал, и они направились в конец вагона. Поезд въехал под громадный стеклянный свод, мимо медленно ползла платформа. Джерри выглянул в окно: кое-где стояли пассажиры, но полиции видно не было.

Они сошли с поезда в обволакивающее тепло Средиземноморья.

– *Vive la France*. – Пьер широко улыбался, его карие глаза сияли. Он взял Джерри за руку, и они зашагали по платформе к огромному залу прибытия. В вышине в стеклянном своде теперь виднелось потемневшее небо густого синего оттенка, на котором зажигались первые звездочки.

Казалось, они уже целую вечность идут через громадный мраморный зал – мимо гигантского электронного табло прибытия, элегантной женщины с пуделем, двух молодых парней, уткнувшихся в свои айфоны.

– Поедем ко мне в гостиницу на такси? – предложил Пьер.

– Да, – ответил Джерри, взглядом шныряя из стороны в сторону по приближении к выходу.

– Тебе не нравится? – спросил Пьер.

– Нравится...

Они ступили на улицу, и Джерри наконец-то перевел дух. Ничего подозрительного – едут машины, люди бегут по своим делам. Они подошли к стоянке такси. Джерри остановился и повернулся к Пьеру. Хотел сказать ему, что был рад знакомству, но теперь ему надо идти, как вдруг раздался крик, и из грузовых фургонов, припаркованных по обе стороны такси, высыпали *gendarmes*. Они хлынули к нему, наставляя на него автоматы. Он не успел оказать сопротивление, даже шелохнуться не успел. Его повалили на землю вместе с Пьером. Тот начал что-то кричать по-французски. Джерри не понял ни слова.

Он ощутил дуло автомата на своей щеке. Щеголеватый *gendarme* с аккуратными усиками ботинком придавил его к тротуару.

– Джерри О’Райли? ДЖЕРРИ О’РАЙЛИ! – прогремел голос. Давление ботинка усилилось.

– Да, – прохрипел Джерри.

– У нас ордер на ваш арест. Очевидно, вы тот, кого называют английской мразью. Английская мразь, убийца.

– Я – ирландец, французское ты дерьмо! – огрызнулся он, вдыхая полный рот пыли.

– Да хоть сам черт. Ты все равно арестован.

Джерри подняли с земли и затолкали в полицейский фургон. Перед тем как дверцы перед ним закрыли, он увидел напоследок Пьера, беседующего с одним из жандармов. В руке он держал его сумку с двадцатью пятью тысячами евро.

Глава 80

В то время как Джерри загребал носом пыль у здания железнодорожного вокзала в Марселе, королевский адвокат Оскар Браун сидел за столом в офисе своей юридической конторы и смотрел на панораму Лондона. Темнело, по большим окнам от пола до потолка стучал дождь.

Он взял телефон и попробовал позвонить Лоре. Включился автоответчик. Он швырнул аппарат на стол и принялся вышагивать по кабинету, чувствуя, как взмокаящая спина зудит от пота и страха. Уезжая с Эйвондейл-роуд, он увидел полицейских и запаниковал. Теперь он проклинал себя за ту роковую ошибку, за то, что у него сдали нервы. Несколько часов он колесил по городу и, к своему ужасу, пропустил судебное заседание.

В его офисе безопасно, решил Оскар, а ему нужно подумать. Личного секретаря он отпустил домой, а внизу в приемной сказал, чтобы его не беспокоили ни при каких обстоятельствах... Это было полтора часа назад.

Тишина вселяла тревогу... Нет, он ехал быстро, погони за ним не было. И впервые за свою адвокатскую деятельность не явился в суд.

Но где же Лора? Где Джерри?

Сигнал электронной почты оповестил о поступлении нового сообщения, и Оскар вернулся к столу. Адрес был незнакомый, в строке «Тема» – **«ОТ СОЗНАТЕЛЬНОГО ГРАЖДАНИНА»**.

Он открыл письмо и в ужасе прочитал:

**«ОСКАР,
ДОСЬЕ НА ВСЕ ТВОИ МОШЕННИЧЕСКИЕ ДЕЛИШКИ
СЕГОДНЯ ОТПРАВЛЕНО ПО ЭЛЕКТРОНКЕ ШИШКАРЯМ
СТОЛИЧНОЙ ПОЛИЦИИ. А ТАКЖЕ ВСЕ, ЧТО МНЕ
ИЗВЕСТНО О ДЖЕССИКЕ КОЛЛИНЗ.**

**ЕСЛИ КОПЫ ЗНАЮТ СВОЮ РАБОТУ, ЖДИ ИХ ВИЗИТА С
МИНУТЫ НА МИНУТУ.**

**А Я СХОЖУ С ДИСТАНЦИИ. БУДЬ ЗДОРОВ, НЕ ХВОРАЙ.
Я ВСЕГДА ГОВОРИЛ, ЧТО ОДНАЖДЫ РАСТАЮ, КАК
ДЫМ.**

ДЖЕРРИ»

Оскара прошиб холодный пот. Потом зазвонил телефон. Он схватил трубку.

– В чем дело? Я же сказал, чтобы меня не отвлекали...

– Сэр, я знаю, что вы просили вас не беспокоить. Но к вам поднимается группа полицейских. Они даже слушать не стали... Я проверила у них документы и...

Рука его ослабла, он выронил трубку, упавшую на рычаг. Посмотрел на фото жены и двоих детей, обвел взглядом кабинет. Он ведь сделал блестящую карьеру.

Двухстворчатые двери распахнулись. На пороге стояли старший инспектор Фостер, инспектор Питерсон и еще трое полицейских. Прежде чем они успели что-то сказать, Оскар схватил бумажник, ключи и телефон, метнулся в дверь с правой стороны и запер ее.

Эрика подскочила к двери, ударила по ней кулаком.

– Оскар, откройте. Все кончено. Нам все известно. Мы беседовали с Лорой. Она задержана, находится в отделении... Джерри О'Райли арестован за убийство Боба Дженнингса, Аманды Бейкер и констебля Крофорда. – Она снова заколотила в дверь. – Оскар, с каждой минутой ваше будущее становится все более незавидным.

Следом за ними в кабинет Оскара влетела запыхавшаяся секретарь.

– Куда ведет эта дверь? – спросила Эрика.

– Э... я...

– Куда?

– В небольшую ванную с гардеробной... и на маленький балкон, – ответила она.

Эрика взглянула на одного из патрульных, кивнула ему. Тот подошел, навалился на дверь. Она поддалась легко – затрещала, открылась. Они двинулись через красиво обустроенную ванную, из которой другая дверь вела в маленькую комнату с раковиной, холодильником, низким диваном и застекленными двустворчатыми дверями, выходившими на балкон. Эти двери были распахнуты, и створки раскачивались от ветра и дождя.

Они вышли на балкон, Эрика перегнулась через перила: высоко. Тринадцать этажей отделяли их от заливаемой дождем дороги, которую освещали фары машин, двигавшихся плотным потоком, как это бывает в час пик. Они подняли глаза вверх и увидели прикрепленную к стене балкона железную лестницу, поднимающуюся на два этажа. Оскар был уже на середине лестницы – взбирался на крышу.

– Боже, как же я не выношу высоты, – произнесла Эрика. Она посмотрела на Питерсона, и они кинулись к лестнице. Эрика полезла

первой, он – за ней.

Один из патрульных последовал за Питерсоном; второй остался с секретарем.

– Он почти на крыше, – крикнула Эрика, пытаясь подниматься быстрее, но подошвы ее черных туфель скользили, и ей приходилось проявлять крайнюю осторожность. Далеко внизу в обе стороны растиался ковер огней. Громовой раскат, небо прорезал зигзаг молнии.

– Только грома с молнией нам не хватало! Черт, ведь по железной лестнице же лезем, на крышу небоскреба! – прокричал Питерсон.

– Это не небоскреб, обычное офисное здание! – крикнула ему сверху Эрика.

– Все равно высоко! – крикнул он в ответ.

Эрика посмотрела на Питерсона, и ее взгляд упал на видневшуюся далеко внизу дорогу. Она сморгнула с ресниц воду и отвернулась, сиюсь унять дрожь в руках и ногах.

Оскар докарабкался до конца лестницы и, перебравшись на крышу, исчез из виду. Это подхлестнуло Эрику. Спустя мгновения она тоже достигла конца лестницы и, перемахнув через бетонный выступ здания, ступила на плоскую крышу.

Оскар отдыхал у пожарного выхода на середине крыши. При виде Эрики он вскочил на ноги.

– Оскар, все кончено, – сказала она. Вскоре на крыше появился Питерсон и, наконец, патрульный.

– Ну и куда тебя понесло, братан? Куда ты собрался? Нам все известно: про гибель Джессики в трейлере, про тебя и Джерри. Угомонись и пойдем с нами.

– Тоже мне брат выискался! – прорычал Оскар. – Думаешь, раз мы оба черные, я так просто сдамся, из солидарности?

– Ну да. Потому что мы оба с тобой дураки, – ответил Питерсон.

Внезапно Оскар сорвался с места, по мокрой крыше промчался на противоположный край и занес ногу на бортик.

– Стойте! – крикнула Эрика, подбираясь к нему вместе с Питерсоном.

– Жизнь моя кончена! – заорал он. – Чего мне еще ждать?

– У вас дети, жена! – напомнил Питерсон.

Оскар как-то вдруг обмяк всем телом.

– Жена, дети, – повторил он. Нагнув голову, он потер глаза. – Дети...

– Пойдемте с нами, прошу вас, – сказала Эрика, шаг за шагом приближаясь к нему с вытянутой рукой.

– Я не хотел, чтобы так вышло, – крикнул Оскар, перекрывая шум

дождя и грома. – Как бы банально это ни звучало, но я... Я – не убийца. Просто так сложились обстоятельства.

Посмотрев вниз, он убрал ногу с бортика и повернулся к ним.

– Ладно. Хорошо.

– Вот и славно. Подойдите к нам, – начала Эрика. Патрульный приготовил наручники.

Неожиданно Оскар схватился за бортик, поднялся на него и встал, раскинув руки.

– Моя жена, дети... передайте им, что я глубоко сожалею, что я люблю их. – Он чуть отклонился назад и затем бросился вниз.

– Боже! Нет! – вскричала Эрика. Они подскочили к краю крыши и посмотрели на простиравшуюся далеко внизу улицу.

Дорожное движение застопорилось, машины сигналили, до них донесся слабый вскрик. Они увидели крошечное изуродованное тело Оскара, лежавшего на дороге в неестественной позе.

Эпилог

Две недели спустя

Эрика, Мосс и Питерсон вышли из церкви на Онор-Оук-Парк. В первых числах декабря стоял чудесный зимний денек: ярко светило солнце, над головами голубело ясное небо, свежий воздух бодрил.

Это были уже вторые похороны, на которых они присутствовали в этот день. Первые состоялись в Бромли, где они попрощались с Крофордом. Тогда-то они и узнали, что звали его Десмонд и что до развода он увлекался черепахами. Была организована скромная панихида, и в последний путь его проводили достойно, хоть народу пришло и немного.

С надгробной речью выступил суперинтендант Йель. Правда, рисуя портрет Крофорда, он временами терялся, не зная, что сказать. Потом к кафедре вышла дочь Крофорда – ей было не больше десяти лет – и прочла стихотворение. Ее мать и младший брат смотрели на нее, в безмолвии переживая свое горе.

*Если завтра я в вечность уйду,
Не надо по мне горевать,
Я оставлю вам сердце своё,
Оно будет жить среди вас.
И любовь, что в душе моей,
Будет для вас сиять,
Освещать вашу жизнь с небес,
Утоляя вашу печаль.*

Эти пронзительные строки неожиданно взволновали Эрику. Ее глубоко тронуло, что маленькая девочка сумела выразить так много чувств в столь коротком поэтическом отрывке.

Церемония вторых похорон проходила в более оживленной атмосфере. Сама церковь на Онор-Оук-Парк восхищала красотой, и служба здесь была более торжественной. Под аккомпанемент органа они все исполнили англиканский гимн «Весь мир земных творений», который неизменно наполнял восторгом сердце Эрики.

Оказалось, что Аманда Бейкер была личностью более популярной, чем

они думали, и попрощаться с ней пришло много народу: давние друзья, коллеги. Эрика была растрогана, увидев на похоронах недавно вышедшего в отставку помощника комиссара Оукли, как всегда прилизанного и щеголеватого, а также его преемницу Камиллу Брейс-Козуорси, которая выступила с удивительно проникновенным надгробным словом. В завершение своей речи она сказала:

– Карьера Аманды Бейкер на службе в Столичной полиции не всегда складывалась удачно, но, к сожалению, самые славные ее мгновения пришлось на последние дни перед ее безвременной кончиной. Мы должны быть благодарны Аманде за то, что она не проигнорировала дело Джессики Коллинз, работала над ним даже тогда, когда все остальные поставили на нем крест. Она продолжала искать, задавать вопросы и в конце концов нашла важное доказательство, которое в итоге и помогло раскрыть дело. Я хотела бы публично воздать должное Аманде за годы ее верной службы в Столичной полиции.

Собравшиеся разразились аплодисментами. Эрика устремила взгляд на гроб, воображая, что сейчас Аманда испытывает неимоверную гордость.

* * *

По окончании похорон Эрика, Мосс и Питерсон пошли через кладбище к дороге.

– Ну и дело, – промолвила Мосс. – Три трупа, самоубийство, и все ради того, чтобы скрыть обстоятельства гибели Джессики Коллинз. Почему они просто не рассказали все как было?

– Испугались, – ответил Питерсон. – А потом страх обратился против них, заставил делать то, о чем они даже помыслить не могли.

– Какая нелепость, – согласилась Эрика.

Они достигли ворот, вышли на дорогу и с удивлением увидели Тоби Коллинза. Тот ожидал их вместе с Танвиром. Оба были в черных костюмах, Тоби держал в руках букет красных гвоздик. Выглядел он юным и беззащитным.

– Привет. – Тоби слабо улыбнулся.

– Здравствуйте, Тоби, – поприветствовала его Эрика. – Вы немного опоздали. Пропустили службу.

– Нет. Я подумал, что наше присутствие там будет неуместно. Вот, мы принесли цветы... – Он внезапно умолк, но эхо его голоса какое-то время еще резонировало в воздухе. – Я правда не знал, – добавил Тоби со слезами

на глазах. – Вот дурак, да? Что теперь будет с моей сестрой?

Эрика, Мосс и Питерсон переглянулись.

– Не знаю, – ответила Эрика. – Суд решит. Мы записали ее показания. Совершенно очевидно, что Джессика умерла в результате несчастного случая. Но вот оценку ее дальнейшим действиям, при участии Джерри, даст суд.

Тоби кивнул.

– Я потерял всю свою семью. Тан – все, что у меня есть. – Тан взял Тоби за руку. – Мама все еще в психушке... Прогнозы неутешительные. Папа зарылся головой в песок – уехал в Испанию со своей новой семьей... Лора в Холлоуэе^[39], ждет суда. Раньше чем через две недели я не смогу с ней увидеться, но я даже не знаю, хочу ли.

– Вашему отцу придется вернуться. Мы с ним тоже хотим побеседовать.

Тоби кивнул.

– Как мне теперь быть? – спросил он, столь пристально глядя на Эрику, что она растерялась.

– Родных не выбирают. Держитесь друг за друга, да покрепче, – посоветовала Мосс, положив руку ему на плечо.

– Хорошо. Постараемся. Спасибо, – поблагодарил он.

Танвир и Тоби пошли прочь от кладбища в направлении станции. Они смотрели им вслед.

Улицу огласил исступленный автомобильный гудок, и на перекресток из-за поворота выехала машина Эрики, причем не по той стороне дороги.

– Это ваша сестра? – спросила Мосс, приглядевшись. – Она знает, что едет не по той стороне?

Снова гудок. Машина, катившая им навстречу, с визгом затормозила. Потом Ленка резко переместилась на нужную полосу.

– Теперь знает, – ответила Эрика.

Ленка остановилась на обочине возле них и опустила стекло. Они заглянули в салон и увидели на заднем сиденье Якуба с Каролиной, а между ними в детском кресле – малышку Эву.

– Всем привет! – поздоровалась Ленка, старательно выговаривая английские слова.

Мосс и Питерсон ответили на ее приветствие, помахали детям.

– Вы сейчас куда, босс? – полюбопытствовала Мосс.

– В «Зимнюю Страну чудес» в Блэкхите. Через пару дней Ленка возвращается домой, там вроде все уладилось, – ответила Эрика, поведя глазами.

– Грустно будет расставаться с ними, – заметила Мосс, бросив взгляд на Питерсона. Тот корчил смешные рожи Якубу и Каролине, дети хохотали.

– Грустно, – с улыбкой согласилась Эрика. Ленка посигналила, и Эрика села в машину, добавив: – До скорой встречи. Давайте соберемся вместе на Рождество, выпьем.

– Позвоните нам, – сказал Питерсон.

Автомобиль рванул с места, лихо метнулся на другую сторону дороги и затем снова вернулся на левую полосу. Мосс посмотрела на Питерсона. Тот провожал взглядом машину Эрики, исчезающую за углом.

– Вряд ли она позвонит, – произнесла Мосс.

– Как знать.

– Запал ты, что ли, на нее, Питерсон?

Он кивнул со вздохом.

– Дуралей ты несчастный. Пойдем хоть пивом тебя угощу, – предложила она.

Мосс взяла его под руку, и они, в поисках тепла и дешевого пива, отправились в ближайший паб.

КОНЕЦ

К читателю

Прежде всего, огромное спасибо вам за то, что вы прочли мой роман «Темные воды». Если он вам понравился, напишите отзыв, я буду очень благодарен. Пусть небольшой, всего несколько слов, он сыграет важную роль и будет способствовать тому, чтобы другие читатели тоже открыли для себя одну из моих книг.

В конце своих предыдущих романов об Эрике Фостер, «Девушка во льду» и «Ночной Охотник», я написал, что хотел бы услышать ваши отклики, и вы не подкачали. Я потрясен! Спасибо всем за ваши отзывы, что вы присылаете на мой личный сайт, на мои странички в *Facebook* и *Twitter*. Мне поступают письма со всех уголков мира, и я с удовольствием читаю ваши суждения о моих книгах, а также безумно рад фотографиям собак, что мне присылают. У меня две мальтийские болонки, и они рады знакомству с новыми друзьями!

Вы можете связаться со мной, написав на мою страничку в *Facebook*, а также через приложение *Instagram*, интернет-портал *Goodreads* или мой личный сайт www.robertbryndza.com. Я читаю все сообщения и непременно отвечу вам.

Я намерен издать еще много книг и надеюсь, что вы составите мне компанию в этом приключении!

Роберт Брындза

P.S. Если хотите, чтобы вам на электронную почту пришло уведомление о выходе в свет моей новой книги, подпишитесь на мою рассылку, воспользовавшись приведенной ниже электронной ссылкой. Конфиденциальность адреса вашей электронной почты гарантирована, и вы в любой момент можете аннулировать свою подписку.

www.bookouture.com/robert-bryndza

@robertbryndza

bryndzarobert

www.robertbryndza.com

От автора

Я выражаю признательность Оливеру Роудзу, Наташе Ходжсон, Натали Батлин, Кейт Баркер и замечательной команде издательства *Bookouture*. Спасибо Ким Нэш – представителю *Bookouture* по связям с общественностью, специалисту по рекламе и большому знатоку джина, она великолепна в своем деле продвижения и популяризации наших книг. Особая благодарность моему блестящему редактору/подельнику Клэр Борд, которая всегда мастерски направляет меня на протяжении всего писательского процесса.

Спасибо Генри Стедману за очередную прекрасную обложку для моей книги. Я благодарю сержанта Лорну Деннисон-Уилкинс за то, что она терпеливо отвечала на все мои вопросы о работе полицейских водолазов и поведала множество историй из своей практики руководителя особого поискового отдела полиции Суссекса.

Особая благодарность Грэму Бартлетту, старшему суперинтенданту в отставке, а ныне консультанту по вопросам полицейского протокола – <http://www.policeadvisor.co.uk> – за его бесценные советы, которые позволили мне передать события как можно достовернее. И прошу заметить, что всякие вольности в обращении с фактами на моей совести.

Я крайне признателен Лорелле Белли из *LBLA*. Она сотворила чудо, способствуя распространению по всему миру книг об Эрике Фостер, которые уже переведены на двадцать языков, и это число растет.

Хочу сказать спасибо своей свекрови Вьерке – за чуткость: когда я начинаю буксовать на последних главах, она всегда спешит угостить меня жареным цыпленком. И я безмерно благодарен своему Яну, а также Рики и Лоле. Без их любви и поддержки у меня ничего бы не получилось. Команде Брындзы нет равных!

И наконец, я хочу выразить признательность всем своим чудесным читателям, читательским клубам и блогерам. Я всегда это подчеркиваю, но это – истинная правда: отзывы живых людей – большое дело. Без вашей непростой работы, без страстной оценки, без обсуждения моих книг, в том числе и в блогах, у меня было бы гораздо меньше читателей.

Примечания

У. Шекспир. «Ромео и Джульетта». Акт 4. Сцена 5. В переводе
Б. Пастернака. (*Здесь и далее прим. переводчика.*)

Роман «Девушка во льду».

Сиротка Энни – огненно-рыжая девочка, героиня одноименного комикса, созданного американским графиком Гарольдом Греем (1894–1968); дидактический комикс ежедневно печатался в 400 газетах с 1925 по 1968 г.

Роман «Ночной Охотник».

Заботливые мишки (Care Bears) – персонажи-мишки и герои одноименного мультсериала. Первоначально набор из десяти мишек был создан в 1981 г. американской художницей Еленой Кучарик (Клэр Рассел) для серии поздравительных открыток. В 1983 г. была выпущена серия мягких игрушек с этими персонажами, а начиная с 1984 г. Заботливые мишки становятся героями нескольких мультсериалов и полнометражных мультипликационных фильмов, выпущенных компаниями *Nelvana* в 1980-х гг. и *Sabella Dern* в 2000-х гг.

«Улица Коронации» (*Coronation Street*) – популярный британский телесериал о повседневной жизни нескольких семей, живущих на одной улице в городке на севере Англии. Стартовал в 1960 г.

Сотрудник по связям с родными – в британской полиции специально обученный сотрудник, через которого происходит всякое взаимодействие следственной группы с семьей потерпевшего в особо тяжелых случаях при расследовании убийств и похищений. Полиция Лондона также прибегает к помощи этих людей в случае терактов и стихийных бедствий.

Мисс Хэвишем – персонаж романа Ч. Диккенса «Большие надежды», богатая старая дева, безумная старуха-затворница, расхаживающая по дому в истлевшем подвенечном платье.

Социально-реабилитационный центр – субсидированное жилье, предназначенное для социальной реадaptации лиц, освободившихся из-под стражи.

HOLMES (*Home Office Large Major Enquiry System* – Главная система дознания Министерства внутренних дел) – главная поисковая система Министерства внутренних дел Великобритании, призванная анализировать и сопоставлять множество разнохарактерных улик, обнаруживаемых на месте происшествия, сравнивать их с данными по другим преступлениям, точно фиксировать следственные действия и т. п.

Здесь имеется в виду женская шляпка – с широкими полями только спереди, стянутыми с боков лентами.

Идрисса Акуна «Идрис» Эльба (род. в 1972 г.) – британский актер кино и телевидения, наиболее известный по фильмам «28 недель спустя» (2007), «Рок-н-роллер» (2008), «Призрачный гонимый-2» (2012), «Прометей» (2012), «Тихоокеанский рубеж» (2013).

Перес Хилтон (настоящее имя – Марио Армандо Лавандейра Младший, род. в 1978 г.) – американский блогер. Его сайт известен публикациями новостей, касающихся личной жизни музыкантов, актеров и знаменитостей.

Роза Паркс (1913–2005) – американский общественный деятель, зачинатель движения за права чернокожих граждан США.

Приобретательная давность – один из способов получения права собственности на имущество в результате добросовестного пользования в течение определенного срока.

Ночь Гая Фокса (Ночь костров, Ночь фейерверков) – в Великобритании традиционное ежегодное празднование в ночь на 5 ноября. В эту ночь, пятую после Хеллоуина, отмечается провал Порохового заговора: 5 ноября 1605 г. во время тронной речи короля Якова I, являвшегося протестантом, группа католиков-заговорщиков предприняла попытку взорвать здание Парламента Великобритании. Названа по имени предводителя заговорщиков Гая Фокса. Раскрытие заговора отмечается фейерверками и сожжением чучела Гая Фокса. Накануне дети выпрашивают монетки «для отличного парня Гая», чтобы закупить петард.

В Великобритании пятиступенчатая система оценки террористической угрозы (введена с 1 августа 2006 г.): низкий, умеренный, значительный, серьезный и критический.

В Великобритании адвокат высшего ранга, имеющий право выступать в высших судах.

Кооперативное сообщество – самый крупный потребительский кооператив в Великобритании. Основан в 1844 г.

Достопочтенный/ая (Honourable) – в Великобритании титулование детей пэров; применяется также в отношении замужних дочерей баронов и жен лиц, имеющих титул Honourable.

«Золотая лань» (Golden Hinde II) – точная копия небольшого английского галеона, совершившего кругосветное плавание в XVI в. под управлением капитана сэра Фрэнсиса Дрейка. «Золотая лань II», воссозданная к 400-летию кругосветной экспедиции, была спущена на воду в 1973 г.

Британский еженедельный журнал о радио и телевидении. Печатает телепрограмму. Основан в 1923 г.

Сеть пабов в Великобритании и Ирландии (в народе известна как *Wetherspoon's* и *Spoon's*). Основана в 1979 г. Тимом Мартином (род. в 1955 г.).

Dibble – «полицейский» на сленге в Манчестере, где Эрика Фостер служила в полиции много лет. По имени персонажа, мистера Диббла, американского мультсериала «Суперкот» (*Top Cat*), впервые выпущенного на экраны в 1961 г.

Роман «Девушка во льду».

Careless Whisper (букв. в переводе с англ. – «Неосторожный шепот») – первый сольный хит британского певца Джорджа Майкла (1963–2016), участника поп-дуэта *Wham!*. Песня выпущена в 1984 г.

Сеть супермаркетов в Великобритании. Основана в 1904 г.

Francúzske Zemiaky (словац.) – картофель по-французски.

Британский круглосуточный информационный телеканал. Начал вещание в 1989 г. Входит в группу каналов компании *BSkyB* (*British Sky Broadcasting*).

Мэдлин Бэт Макканн – трехлетняя девочка из Великобритании, пропавшая из номера отеля в Прайя-де-Луш (Португалия) 3 мая 2007 г.

Цельнозерновое бисквитное печенье.

Здесь, очевидно, ссылка на книгу Рэнди Тараборрелли «Называйте ее мисс Росс» (*Call Her Miss Ross*) об американской певице Дайане Росс; книга вышла в 1989 г.

Сеть супермаркетов в Великобритании, торгующая главным образом замороженными продуктами. Основана в 1970 г.

Deal or No Deal – британский аналог телеигры, разработанной в Нидерландах. Передача шла на телеэкранах в 2005–2016 гг. Русская телеверсия (показывали в 2006 г.) носила название «Сделка». Суть игры: есть 26 чемоданов, в которых находятся разные суммы денег от 1 до 1 000 000. Участник выбирает один чемодан, с которым он проведет всю игру, если не захочет его поменять. Затем участник открывает другие чемоданы, и суммы, находящиеся в них, выбывают из игры. Против участника играет банкир, перед которым стоит задача не дать игроку уйти из студии с большими деньгами и выкупить его чемодан за меньшую цену.

Британский телесериал о жителях вымышленного пригорода Честера под названием Холлиоукс. На телеэкранах с 1995 г.

В тюремной системе Великобритании категорией А обозначаются самые опасные преступники, а также тюрьмы или их отделения с самыми строгими условиями содержания правонарушителей.

Коржик (*англ. Cookie Monster*) – вымышленный кукольный персонаж в телешоу «Улица Сезам» (международная детская образовательная телепрограмма, впервые вышла в эфир в 1969 г.), обжора.

Второй Ватиканский собор (1962–1965) – XXI Вселенский собор Католической церкви (созван по инициативе Иоанна XXIII), в результате которого католицизм официально перешел на модернистские и экуменические позиции.

Холлоуэй (Holloway) – тюрьма в Лондоне, самая большая женская тюрьма в Англии. Основана в 1883 г.